

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ПОСЛЕДНЕЕ
ОТКРОВЕНИЕ
СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ**

Оглавление

О КНИГЕ.....	3
Бред во сне, или галлюцинации наяву	6
Без права на прощание	50
Паутина.....	70
Плата за прошлое	98
Обреченность.....	130
Ради блага ближнего.....	141
Раздвоение	170
Найти себя.....	191
Последнее откровение	209

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

«Если кому вздумается возразить мне - сделайте одолжение, мне все равно».

Серен Кьеркегор

С.А.

Зелинский

**Последнее
откровение
СБ.ПОВЕСТИ**

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский
Последнее откровение

С. А. Зелинский.
Последнее откровение. Сборник
повестей.— CANADA.: Altaspera Publishing &
Literary Agency Inc, 2014. — 207 с.

ISBN 9781312344815

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Сборник повестей «Последнее откровение»

повесть

Бред во сне, или галлюцинации наяву

«Если кому вздумается возразить мне - сделайте одолжение, мне все равно».

Серен Кьеркегор

Предисловие.

Вся ошибка моя состояла в том, что я всегда делал ошибки. Так выходило всегда. Так вышло и в этот раз. Не знаю. Быть может, возможно было, чтобы вышло как-то иначе. Но уж слишком 'проблемный' я был человек. В том смысле, что проблема заключалась во мне самом. И никак нельзя было от того избавиться. И ничто не могло изменить подобную ситуацию. Привести к чему-то, от чего (или с помощью чего) я мог бы надеяться на положительное разрешение. Разрешение чего? Конфликта разумеется. Того конфликта, что произошел с моим непосредственным участием. Да что там. И произошел то он именно из-за меня. Вернее, из-за моего второго 'Я'. Которое в последнее время все чаще вмешивается (не вовремя вмешивается) в мою жизнь. Не только довлея над мыслями, но и, зачастую, руководя ими. И нет у меня иного выхода, как только смириться с

этим. Да. Именно смириться. Что ж. Если вы хотите, я могу рассказать, что же со мной произошло. Да. Я, пожалуй, действительно согласен, вам рассказать. И если вы согласны - слушайте.

Часть 1

Глава 1

В один из дней (не буду вдаваться в детали, что это был за день; главное уже то, что он был) я проснулся внезапно и довольно раньше обычного. И тотчас же понял, что мне срочно следует куда-то бежать. Ибо та 'миссия', которая была возложена на меня (а что это именно 'миссия', --я почти не сомневался) не требовала промедления.

Быстро сделав необходимые утренние дела, я уже было вышел из двери... Как неожиданно задумался...

-- А куда мне следует спешить? - словно сам по себе, в моей голове возник справедливый вопрос.

-- Что, потерялся? - спросил мой внутренний голос.

-- Нет, куда мне действительно следует идти? - слегка ожесточеннее, чем следовало, спросил я себя и... Всерьез задумался об ответе... Мне показалось, что ответа просто не существовало.

-- Ну, если так хочешь, сходи уж куда-нибудь,-- пытался пойти на попятную внутренний голос.

-- Да куда ж я пойду? - недоуменно спросил я.

Но несмотря ни на что, я действительно ощущал, что с той нестерпимой болью внутри, которая руководила мной, вынуждая часто совершать какие-то необдуманные (и верно,

---

совсем ненужные) действия, мне следовало куда-то идти. Быть может даже, бежать. Но вот куда?

Глава 2

В моей душе начинался разлад. Пытаясь, было, унять набежавшую тревогу (а тревога всегда оказывалась пропорциональна поглощающему меня страху от неизвестности), -- я обнаружил, что мне, в какой-то мере, нравилось подобное состояние. Это еще более казалось странным оттого, что так быть не должно. Нисколько. Никогда. И уже от осознания сего факта - мне стало еще больней (где-то там, в глубине подсознания...).

Но я знал и о том, что так просто мне уже от этого не избавиться. А то и наоборот, чем больше я начинал задумываться об этом, тем явнее почему-то начинал оправдывать то, что происходит.

...Что это было?.. Так ли серьезно все было на самом деле?.. Или многое, я уже начинал домысливать сам?..

Но мне почему-то казалось, что все было именно так... А то и настоящая 'реальность',-- была еще намного хуже...

Вот уже как полчаса я стоял возле входной двери, не в силах тронуться с места. Нет, конечно, заставь я себя куда-либо идти - и наверняка бы смог. Но... Я не знал, куда мне следовало идти?.. (И в то же время знал, что должен не только идти, но и бежать; бежать потому, что опаздываю...).

Но куда?.. Куда я должен идти, бежать?.. Куда?

Я не знал этого... Но с каждой минутой своего 'промедления', я все больше и больше ощущал, что вот-вот должно произойти что-то очень важное, которое я не только не мог

пропустить, но и я (так мне казалось), именно 'я', -- был одним из 'действующих лиц'. И без меня это 'событие' может просто не состояться.

Но почему я там должен быть?.. И что это было за 'событие'?..

Прошло, наверное, еще с полчаса, прежде чем я наконец-то сдвинулся с места. Я пошел. И хоть адрес моего обязательного 'прибытия' по-прежнему был мне не известен, что-то такое (довольно расплывчатое) я все же ощущал в своем затуманенном сознании. А потому, с трудом улавливая (на миг появляющиеся перед глазами) строчки адреса записанного на какой-то пожелтевшей бумаге, я брел туда, где меня ждали.

Ждали ли?.. Ждали. Именно ждали! И в этом я почему-то был уверен.

И я шел... Шел, преодолевая какое-то (с каждым шагом возраставшее) сопротивление. Шел... совсем не представляя, куда я должен идти?.. Но уже казалось, мое тело двигалось совсем не считаясь с моей волей... И я просто подчинился этому движению...

А что мне еще оставалось?..

-- Почему я должен куда-то идти? - иногда появлялся в моей голове вопрос. Но то, что 'направляло' и руководило сейчас моими действиями, - совсем не замечало каких-то вопросов. А я... я не помнил куда должен идти... И оттого, на душе у меня было очень плохо... Плохо... Очень плохо...

-- А может, я и не знал, куда мне следовало идти?-
родилась в голове запоздавая догадка. - Понимаете?.. Я не знал, куда должен идти! Потому... Потому что...

Потому что - и не должен был никуда идти!?..

Вот ведь как!.. Я совсем не должен был куда-то сегодня идти!.. Ведь накануне, я собирался провести целый день дома. За работой. Накопилось много корреспонденции; требовалось ответить на письма от читателей; помочь скомпоновать номер (я работал редактором в научно-популярном журнале). Еще оставались рукописи, которые я должен просмотреть... Так почему я сейчас куда-то иду?!

...Но я шел... И понимал, что какое-то мое 'желание',-- совсем не важно. На него просто не обращают внимания. И... Что-то внутри меня было такое, что говорило, что это правильно...

Я шел. Шел, почти догадываясь уже, - что дойти не смогу. Но шел. Просто потому, что должен был идти. И самое главное: там меня ждали! Вот ведь как. И не спрашивайте меня кто? Кто должен ждать? Должны. Ждать. И я не мог обмануть их. Не мог поступить иначе. Не мог обмануть. Потому как, чувство какой-то 'ответственности' было развито во мне настолько,-- что свернуть в сторону я не мог. Не мог отступить назад. Так же как не мог, и вовсе отступить.

...Вот оно как... Потому я и шел...

Что я помню еще из того, что мне должно быть известно?.. 'Примерное' время... 'Примерное' место... 'Примерные'... лица...

Надо ж? Я действительно помню их лица?! Я знаю лица тех, с кем должен встречаться?!.. Мне стало смешно. Неужели я действительно знаю их лица?.. Но почему 'лица'? Почему во множественном лице?.. Их что - несколько?.. Почему я говорю себе 'знаю их лица', непременно имея в виду именно

множественное число?.. Был ли я уверен, что это было именно так?.. Да и так ли это было на самом деле?..

...Пожалуй, что так... Хотя... Разве есть у меня другой выход?.. Мне остается только сопоставлять да анализировать прошлое... И иного не дано...

Мне показалось любопытным, что те лица, которые проносились в моем воображении - принадлежали сильным и мужественным людям... Почему я решил что это так? А почему бы и нет?!

Но если честно - я не знал. Ведь наверняка, четко я их различить не мог. (Да для этого мне - да и им - надо было бы остановиться, замереть на месте). Но где-то в глубине, внутри, в моем подсознании - проносились они... И казались какими-то расплывчивыми...

И все же я был уверен, - что это были лица сильных и мужественных людей...

А может, мне просто хотелось, чтобы это было так?.. Насколько я отдавал отчет, что эти люди действительно существовали?..

Но, казалось, в этом я уже не сомневался...

Первое 'лицо' принадлежало (хотелось даже сказать: 'бесспорно принадлежало', но насколько этот вариант усиления значения слова подходил к тому смутному образу, который я видел) мужчине средних лет, с большими, мясистыми, несколько даже свисающими щеками, вдоль которых расплзались пышные, сползающие с верхней губы вниз до подбородка, светло-рыжие усы... Глаза были весьма выразительны, немного навывкате, словно 'вопрошающе' глядевшие на вас. Нос был необычайно широкий,

---

даже расплывчатый, а то и даже вдавленный вглубь... Сверху это лицо обрамляло густая рыжая шевелюра...

Что до второго (а их было, как вроде бы, двое), то оно показалось мне менее выразительным. Даже каким-то бесцветным.

Овально-продолговатая форма... Немного удлинённый нос (под каким ракурсом даже больше напоминающий клюв хищной птицы, хотя все же, видимо, этот человек по своему характеру совсем не походил на особо агрессивных представителей отряда пернатых; а то и наоборот, скорее напоминал какого-то щедущего и 'забитого' человечка...). И он мне показался настолько 'не уверен' в себе, что я первым делом обратился к нему.

От моего вопроса этот человек шарахнулся в сторону, но тут же справившись со своим волнением - внимательно посмотрел на меня.

Отвечать он, впрочем, не собирался. И я это понял.

Но мне захотелось 'расположить' к себе этого человека. Я как-то угадывал, что именно он (несмотря на свой жалкий вид) был главным в этом странном дуэте.

-- Почему опаздываете?! - опередил меня тот, усатый.

-- Да, вы уже десять минут как должны прибыть,-- еле слышно, опустив глаза куда-то вниз подтвердил 'второй', неуверенно пытаясь одновременно посмотреть и на меня и в свои наручные часы.

Я, было, собрался ответить, что ни с кем и ни о чем 'не договаривался', но тут же подумал, что, по всей видимости, это не так. А иначе чем я мог объяснить мое здесь нахождение?

Вероятно как-то по-своему истолковав мое молчание (ну, скажем, 'сожалением о случившемся'), 'первый' сказал, что меня прощает. И поинтересовался, принес ли я то, что было нужно.

Я как можно мягче, но все же вопросительно посмотрел на него. (Что я должен принести? - попытался собраться я с мыслями).

-- Ну, как же,-- просверлил меня взглядом 'второй'. (Он умел читать мысли?).-Ведь мы специально пришли сюда для этого. Или Вы забыли?

-- Да как Вы могли забыть?! - недоуменно посмотрел на меня 'первый'. - Ведь этого не может быть?!

Я стоял перед ними, слегка перетаптываясь на месте, и мучительно вспоминал, что же требовалось от меня? Невероятно, но они что-то ждали от меня. То, что я должен был им принести. И, конечно же, они знали - 'что' это было. Но как-то неловко спрашивать у них об этом. Да и ждут они скорее этого от меня. А я могу только предположить, что это 'что-то',-- было необычайно важное... Но что? Что это было?.. (Да и, признайся я, что ничего не помню - а тем более не знаю-- и они ведь очень 'расстроются'?! А вдруг это как-то обернется против меня?..).

-- Ну, Вы же сами нашли нас!?- вероятно, пытался как-то 'навести' меня на нужные 'воспоминания' (а заодно и на получение того, в чем они так нуждались) 'второй', и внимательно посмотрел на меня.

-- Да, да! Ведь он действительно нашел нас,-- словно только сейчас догадался об этом 'первый', и посмотрел сначала на 'коллегу', а потом на меня (ну или наоборот).-Ну что же Вы молчите? (Теперь смотрел на меня). Или мы что-то говорим не

так? Ведь Вы просто не могли забыть 'этого',-- убежденно произнес он.

Внезапно мне показалось, что они попросту валяют дурака... Вполне могло быть, что они случайно увидели меня; и решили разыграть!? Что ж! Я способен 'оценить' их юмор!

Я улыбнулся, и дружески похлопав каждого из них по плечу, повернулся, собираясь идти дальше. Но обнаружил, что не могу сдвинуться с места.

-- Мы Вам уходить еще не разрешали,-- снисходительно пояснил мне 'первый'.

-- Отдайте нам поскорее то, что должны, и мы спокойно расстанемся,-- тихо (быть может даже, как мне показалось, 'дружелюбно') проговорил 'второй'.

-- Да, да, отдайте,-- вторил ему 'первый'.

-- Но... Но ведь у меня ничего нет...-- ответил я.- Совсем ничего...-- повторил я уже менее уверенно. (Мне почему-то показалось, что я ошибался?.. И то, что было им нужно, - находилось у меня. Но я никак не мог вспомнить--).

-- Ну, раз ничего нет, то мы Вас отпускаем,-- почти в один голос, и как мне показалось немного снисходительно, немного грустно, ответили они.

Я медленно пошел вперед. Никто меня уже не сдерживал. Я ушел уже достаточно далеко, как вдруг вспомнил, что им было нужно!?

Причем, как оказалось, я настолько хорошо знал это (и представил сейчас), что тотчас же повернул, и побежал обратно.

...На том месте, где мы расстались, - никого не было. Казалось, ничто даже не говорило о том, что здесь могла

состояться какая-то встреча. И несмотря на то, что я был уверен что это было именно то место,-- что-то мне говорило что это было не так. Ну, быть может, не совсем так. Какие-то нелепые сомнения стали возникать передо мной, заполняя мой мозг и (без того затуманенное) сознание; и я уже удивленно озирался по сторонам, с трудом представляя, что я здесь делаю? Зачем вообще нахожусь в этом месте? Кого я хочу увидеть? Что я ищу? (Да и ищу ли что?)... Ничто, совсем ничто не говорило мне что это так... Это место сейчас казалось таким пустынным, что я... Я неожиданно совсем забыл обо всем. И теперь уже не помнил ни о чем.

И тут я догадался, что очень опаздываю! Опаздываю на другую встречу!..

Что это была за встреча, и с кем,-- я не знал?!

Но я знал наверняка,-- что быть там обязан! И что опаздываю на нее... Очень опаздываю... Опаздываю настолько, что должен бежать... А то не успею...

Глава 3

Итак, в одночасье - и, в принципе, довольно легко - избавившись от неожиданных (неожиданных?) знакомых, я уже вскоре подходил к своему очередному 'месту встречи'.

Удивительно, но меня там 'ждали'.

Опять?

Ну, пусть будет 'опять'. Но теперь я уже не испытывал той тревоги, которая вроде как присутствовала раньше. Да и 'ожидающие', показалось мне, были настроены весьма 'дружелюбно'.

...Их было двое. Один, высокий, со слегка глуповатым лицом и окладистой (шкиперской) бородкой, был лет сорока, и, в принципе, обычного телосложения; но мне он показался каким-то очень худым (верно из-за своего огромного роста).

Другой был его полной противоположностью. По крайней мере, внешне. Маленький, толстый, с бегающими глазками (у того, первого, взгляд был прямой, немигающий, и... холодный).

-- Вы ждете меня? - зачем-то я задал вопрос, хотя и без того знал, что это было так.

Удивительно, - но они на него ответили. И как-то очень дружно закивали своими головами.

-- Но у меня, пожалуй, нет того, что Вы хотите,-- решил я действовать напрямую.

-- А нам ничего и не надо,-- почти в один голос ответили они.

-- Тогда зачем же я Вам нужен? - вырвалось у меня.

-- Чтобы проводить Вас,-- сказали они.

-- Проводить?.. Но куда? Куда Вы должны меня 'проводить'?- недоуменно спросил я, и почти тут же понял, что 'отпираться' не буду. И пойду туда, куда они скажут.

Так выходило всегда. Будучи по природе слабым человеком, я хорошо знал, что 'слаб'. И любыми способами пытался скрывать это. Если же на меня 'надавливали', мне ничего не оставалось, как подчиняться.

Вот и сейчас. Не успели они ответить, а я уже принялся заверять их, что согласен подчиниться их 'требованиям'.

Они как-то удивленно посмотрели на меня.

Я повторил о своем 'согласии'.

Они удивились еще больше. Еще мгновение и мне показалось, что они просто убегут.

Намеревались ли они дать мне какой-то ответ?.. Насколько они вообще собирались что-то делать? Мне стало как-то неловко. Я чувствовал, что чем-то обидел их. И тут же стал понимать, что начинаю окончательно запутываться.

Требовалось принимать какое-то решение. Почему-то мне показалось, что это должен был делать я.

-- Я согласен Вас сопроводить куда Вы прикажете, -- почему-то решив, что они меня не понимают, я два раза повторил одну и ту же фразу.

Теперь они смотрели на меня как на 'идиота'. Но, видимо, мои слова чего-то да стоили. И минуту-другую переглядываясь друг с другом, они вдруг закивали головами, радостно заулыбавшись.

-- Придурки, какие-то, -- подумал я.

Тем не менее, я повернулся и пошел. Тем самым, приглашая их следовать за собой.

Получалось забавно. Не зная, куда я должен был их вести, я шел вперед. А они следовали за мной.

Впрочем, им, должно быть, уже ничего и не оставалось.

-- Мы, наверное, уже пришли, -- через какое-то время произнес один из них (тот, который был огромного роста).

-- Почти, -- зачем-то уверил их я, хотя совсем не представлял, куда мы вообще должны прийти. Но мое лицо видимо выражало какую-то уверенность. Потому что они согласились... Продолжить движение...

-- Ну, теперь мы действительно пришли,-- сказал 'второй', и остановился (всем своим видом показывая, что дальше идти он не намерен).

-- Что ж. Раз так,-- то мы действительно пришли,-- согласился я, и тоже остановился.

Я огляделся. Место было довольно оживленное. Вокруг появились прохожие (которые куда-то спешили). По дороге (мы стояли на тротуаре) гудели, обгоняя друг друга, машины. Вдоль тротуара возвышались многоэтажки.

И это притом, что еще минутой раньше никого не было.

-- Я должен был вам что-то передать? - спросил я, стараясь зацепить своим взглядом сразу двоих.

-- Да,-- сказали они.- Но у Вас же этого нет? - мне показалось, что они были уверены в этом даже больше меня.

-- Нет,-- признался я.- Сейчас нет. Но если Вы немного подождете, я обязательно что-то придумаю.

-- Наверное, надо было думать раньше,-- засомневался (при этом сохраняя дружелюбное выражение лица) один из них. (Тот, который длиннее... У меня вообще сложилось впечатление, что он был старшим).

-- Наверное,-- согласился я. (А что еще оставалось?).-И все же я сейчас...,-- не дав моим 'проводатым' опомниться, я тут же исчез, скрывшись в потоке прохожих.

Возвращаться я не собирался. Да уже через полчаса я и забыл о тех, кто меня ждал. (Ждал ли?). Но когда на следующий день проходил там же (и зачем я это сделал?), то заметил, что они

стояли и, как будто бы, даже не переменили прежних поз (я так и запомнил их вчера).

-- Ну что, теперь, наверное, наша очередь идти? - улыбнувшись, поинтересовался один из них. (Тот, который потолще...).

Посмотрев ему прямо в глаза, я удивился. Его взгляд был настолько искренен, что я даже опешил. И еще. Мне почему-то показалось, что ни один, ни другой, - не сердится на меня. А ведь я их, получается, обманул.

-- Вы, кстати, принесли то, что собирались? - как бы между делом, поинтересовался 'второй'. Его лицо неожиданно приняло строгое выражение. В отличие от 'первого', он был настроен серьезно.

-- Конечно, принес, -- зачем-то уверил его я.

Где-то внутри мне даже пришлось немного съежиться, ожидая неминуемого вопроса, или удара (за мою ложь). Но на мое удивление, меня больше ни о чем не спрашивали. И даже наоборот. Мои собеседники оказались весьма приветливыми и дружелюбными.

В последующие полчаса, они рассказали мне все, что знали о своих женах и детях. Мы коснулись темы существования у них любовниц, любовников, знакомых; и на каком-то этапе я даже удивился - насколько, оказывается, у них 'бурно' проходит жизнь.

Это было странно еще и оттого, что глядя на них - я бы такого не сказал. Они казались скромными клерками. Тихо выполняющими свои обязанности. И опасаясь сделать что-то, что выходило бы за рамки 'инструкций'.

Я задумался... Так вот кого они мне напоминали?!..
Действительно, если бы я их встретил в стенах какого-нибудь мрачного, серого, казенного учреждения с неизменно пустынными коридорами да звуками стучащих клавиш печатных машин - я бы тогда нисколько не удивился. И тогда бы у меня не возникло и вопроса, что я должен был как-то относиться к ним иначе. Люди выполняли свои обязанности. А мне следовало помочь им. И каких-то иных вопросов у меня бы действительно не было. А так... Теперь мне показалось, что я имею право на какое-то 'сопротивление'.

Да и... Что-то мне внезапно расхотелось сейчас кого-то видеть.

Время было послеобеденное. Мне захотелось немного поспать. А потому все мне стало казаться каким-то мрачным, и уж точно,-- не располагающим ни к какому общению. О чем я и заметил, высказав им свои 'соображения'.

Мне показалось, что мои собеседники не только молчат, но и как-то уж излишне испуганно смотрят на меня. Может, я что-то сказал не то? (В каких-то глубинах моего сознания - как я знал - таилось намного больше негатива, который я нехотя периодически 'извлекал' оттуда. А что-то, периодически, видимо 'проходило' бессознательно. Без моего участия. И это 'что-то',-- зачастую оказывалось очень 'болезненным' для окружающих).

Сколько прошло времени?.. Никто из нас больше не произносил ни слова. И я совсем не знал,-- нужно ли мне было о чем-то говорить...

А потом эти двое как-то загадочно переглянулись, и отчего-то скованно со мной попрощавшись - ушли. (Причем, тот,

---

который был повыше и с бородкой, сказал, - словно обращаясь даже и не ко мне, а куда-то в сторону,-- что завтра я должен быть 'на этом же самом месте'; и без каких-либо 'опозданий'. Да, к тому же, еще и не забыть принести то, что был должен...).

Как можно любезнее уверив его в том что я обязательно приду, мне стоило большого труда удержаться спросить: что же все таки я должен был принести? (Ведь я всячески пытался дать понять, что ничего не знаю об этом; хотя и... я так же обещал - принести то что им требовалось - сегодня).

-- Ну да ладно,--подумал я.- Как-нибудь выкручусь.

Мы попрощались, и разошлись.

-- Зря ты так,-- обругал меня внутренний голос.- У тебя был шанс все узнать.

-- Что от меня хотят? - уточнил я.

-- Ну да,-- согласился он.

-- Да ладно,-- мысленно махнул я рукой.- Все равно сейчас уже ничего не вернешь. А там, глядишь, и сам догадаюсь.

-- В том смысле, что догадаюсь я?-- переспросил он.

-- В том смысле, что да,-- согласился я.

Глава 4

На удивление, последующую неделю (целую неделю?) меня ничто не беспокоило. А под конец, я уже начал беспокоиться и сам. Ведь что-то должно произойти. Так, по крайней мере, мне казалось.

И я стал испытывать какое-то предчувствие надвигающейся беды.

Наконец, - время было не в пример раннее обычного (чем я встаю, и вообще,-- начинаю 'жить!'; ибо с момента, собственно, 'открывания' глаз, и до того времени, когда я что-то начинаю осознавать,-- всегда проходит какое-то время), я вскочил с постели, и уже через полчаса (невероятно мало, учитывая те трудности, которые я испытываю чтобы куда-то выйти), прохаживался возле памятника, где мне показалось, и была назначена встреча.

Внезапно я понял, что ошибся. Вчера никакого памятника не было. И собираясь уже уйти, я вдруг заметил своих недавних спутников.

Они теперь 'приделались', и казались намного увереннее, чем это было вчера.

Впрочем, мне могло и показаться.

Ровно через минуту (почему-то я был уверен, что прошла именно минута), эти двое оказались около меня. Но... теперь их было четверо... (Прибавились двое из тех, которых я видел первыми).

-- Изволите опаздывать,-- сказали дружно они, и в их голосе я почувствовал какую-то скрытую угрозу. А так же 'уверенность' в своей правоте.

-- Негодяи,-- почему-то подумал я. Мне захотелось дать им в рожу. И как-то сразу всем.

-- Хорошо, что пришли,-- добавили они настолько дружелюбно, что мне стало стыдно за возникшее, было, у меня желание.

Казалось, их предыдущих слов не было. Меня никто не собирался в чем-то обвинять (уличая в опоздании). И вообще, они

вдруг показались мне настолько близкими и родными, что я даже захотел их как-то... обнять, что ли?..

Видимо почувствовав что-то такое, они смутились. Причем вновь, как-то вместе. Одновременно. И как будто бы даже чуть отступили от меня.

-- Очень надо,-- подумал я.

Меня начинали раздирать какие-то противоречия. Я стал догадываться, что на самом деле ничего не знаю ни о ком из них. Как и не знаю, зачем я им понадобился? И в соответствии с этим, я просто не мог делать необдуманных ходов.

Посмотрев на всех четверых, я почувствовал, что они как-то смущенно смотрят на меня. Как будто они должны были что-то сделать, но явно противились этому.

Во мне стало расти напряжение.

Внезапно, один из них (маленький и толстый) куда-то ушел.

Вернулся он с огромной охапкой роз, которые вручил мне.

-- Зачем,-- было, смутился я, но тут же трое других почти одновременно протянули к розам (моим розам?!) руки, и со словами: 'Еще не время!',-- буквально выхватили их из моих рук. Вернее, они бы их и выхватили, если бы я не отпрянул назад. И в тот же миг, не сговариваясь, они закивали головами, и вскоре все было представлено так, будто розы предназначались 'и от них'.

-- Что ж,-- подумал я. Внезапно все четверо стали уверять меня в их признательности мне; и почти в ту же минуту, они подхватили меня на руки, и, чуть ли не взлетая (а быть может уже и взлетая), мы понеслись...

Место, в котором мы вскоре очутились, напоминало (почему-то я был уверен, что это именно так) учреждение, в котором я как-то предполагал, что они должны служить.

Каждый из них (в отдельности! Я слышал голоса каждого из них!) принялся мне рассказывать какую-то свою историю. (Главным образом, это было объяснение того, почему именно он -- считает необходимым служить в таком месте. При этом, о самом 'месте', -- никто не заикнулся).

Потом они стали рассказывать об устройстве здания.

Тот, который был толстый и усатый (ему я дал первый порядковый номер), объяснил мне месторасположение кабинетов. С каким-то по особенному подробным описанием того, где что находилось. (Рассказ его я не запомнил).

Другой (тот, который мне сразу показался каким-то тщедушным и 'забитым', - его я определил под вторым номером), -- сосредоточил мое внимание на лестницах. Тех, как оказалось, было много; и они шли в каких-то своих, понятных только их создателю, направлении. И -- как я понял -- являли собой какую-то невероятную цепочку, походившую то ли на лабиринт, то ли на что-то уж совсем необъяснимое для меня.

Да, впрочем, рассказ 'второго, я то же постарался забыть. Хотя что-то я и помнил. Например то, что если подниматься по какой-то лестнице, то можно оказаться вместо 'предполагаемого' верха - внизу. А может где-нибудь влево. Или вправо. (По крайней мере я запомнил, что совсем не там, куда бы я шел. Хотя я и не собирался куда-то идти).

Третий (высокий и худой, который так и шел под своим порядковым номером) попробовал, было, объяснить мне

'назначение' дверей (оказалось, что 'наличие' двери еще совсем не означало, что она служит входом в какое-то помещение), но внезапно сбился; и вместо того, чтоб попытаться все начать заново (ну или, хотя бы, с того места, где остановился) он и вовсе остановился.

Четвертый... впрочем, четвертый был так добродушно настроен, что просто смеялся и не мог остановиться. И я стал смеяться вместе с ним.

Ожидая неминуемых (как мне казалось) расспросов (известно о чем: о том чего у меня 'нет'. Или все же есть?) я, тем не менее, находился в некотором волнении. Да они все и держали меня в таковом.

-- А что,-- начал, было, 'первый', и я уже внутренне сжался от этих слов, как его перебил 'второй', неожиданно - словно он в предыдущий раз замолчал только на время, сделав обычную паузу во время разговора - решивший продолжить свой 'пояснительный' рассказ.

-- Ну, полноте вам,-- вырвалось у меня, и при этом все четверо посмотрели на меня с какой-то опаской.

-- Вы не должны нас перебивать,-- предупредил меня 'четвертый'.

Считая его 'добродушным толстяком',-- я ошибался. Теперь на меня смотрел желчный и пузатый мужичонка, который неожиданно крепко взял меня за локоть, а другой рукой попытался нанести мне затрещину. Но я моментально среагировал, толкнув его.

Тотчас, все другие, - я это почувствовал, - готовы были налететь на меня. Но я побежал.

О, какое это упоительное чувство, убежать от своих преследователей (а они ведь меня преследовали)!

На каком-то этапе 'бегства' (осознавая что, почему-то, догнать они меня были не в силах) я остановился, и, повернувшись к ним, скорчил смешную рожицу.

Это еще больше вывело их из себя, и они убыстрили шаг. Но я уже побежал вновь. Длинные пустые коридоры словно были специально предназначены для этого бега, и мне уже казалось, что не будет конца и края череде мелькавших слева и справа серых (вероятно когда-то они были выкрашены в белый цвет) дверей, как передо мной показался лестничный пролет. Однако шел он не в пример обычному (вверх или вниз), а расходился еще и куда-то в сторону. (Получалось: вверх, вниз, и куда-то - зигзагообразно -- влево).

Что ж. Я выбрал именно это нелепое направление.

Начавшая было петлять лестница неожиданно оборвалась; явив передо мной полуразрушенный остов некогда былой цивилизации. Однако, через метр-полтора зияющего просвета, лестница начиналась вновь. Не оглядываясь (я ощущал за собой жаркое дыхание разгоряченных преследователей), я прыгнул. Зацепившись в последний момент руками и неожиданно легко (подобного раньше у меня никогда не получалось) подтянувшись, я оказался на том самом 'продолжении' лестницы, которое мне и было нужно. Только теперь по бокам от нее зияла пустота. Страх только-только начал окутывать мои чресла, как сзади себя я услышал шаркающие хлопки приземляющихся преследователей. Не давая времени опомниться (ни себе, ни им) - я побежал. Вот только бежать теперь было намного тяжелее.

Отгоняемая моим учащенным дыханием (спасавшегося бегством человека) мысль 'о реалии происходящего',-- забилося куда-то в подсознание; и уже оттуда пыталась 'намекнуть' мне,-- о возможной трагичности моего положения...

Лестница не только ни к чему не крепилась по бокам, но еще и неизвестно на чем держалась вообще. И как только я подумал об этом, страх окончательно парализовал меня, и я остановился.

Я стоял на месте, боясь пошевелиться, а тем более оглянуться на своих преследователей. Видимо, я даже съезжился в клубок (будь что будет!?), ожидая ощутить на себе цепкие руки захватчиков...

Но я ничего не чувствовал...

Видимо, я все же находился в каком-то забытьи?! Потому как, открыв глаза (значит... я их закрыл от страха?!..), я увидел, что стою посреди широкого зала. Один. Или мне казалось что один?..

Попытавшись сдвинуться, я понял, что сделать это не могу. Попробовав скосить глаза (сразу прорезала жуткая боль), я понял, что сейчас многого не могу. И просто смотрел перед собой.

-- Вам было дано время подумать,-- услышал я чей-то голос.

-- Странно,-- подумал я.- Голос раздавался где-то внутри меня... Может, это мои мысли?.. Но мысли, словно усиленные десятками динамиков; ибо мне показалось, что и весь воздух вокруг был заполнен раздающимися внутри меня звуками слов.

-- Вам было дано время подумать,-- повторил тот же самый голос.

-- Жаль, что Вы им не воспользовались,-- услышал я еще один, и сразу узнал в говорившем, -- одного из своих недавних преследователей; толстяка.

-- Что от меня требуется?! - хотел воскликнуть я... Но не мог. Возраставший было (по громкости) мой голос как-то незаметно растворился в начавшемся гуле. И я совсем не был уверен, поняли ли меня собравшиеся?

-- Вы сами виноваты в том, что случилось,-- наставительно продолжил 'первый', словно я ничего и не пытался сказать в свою защиту.

-- Но я готов все объяснить,-- вновь начал я, но уже сомневался: слышал ли меня кто?..

-- От Вас уже ничего не требуется. Сегодня в полночь вы будете наказаны.

-- Черт те что,-- неожиданно вырвалось у меня. Видимо, я все же произнес это достаточно громко. Потому что все вокруг, тотчас, же заходило в каком-то движении.

Неожиданно я обратил внимание,-- что в этом огромном зале уже собралось достаточно много народа. Вокруг сидели - одинаковые как один (так мне тогда показалось) люди. И то, что сразу бросалось в глаза, - все они были без одежды!? Все было мужчинами. И все были... лысыми... (но с длинными узкими бородами, идущими почти до живота).

Усов ни у кого из них не было.

А еще стоял невообразимый шум. Как будто все говорили разом. В этом гуле я даже не услышал, что кто-то подошел ко мне. Подошел сзади. А я смотрел и ничего не видел. Но уже почувствовал, как невидимые оковы (сдерживавшие доселе меня)

распались словно сами собой. (Или все же по какому-то приказу?..).

-- Что дальше? -- пронеслось у меня в голове.

Внезапно все смолкло, и я понял, что очутился у себя дома; и лежал в кровати.

-- Так значит,-- это был сон!!-- удивленно воскликнул я. Вдруг я увидел, что все четверо моих недавних 'спутников' стояли у изголовья кровати. Я хотел, было, вскочить (надо было заканчивать эти шутки), но только теперь заметил, что лежал крепко привязанный веревками.

-- Зря Вы так к нам относитесь...-- тяжело вздохнув, посетовал невзрачный мужичонка, в котором я узнал того, что объяснял мне расположение дверей. - Теперь вы будете постоянно находиться под нашим контролем.

-- Но я не желаю...-- пытался я что-то сказать в ответ, но неожиданно почувствовал на себе удары, которыми (словно нехотя) принялись осыпать меня двое ('первый', - усатый; и 'четвертый' - толстый) из них. 'Третий', - длинный, с овальной физиономией, попытался напоить меня чем-то из ложечки, заботливо поднося ее к моему рту. Я не хотел, вырывался, мотал головой, так что уже постепенно становился мокрым от проливаемой на одежду жидкости; и мне уже ничего не хотелось, как только того, чтобы оставили меня в покое.

Внезапно удары прекратились. Я понял, что нападавшие закончили 'эзекуцию'.

Но что теперь?.. Они уйдут?.. А может уже и ушли?..

Я попробовал приподняться (пытаясь оглядеться), но понял, что еще ничего не закончилось. По крайней мере, меня еще не развязали.

-- Завтра мы придем снова,-- услышал я чей-то голос, но я казался настолько измучен, что уже даже не пытался определить, кому он принадлежал.

-- Что ж,-- подумал я.- Если они того желают, то я завтра их 'встречу' как полагается...

Я вспомнил, что у меня за дверью стоял хороший калун. А в шкафу, между дверей, был припасен (должно быть, для подобных случаев) ломик.- Завтра я вас встречу...--уже радостней подумал я, но тут же ощутил, - словно кто-то сильно ударил меня по голове, - как мое сознание со все больше нарастающей скоростью покидает меня; и я проваливаюсь в какую-то бездну...

Глава 5

-- Так значит, Вы на самом деле уверены, что ничего нам не можете сказать? -- монотонный звук услышанных слов разбудил меня, но я еще какое-то время лежал с закрытыми глазами, боясь окончательно проснуться.

-- И хватит претворяться, что вы спите,-- вежливо 'посоветовал' мне все тот же голос.- Мы и так сделали ошибку, послав к Вам не тех людей.

-- Что с ними? - спросил я, почувствовав наполнявший меня изнутри ужас.

-- Они провалили задание и все четверо будут наказаны. Уже наказаны,-- поправился говоривший.

Я открыл глаза (сделал это все же с большим трудом) и увидел говорившего. Это был высокий, необычайно высокий, сутулый, довольно еще молодой человек с необычайно красивым лицом, умными глазами, и огромным шрамом пересекавшим его правую половину на две дополнительные части (так, что если он перед вами садился именно этим боком, то уже скорее был некрасив, а... зловещ, что ли...). И сердит. Мне почему-то показалось, что он был чем-то очень сердит. (Хотя почти в то же время показалось, что это может и не так. Просто... лицо такое...).

-- Вы из них самый главный? - отчего-то задал я детский по наивности вопрос. Но он вырвался у меня сам по себе. И - как это я тотчас же понял, - необычайно обидел его.

-- Вы много себе позволяете,-- сохраняя пошатнувшееся было каменное выражение лица, с трудом сдержался молодой человек.-- В вашем положении желательно вообще говорить только тогда, когда вас спрашивают.

-- Да вы что?! - мне почему-то (и я никак не мог сдержать в себе этих чувств) захотелось досадить ему. И я действительно не мог с собой ничего поделать.

Молодой человек встал, и оттого он показался еще выше, чем я предполагал вначале. Но видимо он сам немного стеснялся своего роста, а потому тотчас же уселся обратно.

-- Должно быть, Вам никто не рассказывал как Вы себя должны вести?-- предположил молодой человек, бросив на меня строгий и пронзительный взгляд из-под очков (и откуда взялись очки? Вроде как поначалу их не было?).-- Но ничего,-- продолжил он.- Я думаю, что Вы изменитесь, и больше не будете себе позволять ничего подобного.

-- Я тоже так думаю,--зачем-то сказал я, хотя на самом деле был не уверен. Я даже не зал, что от меня требовалось. Но решил согласиться, чтобы побыстрее прекратить этот ненужный (как я считал) разговор.

-- Вы работаете в журнале...,--молодой человек заглянул в какую-то папку (при этом стараясь поглядывать на меня), и зачитал то, что ему было обо мне известно.

Мне показалось, что 'данных' на меня было немного. Но им, по крайней мере, было известно мое имя и место работы. Правда, я давно уже не работал в журнале. Вернее, работал, - но в совсем другом. Но разве я должен был им об этом говорить? (В моей ситуации, видимо, вообще было лучше,-- когда знали бы обо мне не очень много. А еще лучше, если бы их сведения были противоречивы).

-- Но мы, к сожалению, ошиблись,-- предположил молодой человек. - Вы, скорее всего, не представляете для нас никакого интереса...

Мне вдруг захотелось убедить его в обратном. И я уже, было, открыл рот чтобы как-то отстаивать свою 'значимость', как... испугался... (А может сначала удивился, а потом испугался!? А может, это случилось одновременно!?). Но... я не увидел перед собой никого...

-- Куда же он делся?- подумал я, и вдруг мое внимание привлекла тень, скользнувшая на балконе. Я ринулся туда. Неужели мой странный гость избрал столь странную форму 'ухода'?

-- Мне надо еще к Вашему соседу,-- услышал я (уже где-то снизу) приглушенный голос молодого человека, которого, -

---

подойдя ближе, - я заметил висящим под моим балконом. Вернее, - припавшим к нему. Снаружи оставались только пальцы рук, напряженно (до белесо-иссянне-красного) сжимавшие бетонный выступ балкона.

-- Конечно, балкон у меня не застеклен, но все же столь странная форма...-- внезапно подобные, судорожно старавшиеся уцепиться хоть за какую-то логику в действиях молодого человека мои мысли, заволокло страстнейшее желание расцепить эти виденные мною сейчас пальцы. И я подался этому искушению.

Но как только я это сделал (наступил... я наступил на них...), всего меня (без остатка, сверху и до самых глубин) объял такой страх 'последствий подобного поступка' (этаж-то был третий, и то что в результате должно было произойти не вызывало сомнений), что я с трудом смог согнуть заледеневшие колени, и сесть на бетонный пол.

-- Что же я натворил?...-- В голове в ускоряющемся темпе пронеслось все, что должно было последовать за моим поступком: крики 'нашедших тело' соседей; исступленные звонки и барабанивание в дверь; я уже видел врывающихся в мою квартиру сподручных убиенного мной; их избивание меня (обязательно почему-то в исступлении и в неистовстве); холодный скрежет защелкивающихся наручников; сырой мрак камеры; суд и обличительная речь прокурора и судей. А еще я догадывался, что не доживу до приговора. Так же как и знал, что меня будут бить долго, помногу, и нисколько не сдерживаясь...

.....

Когда я открыл глаза, то сразу и не смог определить -- где оказался. Так было темно и тихо. Напрасно я вслушивался...

Тогда я встал, и первым делом ощупал себя. На удивление, я был цел. Ничто из одежды изорвано не было. (Хотя, если бы меня били, этого бы избежать не удалось). Я сделал несколько шагов и натолкнулся (чуть ли не лбом; спасли вовремя выставленные вперед руки) на... железо...

Железная дверь? Так значит я в камере?.. Я попробовал, было, (выставленными вперед и в стороны руками) обследовать отведенное мне пространство, и нашел его весьма и весьма небольшим. Слева я упирался уже локтем; а справа,-- выпрямленных рук явно хватало только до запястья...

И эта внезапная боль... Боль непереносимого желания с кем-то встретиться. Встретиться, чтобы рассказать о чем-то... О чем-то очень важном... Важном для меня...

Хотя, знал ли я, что было для меня 'важно'?!

Конечно же, знал!.. И сейчас я был уверен, что знал об этом и раньше... Вероятно, парадокс произошедших событий необычайно востормошил мой мозг; активировав в нем ту небольшую его часть, которая отвечала за... за память?.. или за интеллект?..

Удивительно, но сейчас - несмотря на трагичность и непредсказуемость положения - я ощущал необычайную полноту имеющихся во мне знаний. Знаний, начало которым открывала та тайна, которой от меня и требовали эти... Эти...

Никаким именем называть их мне не хотелось. Даже просто упоминание о них вызвало все симптомы такого сильного головокружения, что я чуть ли не упал без сознания. А быть может, и упал. И очнулся уже после удара об бетонный пол.

Не знаю, сколько бы я еще пролежал (то что я бы так и лежал,-- было почти наверняка; я лежал и ощущал холод,

---

вонзающийся в меня столь стремительно, что я даже не считал уже нужным запахнуться в то небольшое из одежды, что на мне оставалось), но вдруг железная дверь, издав характерный металлический скрежет старых и давно не смазываемых петель - отворилась. Вернее приотворилась. Но для меня было достаточно и этого. Я собрал силы (сколько их оставалось?), и попытался протиснуться в образовавшийся просвет.

Мне это (пусть и не с первой попытки) удалось.

Ступив, было, за пределы своего заточения, я тут же отпрянул назад, ибо пола (в том смысле, что в это понятие вкладывал бы кто угодно) не было. Его не было вообще.

Ринувшись обратно (куда там!?), я понял, что дверь каким-то образом захлопнулась. Пути назад были отрезаны. И сколько я не пытался дергать ручку этой железной двери - все было безрезультатно. Дверь оказалась закрыта.

Мне ничего не оставалось, как обеими ногами ступить на тонкую перекладину лестницы. Именно лестница, железная лестница (дабы не упасть, я коснулся ее рукой) была передо мной. На миг, задержавшись, и усиленно напрягая глаза чтобы хоть что-то рассмотреть в этой темноте, я все же был вынужден не спеша попытаться двинуться вперед; ибо подспудно понимал (или, скорее, чувствовал), что мое дальнейшее пребывание здесь нежелательно. (Для кого, интересно?).

Я осторожно полз вперед и, вероятно, уже давно бы достиг своей цели (правда, ее представлял достаточно смутно), как неожиданно я ощутил -- более чем явственно ощутил - пустоту. Лестница обрывалась.

Куда дальше?..

Наконец, сообразив, (мой мозг - на удивление - работал не в пример колошматившемуся в начинавшемся припадке сердцу, а максимально 'мобилизовавшись'; и уж наверняка много быстрее рассчитанных для него возможностей), я осторожно полулег - напряженно державшись, в первую очередь, руками - на ограду этой дороги - мостка над пропастью (я даже, кажется, слышал внизу эхо пустоты, да дыхание колодца) - я вытянул (с трудом вытянул, тут же устав и покрывшись липким потом) ногу, пытаюсь нащупать проход.

Его не было!

Убрав ногу обратно, я неизвестно почему повторил попытку. На этот раз я уткнулся в железный остов, подобный тому на котором находился я...

Но до него было не менее метра!

Сделав несколько - совершенно неудачных (и по-своему, наивных) - попыток достать его руками, я наконец-то - уже не задумываясь (будь что будет!) прыгнул, и на удивление ('удивляться' в последнее время приходилось не в пример обычному), уже в самом конце, готовый поддаться силе земного притяжения (ведь этот закон действует в любом пространстве?) и рухнуть вниз,-- успел зацепиться руками.

Тут же мое помутившееся (уже давно помутившееся от случившихся переживаний) сознание нарисовало наиболее вероятную картину того, что должно было произойти. От осознания все этого (в первую очередь от того, что рождало мое болезненное воображение), я готов был разжать пальцы. Но что-то (что сильнее: желание смерти, или продолжения жизни?) не только

меня удержало, но и заставило подтянуться (вот чего уж раньше никогда не умел!?).

Я вновь оказался на лестнице. Только теперь она вела куда-то в сторону - вниз (а после того, как немного 'прополз', понял, что еще и - вверх). Причем, шла она как-то на удивление 'зигзагообразно'. Но если так было только поначалу, то после мне уже казалось, что лестница закручивается в каком-то жутком круговороте. Так, что мое тело,-- от невероятного напряжения удержаться - стало накачиваться свинцом. По крайней мере, в то, что я так продержусь еще какое-то время, - я уже не верил.

Но у меня не было иного выхода. Тем более, в том, что такое смогло произойти, мне было некого винить кроме себя. Но я себя не винил. К чему это? Удивительно, но теперь, когда мое будущее не смог бы предсказать даже самый великий прорицатель (хотя мне иной раз и казалось, что оно, это 'будущее', невероятно четко просматривалось) сознание мое необычайным и самым удивительным образом начало проясняться; разглаживая при этом мысли; так что, и нелегко было вскоре заметить, что же тут на самом деле происходит?..

И все же ясно было одно. Та круговерть, в которую я попал столь нелепым (и неожиданным!) образом - продолжается. И сколько она будет продолжаться еще - никто не знает.

Единственно верно было то, что я все равно должен был выбраться. Быть может покажется удивительным, но находясь в самом наитеснейшем соседстве со смертью (а именно она была логическим продолжением, или точнее сказать - завершением, окружающей меня опасности) я нисколько не задумывался, насколько она серьезна. Не то, что было такое мое отношение к

ней. Нет. Я просто не думал об этом. Не думал, потому что в какой-то момент (когда, быть может, уже и не подумать ни о чем кроме как о трагичности бытия было нельзя) мои мысли заполнились некими навязчивым состоянием; которое тут же - по хозяйски распорядилось - принялось двигать меня в каком-то ей только известном ключе; и при этом, естественно, никто не спрашивал никакого права-желания (или права,-- базировавшегося на желании?!) у меня; но я вскоре уже об этом не думал; а лишь молча подчинялся тому провидению (а что было делать еще?), которое двигало меня. Не позволяя уцепиться за более-менее осознанную (или осязаемую) деталь какой-либо реальности (все было вообще слишком нереально), я двигался (или точнее сказать - перемещался, ибо 'движение' в какой-то мере предусматривает волю того, кто движется, а 'перемещение', в принципе, может обходиться и без вашего желания), и быть может еще долго бы (хоть сам знал,-- что 'не долго'; долго просто не выдержал бы) находился в столь странном (и ужасно нелепом) положении, если бы прямо мне в глаза не ударил луч ярчайшего света; и, инстинктивно зажмурившись, я ощутил, что проваливаюсь куда-то в пустоту... В пустоту бессознательного...

Глава 6

-- Так значит, вы до сих пор собираетесь умалчивать и скрывать 'имеющееся' у вас?

Я стоял посреди небольшой (почему небольшой? Раньше, как будто бы, пространственные характеристики мне казались безразличны...) комнаты, больше напоминающей кабинет; да, вероятно, это скорее и был кабинет; тем более что и стул

предназначавшийся мне (процесс будет долгим?) стоял посередине; а напротив (в нескольких метрах) располагались (за длинным столом) те, кто меня должен был подвергнуть допросу?...

Вот и голос, какой-то, я услышал сейчас...

От меня, вероятно, требовался какой-то ответ. И я собрался было отвечать, но неожиданно вопросы на меня посыпались один за другим; а в таком архи-хронологическом порядке, что я уже понял, что и отвечать на них не должен. (Разве те, кто задавал эти вопросы, надеялись услышать от меня какие-то ответы?).

Но, тем не менее, они видимо все же ждали этого. И я собрался.

-- Можете себя не утруждать ответом...

-- Да он и не знает что отвечать...

-- А давайте-ка его сначала отпустим на экзекуционную обработку...

-- Ведь что-то он все-таки знает...

-- Но он же и сам нам хотел о чем-то сказать...

-- Значит, отпираться не будет...

-- Или наоборот будет...

Вопросы сыпались один за другим. Кому они принадлежали, я отследить не пытался. Но отвечать действительно решил. Причем на все. Но - в отдельности. Какой там был первый?..

Внезапно начался такой гул, что я смутился (даже поник): нужно ли было какое-то мое участие?

Я опустил на стул (так вот он для чего предназначался!?), и медленно (и постепенно) стал погружаться

куда-то в глубь себя; так, что еще немного, и я бы уже не мог быть уверен, что вернусь (способен вернуться) обратно...

Ответа от меня действительно не ждали. С трудом попытавшись разглядеть собравшихся, - а среди тех кто был за столом, я, к удивлению, заметил и тех четверых, судьба которых - как я думал - уже была 'решена' (так, по крайней мере мне говорил допрашивавший меня молодой человек) и... я увидел самого молодого человека...

Так значит, с ним ничего не случилось? В том смысле, что он жив? И он вот, сидит сейчас передо мной; но почему-то молчит (или то мне кажется, и его голос просто теряется среди других); я увидел также людей, показавшихся мне знакомыми. (Вспоминать сейчас 'где мы познакомились, и когда?' -- было совсем не нужно. Да это было и не важно. Но вот сам факт осознания 'родственных' душ - был прекрасен.

А я... Я все так же сидел на своем стуле посреди комнаты. И, кажется, даже грустил...

Неожиданно я почувствовал где-то позади меня раздававшийся шелест беспорядочно передвигающихся ног.

Я оглянулся, и тотчас же резко вскочил, с трудом удержавшись на месте.

На меня валила (каким-то немереным потоком) людская лава из... Кого там только не было?..

Я вытянул руки вперед, с трудом сдерживая толпу.

Краем глаза я уловил, что почти тоже самое сейчас продельывает и тот молодой человек, о 'воскрешении' которого я узнал совсем недавно.

От напряжения у меня взбухли вены на висках. Выступили крупные капли на лбу. И я... Я внезапно оказался прямо напротив своих судей, все еще 'сидящих' за столом.

Те, было, вскочили, но потом - вероятно повинуясь чьему-то тайному знаку, -- сели обратно. И это была их ошибка. Ибо уже в следующую минуту они оказались смяты толпой (в которой находился и я...). И совсем невозможно было разобрать, кто был где. Ибо все были везде. И нигде никого не было...

.....

Очнувшись (я что, опять потерял сознание?) я увидел странных людей, снующих передо мной. Сам я лежал на кушетке, почему-то связанный (к чести тех, кто это сделал, -- меня развязали тот час же, как заметили, что я очнулся), и, по всей видимости, мне сейчас ничего не оставалось, как наблюдать за всеми, собравшимися возле меня.

Было их, как минимум, десять. Десять человек неопределенного возраста и пола. Но одежда у всех была одинакова: серые пижамы, куртки, такого же цвета балахоны в виде пародии на брюки, да темно-коричневые тапочки. А вот телосложение да лица - особенно лица - были разные. И тогда уже действительно, то единственно, что (помимо одежды, да необходимости пребывать всем сейчас в одном месте) как-то их роднило, -- это какое-то необычайно грустное, даже можно сказать: страдальческое, выражение лица.

Словно у всех была одна боль. И с этой болью они пришли ко мне.

Постепенно я понял, что все эти люди - принадлежали к одному кругу. Но к какому?.. Кем они были?.. Например,

---

надзиратели, как я знал, отличались единым цветом одежды (черными костюмами, походившими, впрочем, больше на пижамы, чем на костюмы). Да и надзирателей было немного. (Несколько человек). А лица... Лица у них были... мертвенно-безразличные... Или бездушные...

Но люди, которые оказались сейчас около меня - не были надзирателями. И если разобраться... Мне почему-то они никого не напоминали... Я не мог вызвать в своем воображении какие-либо ассоциации, чтобы найти какое-то сходство, позволившее бы мне отнести их к какому-то классу из представителей людских сообществ... Они все казались какими-то странными... Неопределенными... Загадочными... Так же, как будто сами знали о своей загадке... И нисколько не были заинтересованы в том, чтобы кто-то находил ответ...

А лица... У всех на лицах застыла какая-то напряженность... И... озадаченностью...

Как будто им приказали сделать что-то сделать важное и ответственное, а они не знают, как к этому подступиться...

Что до интерьера помещения, то он был весьма незамысловат. Намертво привинченные к полу кровати (об этом я узнал, когда попытался переместить свою кровать немного поближе к окну); зарешеченные окна (снизу еще и покрашенные белой краской); привинченные табуреты и тумбочки. Мне показалось, что где-то был шкаф. Но если я его замечал раньше - теперь не находил. Но может, мне и вправду показалось... (Шкаф действительно был. Его я заметил чуть позже. Шкаф больше походил на сейф. Настоящий железный сейф, просто большого -

---

даже огромного - размера. Что в нем хранилось - я не знал. А любые попытки открыть - оказались бесполезны).

Мне показалось, что я должен с кем-то заговорить. Как-то неудобно было все время молчать. Но оказалось, это было сделать не так то просто. По крайней мере, только подумав об этом, я был тотчас же уведен в другую комнату (имелась еще одна?). Где (молча!) надзиратели стали меня бить. (Моя вина, вероятно, предусматривалась сама собой).

Я даже не пытался дать сдачи. Да это и было весьма затруднительно. Во-первых, они находились в заведомо выигрышном положении. А во-вторых, я совсем не умел драться. Те несколько неудачных попыток, когда я пытался брать уроки бокса да джиу-джитсу - не в счет. Если не вышло ничего тогда (на первых же тренировках мне неизменно или разбивали нос, или больно бросали на пол), то почему это станет возможным теперь?

Оставалось смириться... Да и били-то меня настолько профессионально, что я даже не чувствовал боли... При этом знал - что боль должна быть. Но может, она появится потом?..

Когда они закончили, - а я все еще оставался в сознании (да может у них и не было намерений лишать меня сознания), - то ушли, оставив меня одного. На удивление - только сейчас!? - я заметил, что нахожусь в бетонной камере. Вроде как раньше я уже здесь был?

Но ведь мы, вроде как, куда-то выходили? Значит... был еще один вход?!..

Но я как-то не заметил его...

Глава 7

Мне на удивление захотелось поговорить с кем-нибудь. Причем этими 'кем-нибудь', почему-то хотелось, - чтобы были мои... соглядатаи?.. Палачи?..

Я действительно ощущал в себе это странное желание... Мне совсем не хотелось о чем-то расспрашивать их... Не хотелось их слушать... Хотелось... Мне хотелось говорить самому...

Но о чем?.. О чем я хотел с ними разговаривать?.. И неужели и вправду хотел?

Хотел! И вправду хотел!

Но как мне их было найти?!.. Быть может покричать?!..

Но я не мог. Тело все-таки болело. И боль значит была. Да ее и не могло не быть. Быть может просто, раньше я ее не ощущал... Не ощущал так, как теперь. Но в этом совсем не было беды. Это было... нормально. Это было нормально. Мне совсем не надо было переживать об этом. Повод был ничтожен, по сути. Очень ничтожен. И мне... Мне по-прежнему хотелось с кем-нибудь поговорить. И этим 'кем-то' - должны были стать они. Мои недавние...

Внезапно я почувствовал нараставшее во мне какое-то нетерпение. Это пугало меня. Скорее даже, оно должно было бы меня испугать. Но - мечась в клетке как загнанный зверь - я внезапно коснулся стены, и почувствовал... Я почувствовал что-то... непривычное...

Такого быть не могло. Такого ощущения быть не должно. Если стены бетонные, то я и должен был ощущать бетон. А тут...

Я еще раз обшарил стены. Я все же нашел это место. В стене. В бетонной стене. Ну, или, почти в бетонной стене.

Вместо части стены - оказался муляж из папье-маше. Я надавил на него, и образовался лаз, в который я, тут же, - не теряя больше ни секунды, - вылез.

-- А вот и Вы.,-- нехотя и обыденно (словно произошло что-то такое, что случалось постоянно) произнес средних лет мужчина (его я сразу признал среди тех, кого видел раньше), с тонкой щетинкой черных усов на красивом властном лице.

-- Я Вас не знаю,-- испуганно ответил я, на всякий случай, отступив на полшага назад.

-- А Вам и не надо меня знать,-- несколько покровительственно ответил он.

Кроме внешней красоты и... суровости, мой собеседник обладал еще и той притягательной (вероятно внутренней) силой, которая наверняка всегда приводила к единому результату. Он 'располагал' к себе. Причем, это практически сразу ощутил и я. Мне захотелось сделать что-то такое, чем я мог оказаться полезен для него. Быть может, я могу ему передать то, что нужно было от меня другим. (Знать бы только, что им всем было нужно?..).

-- Вы, должно быть, не слишком довольны вашими работниками,-- осторожно начал я, пытаюсь поймать его взгляд.

-- Да бросьте вы,-- неожиданно резко (бросив на меня суровый взгляд) отмахнулся он. - Все кто виновен, уже наказаны.

-- А я?.. Я тоже виновен?..

-- Все зависит от Вас,-- как-то загадочно улыбнувшись, произнес он, и пристально посмотрел на меня.

-- От меня? - недоуменно переспросил я. - Хотя да... конечно,--опустив вниз глаза, я был вынужден признать его правоту (по крайней мере, что-то говорить против него - сейчас не

хотелось).-Но что же Вы от меня хотите?- Я посмотрел на него, и мне показалось, что он сам-то как-то смотрит на меня слишком 'выжидательно'.

Я понял, что судьба, вероятно, мне сейчас предоставляет шанс. И я просто обязан им воспользоваться.

-- Понимаете,-- как-то излишне жалобно получилось у меня, но я не мог ничего поделать.- Я же ни от чего не отказываюсь. Ваши люди Вам, наверное, передавали...--я неожиданно посмотрел на него (он смотрел также), ожидая по каким-то неуловимым изменившимся черточкам на лице, разгадать его мысли (к сожалению, лиц его абсолютно ничего не выдавало; оно даже сделалось каким-то холодным и непроницаемым)...--они ведь Вам говорили,--снова начал я,--что мне с самого начала хотелось прояснить ситуацию по моему делу. Быть может, если бы я знал, что от меня хотят,--я бы тотчас рассказал об этом. Но мне---

--Вам действительно ничего не известно?- перебил он меня.

--Нет,--честно признался я.

--Нет?- удивленно переспросил он.

--Ну, как вам сказать, понимаете...--смутился, было, я.- Ведь если подойти к вопросу философски, то что-то, я и действительно могу знать. Но вот что это?.. Да и насколько оно будет интересно Вам?..

--Полноте,--устало перебил он меня.- Сейчас я понимаю, что мои люди правы. Вы действительно намного хитрее, чем кажетесь. Я просто сам хотел в этом убедиться.

--Но позвольте!- вспыхнул я невероятным гневом, о существовании которого, признаться, еще до недавнего времени в себе и не предполагал.- Если вы считаете, что кто-то дал Вам право вторгаться в мою жизнь с подобным вот бредом (я неопределенно махнул куда-то в сторону), то вы ошибаетесь! Я свободный человек и, слава Богу, живу в свободной стране! Поэтому,-- я отказываюсь играть в Ваши игры! Прекратите меня преследовать! Прощайте! - все еще не пытаюсь сдерживать себя, я, было, обернулся, но вспомнив, что лаз находился за моей спиной,- - вошел обратно в камеру, и нервно крутанулся на месте, ища глазами 'выход'. Ведь как-то этот человек должен был сюда войти?..

Ни входа, ни выхода - не было. Я в нерешительности замер на месте...

--А где выход?- недоуменно (и обращаясь, - что поделать, никого другого не было, - к этому человеку, который смотрел не меня с широко раскрытыми от удивления глазами) спросил я.

-- Вот видите,--спокойно сел тот в кресло, и достал откуда-то из ящика стола тоненькую папку.- Вам некуда отсюда идти.

Тут же появившиеся сзади меня (из камеры) рабочие заварили лаз; и, поставив мощную стальную решетку, исчезли обратно.

--Но как, черт возьми, выйдите отсюда Вы?!- все еще находясь в невероятной растерянности, спросил я.

--А я отсюда никуда не выйду!- дико захохотал он, и тут я заметил, что из одежды на нем та же самая пижамная куртка да штаны, какие находились и на мне. А вместо 'франта' с манерными

усиками на холенном лице, передо мной стоит просто усталый, небритый человек.

--У нас с вами одна судьба,--моментально успокоившись, сказал он.- Но зависит, прежде всего, от вас - можете ли вы ее изменить?!

Тут я заметил, что вокруг меня появились уже знакомые мне лица: молодой человек, уже знакомая мне 'четверка' из недавних надзирателей (то ли надзирателей, то ли палачей), и даже... (Да много кто там был...).

Все они настолько приветливо улыбались, что у меня создалось впечатление: это все мои друзья. (Правда, я о том не знаю).

Я внезапно почувствовал какую-то особую привязанность к ним. Мне захотелось тотчас же всех их обнять и расцеловать.

--Не увлекайтесь Вашими мыслями,--предупредил меня один из моих недавних собеседников. По всей видимости, он здесь был за старшего.

--Да, да,-- так будет действительно лучше...

--Ведь мы желаем Вам добра...

--Исключительно добра...

--А вы нас обижаете...

--И обижаетесь на нас...

--Не правда ли, у нас чудесно..,--один за другим, со всех сторон, послышались голоса; но я уже никого не слушал...

Я отступал назад. Те, кто был сзади, были вынуждены расступиться. И вот я уже коснулся руками стен.

На мой страх и ужас (и, конечно же, ни с чем не сравнимое удивление) они оказались точно такой же бутафорией

(окрашенной в темно-зеленый цвет) которую я уже почувствовал ранее.

--Куда же Вы?..

--Зачем Вы так поступаете с нами?..

--А ведь мы Вас любим...

--Не то, что Вы...

Их голоса вновь посыпались один за другим. Причем (не в пример первоначальному),-- слышались (а то и казались такими все) какие-то жалобно-просящие нотки; но я уже никого не слушал; вырвавшись на свободу (пока на относительно-иллюзорную свободу), я бежал по длинному коридору, не замечая ничто вокруг, но, внезапно остановившись и посмотрев назад, я обнаружил, что никто меня не преследует.

И все же я побежал снова. Побежал я так быстро, что почувствовал, что мои ноги не успевают попадать в задаваемый мной ритм. И тогда я уже перестал касаться ногами пола; и полетел; полетел, пока еще не отрываясь слишком от земли; но я уже знал,-- если это потребуется,-- я смогу подняться выше. Значительно выше. Вознестись над другими. (Видимо, этого мне как раз и не хватает)...

Вдруг я ощутил, что что-то стало проноситься мимо, и с трудом поймав взглядом одну из летящих фигур, я с ужасом заметил, что это летят мои недавние надзиратели; у каждого из них, на спине, сидело еще по одному. А прямо вслед за мной, уже догоняя меня, пристроился тот самый молодой человек, которого я уже давно (ошибочно!.. получалось невероятно ошибочно!) списал со счетов. А на спине у этого молодого человека, сидел как раз тот мужчина, который был моим последним собеседником. И лицо...

Лицо у него было такое возвышенно-одухотворенное, что я впервые серьезно испугался. Я внезапно понял, что мы все уже находимся в той неземной стадии существования, что и весь вопрос реальности или нереальности - вопрос выдуманный и спорный. Ни реальности, ни нереальности - не существовало. Каждый был волен находиться там, где ему было лучше.

Но где находился я?

Об этом я сказать не мог...

Февраль 2004 год.

повесть

Без права на прощание

«Выражение ужаса на его лице постепенно сменилось гримасой равнодушия и безысходности».

Довлатов.

Часть 1

Глава 1

Не знал Дмитрий, что когда-нибудь ему будет так плохо.

Как не знал он, наверное, и ничего из того, что произойдет с ним. Что произошло. Что должно произойти.

Закурив вытащенную из пачки последнюю сигарету, Дмитрий недовольно поморщился. Курить не хотелось. Как внезапно ему расхотелось и вообще все. И главное - жить.

И ведь неизвестно, когда это все, на самом деле, началось.

Дмитрий задумался. Мысли лезли в голову все больше соответствующие моменту: грустные и недоверчивые друг к другу. Словно бы каждая из них имела право на какую-то собственную жизнь. И снова сама же - сомневалась в этом.

А вот Дмитрий как будто уже ни в чем и не сомневался. Ему только захотелось в последний раз (перед тем, когда уже все на самом деле закончиться) испытать все то, что столь печально (и почти неожиданно для него) привело его к результатам, которые он наблюдал сейчас. Привело к полному отторжению его - жизнью. Стремлению эту самую жизнь -- побыстрее -- закончить. А новую... А новую, быть может, уже и не начинать...

Да и зачем она ему уже была нужна? Тем более, что не видел Дмитрий в этой самой жизни никакого просвета. Словно бы и не задумываясь, что она может продолжаться. Продолжаться без него...

Глава 2

Дмитрий шел по еле просматривающейся среди густой травы тропинке. Он знал, что идти ему еще предстоит с полчаса. Потом начнется лес (тропинка упрется в лес, который уже виднелся где-то вдали). И в этом же направлении (направление одно - только вперед) останется пройти еще пару километров. Потом появится речка. Мелководная. Следует перейти по ее каменистому дну. И только тогда будет заметна тропинка. Тропинка, ведущая в гору.

Гора была высокая. Но в этом месте склон был не слишком отвесен. И вполне свободно (потратив на это несколько часов)

можно будет добраться почти до вершины. Почти,-- потому что сама вершина ему была не нужна. Прямо перед ней (когда останется всего с десяток метров, которые даже уставшими от длительности пути ногами можно было преодолеть сравнительно быстро) будет небольшая дорожка вниз. Но это движение вниз обманчиво. Ибо лишь только однажды ступил на нее Дмитрий (думая, что уже двигается действительно вниз), как окружающая его действительность сменилась чем-то уже и вовсе неопределенным. А летнее солнце, склонившееся к закату, не только совсем исчезло, но и его словно бы и совсем не было.

.....

.....

Что подумал тогда Дмитрий? Ошибочно было думать: что? Ведь на самом деле Дмитрий совсем ничего не увидел. И даже не понял, когда он успел потерять сознание. Очнувшись...

Впрочем, о том, что Дмитрий увидел, очнувшись, сейчас лучше не вспоминать.

Но опаснее всего было то, что после того как он полагал, что все для него закончилось, Дмитрий убедил себя, что должен испытать все пережитое вновь. И чем больше он вытеснял это столь странное желание из своей головы, - тем больше оно казалось ему загадочнее, и,-- уже быть может от этого,-- желанней.

И, наконец, наступил тот момент, когда он уже совсем ничего не мог с собой поделать. И отправился на то же самое место, чтобы испытать уже порядком забытое чувство вновь.

Чувство какой-то невесомости.

Хотя Дмитрий и понимал, что вполне может и ошибаться. Ведь он на самом деле не помнил ничего. И реконструирование каких-то событий вероятно всецело и исключительно состояло только лишь из его домыслов и совсем нереальных предположений. Причем, у него появились все сомнения считать, что он только запутывает себя.

И еще. На самом деле вполне могло быть так, что ничего с Дмитрием не произошло. А еще вернее - он упал, потерял сознание. И ему приснился какой-то загадочный сон. Сон, который он и пытался разгадать все это время.

Но все же, считать так Дмитрий не имел права. И не потому, что так не могло быть. Нечто подобное (сны и фантазии) с Дмитрием случались достаточно часто. Был он впечатлителен. Все свои двадцать девять лет занимался музыкой (виолончель). Внешность имел достаточно подходящую для того, чтобы предположить, что только в столь тщедушном теле и может 'базироваться' столь неустойчивая (ко всякого рода мистическим восприятиям действительности) психика. Но... Но, хоть все это и могло быть так,-- но так не было.

Да и сам Дмитрий почему-то был убежден, что это было совершенно не так. И что-то с ним происходило в реальности. Ну, может быть, в полу-реальности. И уж наверняка он должен был выяснить: что и как?

И только потом уже решать: будет ли у него после этого будущее? Ибо были у Дмитрия достаточно серьезные опасения, что после того, что он увидит, - что-то все-таки останется по-прежнему. А может и наоборот,-- ничего для него 'по-прежнему'

уже не будет. Так он считал. Ну, или, - в этом ему удалось убедить себя.

Глава 3

Сказано - сделано. Дмитрий решил не откладывать. И когда это он уже окончательно решил, - то сделал несколько шагов по уже появившейся (ко времени минувшем с момента начала размышлений) тропинке. И... куда-то провалился.

В пропасть?

Может это и действительно была пропасть. Но на самом деле, произошло это почти столь же неожиданно, как и в прошлый раз. И Дмитрий совсем ничего не успел понять. Тем более, то, что он видел сейчас...

Он полетел. Стоило ему лишь ненамного подпрыгнуть, как Дмитрий почувствовал невесомость. И даже не обязательно было оглядываться вниз, чтобы почувствовать, что он совсем даже не идет по земле. А парит над ней.

.....

Притом что находился он в какой-то пещере. Туннеле. И как-то уж слишком уверенно перемещался по этому самому туннелю. Как будто он уже здесь бывал раньше.

Но ведь он и действительно бывал.

Но вот только ничего не помнит...

Как и не понимает, что с ним происходит сейчас.

Дмитрий, подпрыгнув, зацепился за какой-то выступ. Теперь обзор был получше.

Но так ли уж важно было сейчас осматриваться?.. Хотя. Необходимо было разобраться с тем, что происходит.

И где он на самом деле оказался. Что это за место.

...Дмитрий задавал себе вопросы. Но на них не отвечал.

Мысли, которые у него появлялись, рождались какими-то свободными, и абсолютно независимым - независимым от действительности - образом. Словно они совсем не имели какой-то привязки к месту действия. Словно бы и он даже не находился здесь. А его сознание не простиралось дальше того, что могли различить его глаза. Которые, скорей всего, ничего и не видели. Отказывались видеть. Почти - отказывались - видеть.

.....

.....

Неожиданно вокруг стали появляться люди. Высокие, маленькие, старые, молодые, мужчины, женщины, дети... Вскоре они уже заполнили все пространство вокруг беспомощно озиравшегося Дмитрия. Который неожиданно взглянув на себя... увидел что он наг. Но ему совсем не было стыдно. Словно бы раньше он никогда не носил одежды. Словно это было действительно его привычное состояние. Более привычное ему, чем то, в котором он пребывал еще как будто доселе.

Глава 4

Наверное, он слегка переусердствовал в своем желании что-то понять.

Ибо так вполне могло случиться, что понять он не должен был ничего. А если у него какой и был шанс, - так это пока еще вернуться. Обратное. Но обратно он возвращаться не хотел.

А даже наоборот - как будто бы и стремился проникнуть еще глубже. В свое подсознание. Ибо у него отчего-то появилась

уверенность, что все происходящее на самом деле происходило. Но происходило где-то в глубинах психики. Его психики. Которая на какой-то миг перестала быть его. А он не понимал толком - будет ли уже когда что-то иначе?

Нет. Этого он действительно не понимал.

Как и, конечно же, не мог с точностью сказать, что сейчас с ним происходит.

Дмитрий спрыгнул вниз.

Люди - на удивление - не расступились, а исчезли. У него уже было возникло подозрение, что их и не было раньше, как тотчас же (стоило ему только подумать об этом) Дмитрий ощутил на своем теле какие-то касания. Не нежные и не грубые. А словно бы - изучающие. Исследующие его тело. И Дмитрию стало совсем уж неловко от того, что ему это, по сути, было приятно. Как будто он испытывал какое-то новое (по силе неизвестности и новизны) возбуждение. И наслаждение, разливавшееся по телу, было ему действительно приятно. И он даже обрадовался, что он обнажен. И уже понял, почему это должно было быть так. И стал, как будто, понимать своего невидимого создателя, сделавшего для него это. Поместившего его в подобное место. И не решающегося открыть ему тайну - почему это сделал. Зачем ему это было нужно. Или уже нужно самому Дмитрию. И нужно ли?

И вновь (в который уж раз) в голове нашего героя возникали вопросы. Вопросы, на которые не было ответов. Но сейчас Дмитрий - быть может, в первый раз - даже как-то обрадовался, что это так. Что это происходит так. И никак иначе.

Что он находится здесь. В этом самом месте. И пусть уж чувствовал себя Дмитрий совсем уж ничего не понимающим,

---

можно было предположить, что кому-то это было действительно нужно. И быть может уже даже самому ему. Потому что, разве не желание

Испытать нечто подобное, двигало Дмитрием в то время, как занимался он любой мыслительной работой. И уже как будто и собирался совершить нечто подобное. Но еще как будто и в чем-то сопротивлялся принятому решению. И в то же время не понимал: почему? Ведь ему на самом деле и размышлять-то долго не пришлось. А уже если что-то он решил, - то выполнял. Даже если на пути 'решения' возникали трудности. И он вдруг понимал, что это все как будто ему и не нужно. И совсем не важно.

Совсем. Не важно.

Но признание этого словно бы разом перечеркивало недавние (какие бы они не были) 'завоевания' Дмитрия.

И этого, по сути, совсем бы и нельзя было допустить. И потому, если он что-то для себя решил - то старался 'неукоснительно' выполнять. Даже во вред себе.

И это вскоре уже стало, чуть ли не единственной причиной, почему Дмитрий, который, неожиданно вспомнив, что с ним происходило раньше - должен был, как минимум, повернуть обратно. Вернуться назад. Но... сначала Дмитрий забыл: что же он на самом деле вспомнил? А потом - решил уже не останавливаться. А даже наоборот - тщательнее обычного изучить: из чего же состояла эта самая пещера?

.....
.....

Свисающие сталактиты периодически капали, подтаивая, ему на голову какими-то уж слишком крупными каплями. Где-то

вдали что-то гудело. То громыхая (а тогда смело можно было говорить об усилении звука), то наоборот - уж как-то слишком жалобно постанывая.

И совсем ничего нельзя было с этим поделать.

И требовалось, быть может, просто принять это к сведению. И, не обращая внимания, двигаться дальше. Быть может даже и что-нибудь найти. Если бы удалось куда-нибудь дойти.

Но впереди начиналась совсем уж темнота. И чтобы двигаться дальше, следовало пробираться большей частью даже на ощупь. Как будто бы не решаясь остановиться. Дмитрий этого боялся. Словно на этой самой остановке поджидала его смерть. И единственной возможностью избежать ее -- было движение вперед.

.....

Ничего не приносило Дмитрию уверенности в том, что если когда-нибудь ему удастся дойти - то что-то изменится. Такого просто не могло произойти. И Дмитрий понял, что ничего не изменится до тех пор, пока он будет находиться внутри туннеля. Мрачный и темный туннель, как ни странно, приносил успокоение.

Да он и с трудом походил на туннель. Если с чем-то сравнивать, то скорее с лабиринтом. И словно подтверждение этому, дорога стала расходиться в стороны. Делиться на несколько. И какую же из них выбрать?..

Дмитрий задумался. Что-то стало говорить ему о том, что может все бросить, да повернуть обратно?

Но Дмитрий знал, что поддаваться подобным мыслям не стоит. А наоборот,-- необходимо неукоснительно следовать

намеченному курсу. И в данном случае, например, двигаться прямо. И уж точно, совсем никуда не сворачивая.

Часть 2

Глава 1

Мне показалось, что когда-то это раньше я уже проходил. И даже камни, которыми была уложена земля, казались знакомыми мне. Словно бы я их когда-то уже держал в руках. А быть может, нашел и сам. Отколупнув, например, от стены.

Словно бы подтверждая мысль, я - скользнув взглядом вдоль стены - заметил валявшийся молоток.

И уже в следующую секунду Дмитрий, подхватив его, стал наносить хаотичные удары в стену. Камни действительно отлетали. Но они нисколько не были похожи на те, что валялись внизу.

--Наверное, в чем-то я ошибся,-- многозначительно подумал Дмитрий, и еще больше задумался.

Что-то было не так. И он это интуитивно понимал. Интуитивно...

--Значит, интуиция еще служит мне,-- пришла Дмитрию неожиданная мысль. Но что-то уже указывало на то, что даже если это и так - то от этого уже совсем ничего не измениться.

И ничего с этого сам Дмитрий для себя не выгадает.

Но он уже не мог остановиться. Если Дмитрий уже решился прийти сюда, то наверняка должен был подчиняться правилам, которые здесь были. И от которых он совсем не зависел. В том числе, не зависел и от возникновения их.

А вот следовать им - уже даже словно и был обязан.

Глава 2

Неожиданно Дмитрий почувствовал, как что-то подхватывает его (словно он даже не хотел этому сопротивляться) и уносит, не спрашивая: нужно ли ему, собственно, двигаться в этом направлении?..

.....

Я оказался на какой-то площади. Пустой. Никого не только не было рядом, но и все вообще пребывало в страшном запустении. Словно бы уже давно здесь никто не жил. Словно бы не жил и я сам. А все происходящее со мной было даже не сном. Не кошмарным сном. А словно бы...

.....

Я ничего не понимал.

Но, конечно же, это было не так. Не совсем так. Ну, в том плане, что я (внезапно) потерял отчет времени. И не знал, что то, что происходит... В общем, не знал я: так ли это все должно было происходить.

А тут еще рядом со мной появились два человека. Станных, и даже каких-то несуразных на вид.

И самое удивительное, что мне показались знакомыми их лица. Вернее,-- выражение лиц. Странное, по сути. Но видимо как раз этой своей странностью они и подкупали. И словно бы хотелось тотчас же обнять их, и рассказать обо всем, что знаешь. Непременно найдя что-нибудь веселое. Мне отчего-то показалось, что они должны рассмеяться. Ну - рассмеяться, значит порадоваться. А радость, как я уже понимал, это выражение человеком, в том числе, и самодовольства. А значит (как одно из

звеньев в цепочки логических умозаключений) где-то - совсем поблизости - скрывалась и добрая доля внутренней уверенности. Того, чего мне - как я знал - недоставало. И того, чего у них-то было как раз в избытке. Било через край. И, наверное, ничего бы с ними не случилось, если бы поделились со мной они этой своей уверенностью. Ну, что-нибудь, разумеется, получив взамен и от меня. Да любое,-- чтобы им понравилось. Потому что я внезапно сделался каким-то на удивление щедрым человеком. Но ведь мне и на самом деле хотелось отблагодарить их. Ведь если бы, по сути, я их не нашел,-- то может быть и совсем растерялся в том, что мне делать.

А так я уже знал, что теперь мы продолжим наш путь вместе. А то они может быть и вообще выведут меня обратно. Ибо находиться в подобной прострации, признаться, мне не очень хотелось.

.....

--Вы... Вы со мной не пойдете? - недоуменно взглянул на мужчин Дмитрий, словно бы не понимая, как так может случиться, что они собираются куда-то уйти без него.

--Но у нас действительно дела,-- неуверенно переводя взгляд с товарища на Дмитрия, сказал один из них.

--Да, да, мы действительно спешим,-- заверил его другой.- Уже почти даже опаздываем.

--Но как же так?- Дмитрий в нерешительности переминался на месте.

--А что? Разве между нами была какая-то договоренность, что мы должны вас куда-то сопроводить?- все еще игриво поглядывая, то на Дмитрия, то на своего товарища (и словно

приглашая того 'подключиться') переспросил первый. - Или вы, например, не знаете дороги.

--Да полно, Джек,-- одернул его товарищ, и внимательно посмотрел на Дмитрия. - Мне кажется, я смогу вам чем-то помочь.

--Буду очень вам признателен,-- откликнулся Дмитрий. - Но ведь вы куда-то спешили?..

Наступило молчание. Видимо разом все растерялись, не зная как должны вести себя в подобной ситуации.

Что до Дмитрия, так он вообще уже - и в который раз - пожалел, что ввязался в это предприятие.

Но быть может, парадокс заключался в том, что с момента встречи с ним этих двух мужчин (обоим лет по сорок, небольшого роста, крепко сбитые, лысоватые, аккуратно выбритые, в джинсовых костюмах) Дмитрий действительно почувствовал улучшение своего состояния. Словно бы эти двое излучали энергию. К которой он подключился.

--Нет, нет, спасибо,-- наверное больше из вежливости, чем считал так на самом деле, поблагодарил Дмитрий. - Но вы мне только расскажите как отсюда выбраться, и дальше я уйду сам.

--Выбраться!- присвистнул тот, кого называли 'Джеком'. - Да неужели, если бы сами знали дорогу, мы отсюда не вышли.

--И?.. - непонимающе (а в душе уже начиналась разливаясь волна трагедии) уставился на них Дмитрий.

--Мы действительно не знаем, как отсюда выбраться,-- опустив голову, произнес 'Мирик' (он представился, как его зовут).

--А как же вы?- все еще ничего не понимал Дмитрий.

--А мы живем здесь,-- первым пришел в себя Джек, и, подхватив на руки Мирика ('сегодня я несу',-- донеслось до Дмитрия), понес его, свернув на другую дорогу.

Дмитрий смотрел им вслед.

Джек с Мириком обернулись, словно бы убеждаясь, что Дмитрий остался на месте.

--Туда!- выбросил руку Джек, показывая одно из направлений, и смотря прямо в глаза Дмитрию.

Дмитрий кивнул. Он уже знал, что просто отправиться вслед им. Дождавшись, пока они скроются из виду. Почему-то у Дмитрия была уверенность, что его обманывают. И он решил не верить никому, положившись на себя. Только на себя. Как делал это и раньше. И как, вероятно, поступит теперь.

--Нет, нет, вы совсем не верно подумали,--- услышал Дмитрий доносившиеся из темноты (товарищи уже скрылись), и обращенные видимо к нему голоса.

--Как?- вырвалось было у Дмитрия, но его сознание как бы говорило, что те его не услышат, а значит и говорить как бы не стоило.

--Ну что же вы?- раздался знакомый Дмитрию голос за его спиной.- Что вы ничего не говорите?

Дмитрий оглянулся и судорожно сглотнул слюну. Прямо перед собой он увидел улыбающуюся рожицу одного из 'друзей'.

Дмитрий недовольно взглянул в направлении, куда ему показалось, те скрылись.

--Да нет же, мы здесь,-- раздался рядом с ним все тот же голос.- И почему вы молчите?- не унимался он.

--Но ведь вы... ушли...--недоверчиво произнес Дмитрий. Он уже действительно ничего не понимал.

--А вот и нет,--усмехнулся Джек (или Мирик,-- Дмитрий уже перестал их различать. Внешне они были похожи).

--Все на самом деле просто,--поспешил успокоить Дмитрия Мирик (значит до этого был Джек,-- пронеслось в голове Дмитрия).--В какую бы сторону вы не отправились, вы оказываетесь в том месте, где вас хотят видеть.

(Дмитрий не стал разочаровывать товарищей, что видеть их не хотел).

--Ну так что же?- не унимался Джек. - Или вы сейчас же отправляетесь вместе с нами -- ... или даете нам уйти,-- продолжил за него Мирик.

--Да уходите,-- как-то уж слишком раздраженно вырвалось у Дмитрия. - Кто вас держит!- добавил он уже для себя. Вернее - про себя. Но они его вновь услышали.

--Нет, так дело не пойдет!?! - с сомнением покачал головой Мирик. - Или вы немедленно отправляетесь вместе с нами, или уходите первыми, и больше о нас не думаете.

--Да не думал я о вас! - сопротивлялся Дмитрий. ('И куда я с ними пойду'?) - подумал он про себя).

Но тотчас услышал, что кто-то из двоих назвал его - 'про себя' -- мерзавцем.

Этого Дмитрий решил так не оставлять. Он коротко пробил левым боковым в челюсть. По-моему Джека. Но потом ударил и правым прямым в подбородок Мирику. Два товарища рухнули почти одновременно. А Дмитрий подумал, что у него впервые на практике получились удары, которые он когда-то - еще

в юности - отрабатывал в зале. И судя по тому, что и Джек и Мирик ('и имена у них какие-то дурацкие',-- подумал Дмитрий) лежали без сознания, Джек понял, что удары действительно получились.

--И больше, чтобы я вас рядом с собой не видел,-- зачем-то произнес Дмитрий, главным образом, наверное, для успокоения совести. Ведь совесть было почти единственное, что - знал Дмитрий - будет беспокоить его всегда. И даже сейчас, именно эта самая ('чертовка, уже получается',-- подумал Дмитрий) совесть вытягивала за собой и тревожность, и беспокойство, да и вообще всю ту психопатологическую симптоматику, от которой Дмитрий уже думал, что избавился. Ну, по крайней мере, избавился от неожиданного наступления ее. Когда не было времени подготовиться.

--Ты совсем сошел с ума,-- услышал Дмитрий знакомый голос.

--Да ну?- Дмитрий готов был уже вступить в отчаянную полемику. И вдруг понял, что этого совсем и не требуется. Как не нужно и вообще что-то говорить. Потому что - и только сейчас Дмитрий это понял достаточно отчетливо - никого на самом деле рядом с ним и не было. А то, что было, - было что-то наподобие галлюцинаторного бреда. Вызванного... Да мало ли чем он мог быть вызван?

Дмитрию вдруг стало совсем нехорошо. И ужасно стыдно. А еще он захотел... проснуться.

Потому что ему показалось, что он спит. (Или уснуть - моментально уснуть - если все происходящее было 'итогом' бодрствования).

И Дмитрий совсем растерялся. Он понял, что сам себя загнал в круговорот (спровоцированный, быть может, и собственными мыслями). И не знает, как из него выбраться.

Оглядываться по сторонам казалось глупо и совсем бесполезно.

Смотреть вперед - опасно.

Назад - совсем не нужно.

А вот в верх?..

Дмитрий поднял вверх голову, уставясь в потолок.

Почти тут же он поймал себя на мысли, что с каким-то бесстыдством разглядывает... нависший над ним... люк.

Люк (откуда он там взялся?) имел ручку. На которой тотчас же и повис Дмитрий, пока не понял, что таким образом - этот самый люк (были серьезные сомнения в том, что это был действительно люк) он никогда не откроет. И как минимум требовалось надавить на него.

Что Дмитрий каким-то образом и сделал. И тотчас же чуть не задохнулся от ворвавшегося в легкие порыва воздуха.

Часть 3

Глава 1

Иной раз я думаю: действительно ли что-то подобное могло произойти со мной?

Ведь уже получалось, что если это было действительно так (если бы я это действительно мог допустить), то тогда - уже как бы следующим ходом - я мог отыскать несколько неточностей, которые сами за себя указывали бы мне, что чего-то подобного просто произойти не могло. И как бы я ни старался, всякий раз

отыскивалось бы что-то, что возвращало бы меня назад. И если мне только еще раз на это взглянуть, - то я бы уже в который раз понял, что ничего из того, о чем я только что вспомнил - со мной не происходило. А - что еще более наверняка - все это был некий чудодейственный сон. Который, каким-то образом, стоял постоянно передо мной. И повторения которого - я почему-то до сих пор желаю.

Почему? Да, наверное, лишь потому, что я на самом деле так и не ответил себе на вопрос: что там, в действительности, происходило? И что было раньше?

И еще. Мне отчего-то казалось (и иногда я бывал почти даже уверен в этом), что во всем моем нахождении в том (все еще загадочном для меня) месте передо мной стояла какая-то другая задача (чем просто - сначала попасть в туннель, а потом стараться выбраться из него). И ее-то я как раз не выполнил. Но и в чем она заключалась - не мог вспомнить.

И это было самое печальное.

.....

...Дмитрий полз по отвесной скале. Почему он по ней полз, и почему вообще там очутился - не знал. И можно было сказать, не задумываясь. И даже посетовать по этому поводу не мог. Но все же остановимся на том, что он действительно не знал. И это было так же верно, как и то, что ползти он не хотел. А чего он хотел - об этом говорить было бы и вовсе неприлично. Так же как и слушать то, что он бормотал во время своего движения себе под нос. Ибо были у нас все сомнения подозревать, что Дмитрий Васильевич Мирзоев совсем уже не понимал, что с ним происходит. И

совершал иногда поступки, о которых потом думал: зачем же он их совершает?

Но ведь и так-то уж рано было говорить о том, что Мирзоев не отдавал отчет в своих действиях. Каких-то действиях. Своих разумеется.

Так было бы считать уж слишком преждевременным.

Да так, наверное, никогда и не было.

Но как раз сейчас выходило - что все это - именно так. И уже совсем как будто бы ничего не говорило об обратном.

Но вот пока мы еще о чем-то размышляем - Мирзоев полз. Он все полз и полз к какой-то цели. Цели казавшейся невидимой даже ему. И его подслеповатые глазки (очки давно безнадежно повисли над пропастью, зацепившись за какой-то каменный выступ) впереди совсем ничего не различали. Но ведь Мирзоеву совсем и необязательно что-то рассматривать впереди. Перед ним сейчас вообще стояла лишь одна задача: доползти! Доползти, во что бы то ни стало. И может именно это движение было некой проверкой самому себе. Проверкой наличия у себя уверенности. И, наверное, отчаяния.

Да и еще, должно быть, много каких качеств. Которые Дмитрию Мирзоеву еще необходимо было развить в себе. А среди них были и те, о которых он совсем еще не мог подумать. Что они у него будут. Появятся.

Но ведь тогда уже мы можем сказать (и, известно, что Дмитрий был с нами полностью согласен), что человек как будто бы и живет. Но это еще совсем не значит, что он точно таким же останется и завтра. И через год. И через десятилетие... И главное, чтобы сам этот человек хотел бы измениться. И уже его желания

(с прикрепляемой энергией, для выполнения этого желания) может оказаться достаточным, чтобы это на самом деле было так. Чтобы можно было надеяться, что - когда-нибудь - это так произойдет. И уже если действительно произойдет, - то все это будет служить невольным свидетельством чего-то подобного.

.....
....

Но, конечно же, на самом деле Дмитрий Мирзоев сейчас даже не верил, что все это было действительно так.

И карабкался он наверх оттого, что как бы уже и нужно было - карабкаться.

И почти точно также, он бы мог сейчас лежать где-нибудь на лугу. Развалившись на траве, и считая что-то навроде того, что жизнь удалась. Но на самом ли деле было так? Ведь никогда так раньше Мирзоев не считал. Но отчего-то полагал, что как раз ему-то жизнь дана для выполнения каких-то трудных и непонятных задач. Настоящих, даже может быть, лишений. И... трудностей.

И если уже это было действительно так, что зачем же, черт возьми, ему куда-то сейчас ползти? И не легче ли (и справедливее) просто разжать руки. И полететь вниз. Ну, или, упасть.

Испуганное сознание тут же принялось отчаянно сигналить о возможном падении.

Но вряд ли Мирзоев так-то уж его слушал.

Он не слышал уже ничего.

Разбившись, ударившись о камни в подножии склона, на который зачем-то полз.

И действительно: знать бы зачем?

18 апреля 2006 год.

повесть

Паутина

«И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость...»

Екклесиаст 1:17

Пролог

Вообще-то, Кондратьев путал все. И путал, ну в смысле запутывал, в том числе, себя. И когда казалось, запутывался он уже окончательно, - тогда в нем просыпалось какое-то загадочное (и дремавшее доселе) желание - распутать все. Все, что только было возможно. И уже когда у него как будто получалось... Он понимал, что все равно - запутал все окончательно. Так,-- что и распутать уже как будто невозможно. ...Но все равно - каким-то образом выпутывался. Словно бы находил какие-то потаенные ниточки да узелки, за которые можно было потянуть. И... ну распутать все, черт возьми. Выпутаться. Выбраться из ситуации, в которую сам себя же и загнал. Своим быть может, упрямством. Своим - тугодумием. Своим... Да наверное и своей глупостью. И лишь только оттого, что как вроде и не мог уже иначе. Жить он не мог иначе. Не был способен. Не знал как.

Часть 1

Глава 1

Ситуация на самом деле была совсем иная. И быть может не такая печальная, как казалась. Да и Кондратьеву всегда казалось, что все на самом деле - совсем иначе. И ничего не бывает такого, чтобы можно было - из-за этого - переживать. Чтобы необходимо было - перегонять это все - в собственных мыслях помногу раз.

Словно бы и ища какой-то выход (который наверняка должен,-- даже обязан был,-- быть). И вот... было у Федора Кондратьева какое-то предчувствие - что все, быть может, выглядит совсем даже и иначе. Так, что ему это... и не чудилось, быть может, никогда - что это так.

А вот иначе все - и все тут.

И совсем не надо - что-то - искать. Находить. Бояться. Пугаться, быть может, этого.

И вновь, с каким-то потаенным трепетом ждать, что что-нибудь измениться.

Ну, или... должно измениться.

.....

Федор Никитич знал: если чему-то суждено сбыться - то это обязательно произойдет. Совсем, быть может, у него не спрашивая (не спрашивая о возможности возникновения этого).

Но вот - когда происходило так (уже получается, как бы и без ведома Федора Никитича - достаточно положительного мужчины двадцати девяти лет, лысого, высокого, худого и стеснительного),-- то чувствовал Федор Никитич очень даже себя нехорошо. Словно бы испытывал даже какие-то сомнения (присутствовавшие, впрочем, в нем всегда),-- а то и недовольство.

Но нет.

Проходило какое-то время (совсем как будто и незначительное),-- и начинал испытывать Федор Никитич улучшение собственного состояния. И уже верил (после этого),-- в самое хорошее. Быть может даже - доброе и светлое.

То есть можно сказать, что Федор Никитич верил, что это 'доброе и светлое' (чистое и прекрасное),-- уже наступило. Почти - наступило.

Ну, или даже, если оно только должно наступить - Федору Никитичу вполне было достаточно и этого.

Такой он был человек.

Доверчивый...

.....

.....

Мне не хотелось бы, чтобы кто-то считал Федора Никитича 'лопухом'. Хотя, конечно, лопух он был самый, что ни на есть, настоящий.

А еще Федор Никитич был тихий пьяница. И очень даже забитый человек. Пугливый человек. И ничтожный такой человечиска. Который, большей частью, боялся самого себя даже больше, чем еще кого бы то ни было.

Да и вообще, если разобраться, был Федор Никитич, если можно так выразиться - 'никакой'; никакой... да к тому же еще и нелюдимый.

Хотя это уже было, большей частью, что-то сродни искаженного взгляда на суть вещей. Ведь если разобраться (если того требовали жизненные обстоятельства),-- Федор Никитич мог выглядеть совсем даже другим человеком. Ну, например,

---

серьезным и решительным. А то и вовсе - уверенным в себе. Достаточно уверенным в себе. Уверенным в себе настолько, что...

Не был, наверное, Федор Никитич все же таким уж уверенным как кому-то мог показаться.

И в большинстве случаев он был слаб и ничтожен. По своей, так сказать, сути. Ничтожной сути, уже получается.

Глава 2

А ведь таким, каким кто-то из вас (в том числе и вы, уважаемый автор) представляет Василия Геннадиевича Магистрова (не известно, почему вы называете его прежним именем: Федором Никитичем Кондратьевым - все искаженно... все искаженно...),-- такого человека уже, быть может, и не существует.

Ну, по крайней мере, я такого человека не знаю. И уж вполне разумнее считать, что речь идет о двух разных людях.

Ну, уж, по крайней мере, можно предположить, что и Василий Геннадиевич и Федор Никитич друг друга знали. И даже, быть может, немного друг на друга сердились.

Но они были разными. И в тоже время - людьми удивительными. Достаточно удивительными. Удивительными...

И в то же время можно было заметить, что они были людьми больными. С больной психикой. С извращенным, так сказать, пониманием действительности. И уже думая обо всем этом, вскоре наступил тот момент, когда я запутался сам. Ведь знал я почти наверняка, что никого из них и не существовало вовсе. А все мне даже - показалось. Привиделось? Ну а почему и нет? Может и привиделось, что уж тут скрывать. А то ведь и действительно привиделось. Почудилось, быть может даже. И

оттого вскоре стало казаться, что так происходит на самом деле. Хотя на самом деле, разумеется, ничего подобного (как мы уже заметили) не было в действительности. А если бы и было... Если бы... Было. Если бы было,-- тогда бы, как мне думается, все это выглядело бы как минимум нелепо. Смешно и нелепо. И что уж тут было скрывать...

А тем более вспоминать об этом...

Нет. Пожалуй, начнем все по порядку. И уж если что-то мне действительно привиделось (если мы остановимся на этом), - то я, быть может, даже был бы и не против. Если бы только,-- это действительно было так. И если бы не были мои герои - братьями. Пусть и двоюродными. Братьями, с невероятно схожей судьбой.

И вот тут уже, должно быть, можно было и вообще поставить точку.

И обхватив свою безумную голову руками: вскричать: что же это вы? Напутали все. А то и еще хуже - заподозрить во вполне сознательном запутывании. Но... Не все на самом деле так. И об этом как раз следует помнить. И искать быть может даже пути спасения. От всего этого. Но...

.....

Ромашин запутался. Выходило немного не так, как он задумал в начале.

Ведь изначально он полагал вести разговор о двух своих братьях: Василии Геннадиевиче Магистрове и Федоре Никитиче Кондратьеве. Которые были невероятно схожи с ним. И в то же время в чем-то от него отличались.

И уже как раз об этом отличии он и хотел сейчас поговорить.

Ему вообще, быть может, всегда хотелось от кого-то отличаться. Отличаться настолько, чтобы ни у кого и повода не возникало заподозрить его в какой-то похожести - на кого бы то ни было. С кем-то его сравнить. С кем-то. С кем, быть может, ему бы совсем не хотелось.

И уже думая так, Ромашин начинал склоняться к мысли, что ему стоит вести повествование о самом себе. И лишь только имея в своей памяти образ братьев (живых, разумеется, братьев; братьев, воплощенных в некий образ), а равно, используя некоторую схожесть всех троих, Ромашин мог быть уверен, что он не только не запутается; но и читатель ('кто-то ведь будет это читать'? - рассуждал Ромашин, бережно переворачивая, прочитанные, страницы собственного дневника) уже самостоятельно сможет наделить недостающим -- всех трех героев. Которые возникали в его воображении так, - словно бы это был один человек. Хотя быть может он и был один...

.....
....

Родился со своими братьями он в одном году. С разницей в несколько месяцев.

И получалось так, что каждый из них чувствовал внешнюю и внутреннюю схожесть с другими. А потому, стоило им только вступить во взрослую жизнь, как они стали изменяться.

Правда, дело касалось только внешности.

Кондратьев, например, был высок, худ, лыс, усат и застенчив. Отчего Магистрову пришлось отпустить длинные волосы, сбрить усы, и набрать вес.

Ромашин был такой же высокий как Кондратьев. Но сейчас он стал казаться еще выше, оттого что стал носить обувь на высоком каблуке. Кроме того, была у него борода (в народе известная как 'козлиная'), ходил он всегда в больших очках в роговой оправе; и... слегка прихрамывал. А потому всегда был с палочкой. И... в костюме-тройке. И осенью еще надевал шляпу и длинный плащ. При этом плащ был какого-то неопределенного цвета. А шляпу его и вовсе, не иначе как 'дурацкой' не назовешь. И от всего этого Ромашин больше смахивал на какого-то придурка. Хотя и таким он быть может не был. Потому как был он кандидатом физико-математических наук. Да к тому же еще и кандидатом в мастера по шахматам. И в перспективе - было ему столько же лет, как и остальным братьям - мечтал стать мастером спорта по шахматам. И доктором наук.

Работал Ромашин преподавателем. Собирался стать профессором. Получить должность зав.кафедрой. А пока... Пока он довольствовался тем, что у него было.

.....
.....

...В личной жизни Ромашину не везло. И он, и его братья испытывали какой-то фобийный страх по отношению к женщинам.

И в то же время эти самые женщины им очень даже нравились.

Но они их самым невероятным образом боялись. Словно бы полагая, что ничего кроме несчастий те им не принесут. И уже исходя из этого, видимо подсознательно, и Кондратьев, и Магистров, и Ромашин делали все, чтобы с женщинами (любых

возрастов) как можно меньше пересекаться. Ну и, конечно же, чтобы ни в коем случае не подпадать ни под какую зависимость от женщин.

--Зло, это, зло,-- не раз повторяли они в разных словесных интерпретациях. Боясь при этом признаться, что мучают их самые, что ни на есть, эротические сны. И там, в этих снах, они с женщинами выделывают такое,-- что можно было бы вполне сознательно считать это материалом для порнографических фильмов. А то и просто, как говорится, ставить камеру и снимать. Без каких-либо дополнительных сценарных вариаций. Это уже было не обязательно. С такими-то фантазиями!

.....

.....

Ромашин открыл для себя, что он любит заниматься сексом с женщинами исключительно другого цвета. Даже лучше, если бы это были африканки. Видимо в мозгах Ромашина сработал некий стереотип, и он решил, что именно те -- более страстны. А ему-то как раз и хотелось -- страсти. Отчаянной страсти. Чтобы голова уже ничего не соображала. Чтобы он повиновался самым, что ни на есть, животным инстинктам. И уже ни о чем не думал, кроме как... о сексе.

.....

Кондратьеву хотелось непременно с тремя. И чтобы были они блондинками. С немного пышноватыми формами. И чтобы он уже ни о чем не думал. И лишь только погрузился бы в пучину наслаждений. Словно бы нырнул. И... не вынырнул. А подольше находился бы там. И, разумеется, ни о чем бы не соображал.

Да еще, быть может, чтобы ему было стыдно. От того что он там с ними вытворяет. Но это так. Необязательно.

А Магистров боялся себе признаться, чего ему на самом деле хотелось.

Потому что хотелось ему, чтобы насильовали его негры. А еще лучше, негры, арабы, и... китайцы. Которые (все бы вместе) связали его. И не дав вздохнуть ему свежего воздуха, -- пичкали своими членами. Маленькими, большими, длинными, черными, желтыми...

Стыдно было Магистрову за подобные желания.

Не мог он в них никому признаться.

Собирался даже 'ввести' в свои сновидения женщин (чтобы хоть как-то разбавить всю эту порно-муть); но свободных женщин как-то не находилось. А тем которые были - в довесок давались все те же негры, арабы, китайцы... И не мог ничего с этим поделать Магистров. Не в его это было власти. Да и вообще, если честно, неудобно ему как-то об этом было даже рассуждать. И стоило только появиться подобным (сексуально-порнографическим) мыслям - как тотчас же, самым невероятным образом, набухал его член; и приходилось прибегать к самой усиленной мастурбации; чтобы только хоть как-то снять напряжение; хотя оно и снималось-то -- только на время. А потом хотелось еще больше.

Что же до сна... Магистров пожалуй был единственный из трех - кто после пробуждения старался побыстрее забыть свой сон.

И уж точно никому ни за что бы не смог он признаться, что на самом деле, то, что ему снилось, - ему нравилось. Настолько

нравилось, что каждый раз ложась в постель - он подспудно ожидал - продолжения разыгрывавшегося во сне порно-спектакля.

И, должно быть, очень расстраивался, если у него ничего не получалось.

Не получалось вызвать в своем сновиденческом воображении негров, арабов, китайцев.

Но даже и тогда, когда не получалось,-- в сновидения Магистрову приходили... индейцы. И творили с ним уже откровенное непотребство. От чего он просыпался с жуткой головной болью. И еще какое-то время после пробуждения пребывал в уверенности, что член ему действительно отрезали. Члена нет. И как теперь жить?..

Магистров даже плакал.

Кто не знал о характере его сновидений - думали беспричинно. А Магистров сидел на кровати, обхватив длинными руками свои длинные худые ноги. И рыдал уже почти что навзрыд. И успокаивался только когда случайно нащупывал кончик своего мужского органа. Хотя все же и после это, еще долго имел потерянный вид. Но это так. наверное все же излечимо...

Глава 3

И все же Ромашину казалось, что все, что происходит с ним - происходит как-то не так.

Иногда он не спал ночами. Вернее, просыпаясь среди ночи, мучительно соображал, пытаясь понять, что же он в своей жизни сделал такого, за что 'немилосердная судьба' его так жестоко наказывает.

--Ведь наверняка должен быть какой-то выход? - думал он. - Не могло быть так, что его оставили словно бы голого - посреди оживленной трассы. И стоял он там, отмечая про себя, что в голову не приходят никакие мысли. Пока ему не становилось мучительно больно, от того, что он, в общем-то, ничего не может (не способен!) придумать. Ну и предпринять, разумеется, тоже не может.

...Горько ему становилось от этого.

Обычно, ничего больше после этого он уже не понимал. Да и вообще, давно уже склонялся к мысли, что понимает очень даже мало. А то и действительно, словно бы и ничего не понимает. Да и не понимал, наверное, никогда. А лишь только пытался нащупать какой-нибудь лаз, куда можно было бы ему спрятаться. Скрыться. И хотя бы какое-то время - переждать. Затаиться. Затаиться и переждать. Ну и чтобы никто, разумеется, его не тревожил. А что до него самого, так он всегда вообще боялся тревожить хоть кого-нибудь. И всю жизнь провел так, чтобы только никого не беспокоить. Чтобы даже, быть может, и не думать ни о чем. А тем более боялся думать, что хоть кому-нибудь - может причинить беспокойство. Беспокойство своим... присутствием.

Он боялся всех.

Боялся больше всего - себя.

И совсем не представлял - как выпутаться ему из подобной ситуации.

.....

.....

Загадочной, конечно, казалось жизнь Ромашина.

Страшился он ее.

И очень сильно хотел изменить.

Но проходили годы, - а он все 'хотел' и 'хотел'.

И не знал, как же ему, собственно, к этому подступиться.

И наступали такие дни, когда он уже ничего не хотел и вовсе. Словно бы собираясь оставить все так, как это, собственно, и было.

А потом уже ругал себя за подобное малодушие. И где-то в глубине души верил, что у него на самом деле, все может получиться. Но не мог же он быть таким уж... пропащим.

Да и ничтожным, наверное, тоже не мог. А хотел стать сильным. Очень сильным.

Мужественным. Хотел научиться добиваться в этой жизни чего-то запланированного. Хотя это, должно быть, уже не могло быть изначально. Потому что ничего Ромашин никогда не планировал. Приспосабливаясь к тем обстоятельствам, которые были. Должны были быть. И уже в соответствии с этим - требовалось найти какой-нибудь выход из положения.

Выход, которого, конечно же, никогда не было.

Которого не было уже хотя бы потому, что не было, собственно, 'входа'.

И жил Ромашин все время как бы в подвешенном состоянии.

Даже не жил вовсе. Существовал.

И все же, в глубине души он, конечно же, мечтал, что все когда-нибудь будет иначе. По другому. Верил - что измениться. А в первую очередь, разумеется, изменится он сам. Станет как бы другим. Начнет жить другой жизнью. Совсем не такой, какой жил (или уж что вернее - проживал) доселе.

И удивительно, что схожие мысли (или уж лучше назовем их 'мечтаниями') были у Кондратьева с Магистровым. Которые тоже хотели измениться. Искренне верили, что когда-нибудь это у них получится. И, наверное, невероятно бы расстроились, если бы узнали что их мечты так и останутся мечтами. И ничего большего - больше - у них не будет. С ними - не произойдет. Да и вообще,-- самое разумное было бы взять (всем троим) да удавиться.

...Насколько это будет разумным, конечно, для них?.. Ведь если припомнить, они и сами не раз говорили, что то, что происходит, - временно и непостоянно.

И на самом деле - все очень даже может и измениться. В скором времени - измениться.

Даже, быть может, в самом ближайшем будущем...

И со временем они настолько в это поверили, что со всеми троими стали происходить удивительные метаморфозы.

Например, Кондратьев, вдруг отпустил волосы нормальной длины (голову раньше он брил, а не так как я думал, что волосы у него выпали). Покрасил их в жгуче черный цвет. Вставил на свои зубы белоснежные пластины. Стал одеваться только в дорогих бутиках. Курить только сигары. Купил 'Рольс-Рольс'. Да и вообще эмигрировал в Америку. В Соединенные Штаты.

Его двоюродный брат Магистров - наоборот. Побрился наголо, отпустил длинные - казацкие - усы. Похудел. И стал заведовать какой-то сектой (ударившись вдруг в религию).

Самый младший брат (разница между ними в несколько месяцев) - со своей внешностью поступил по принципу - пусть останется все как есть. Но эмигрировал в Израиль. А уж там

совершил попытку государственного переворота. И сел в тюрьму. На десять лет. (А могли и расстрелять).

Но потом неожиданно его отпустили. И все трое оказались вновь -- вместе. В России. Причем (сколько это стоило, мне, конечно, никто не говорил; какое-то необычайное смущение они чувствовали по этому поводу) оказались удивительно похожи и раньше. Теперь же - вся троица стала походить на близнецов. И словно бы находили они в этом какое-то необычайное удовлетворение.

Глава 4

В один из дней случилось событие, на котором, пожалуй, стоило бы остановиться поподробнее.

Вернее, самих событий, по всей видимости, было два.

Сначала пропал Магистров.

Предпринятые были поиски, ни к чему не привели. Причем человек не только исчез, но и в самое ближайшее время о нем уже все забыли. Как-то достаточно быстро забыли. А прошел месяц - и разводили руками; словно бы недоумевая: о чем это им говорят? О каком-то исчезновении? Кто исчез-то?..

Вторым же случаем, который вероятно, был предвестником третьего, - было то, что Кондратьев вдруг стал... женщиной.

Ну, наверное, конечно, не самой уж женщиной. А по сути лишь трансвеститом.

Но он воспринимал ситуацию так, что любое упоминание о его прежней жизни - вызывало в его душе недоумение.

И было у него уже другое имя. И его фамилия имела женское окончание. Да и повадками он стал походить на женщину. Ну, или,-- на проститутка. Или педераста. Что было, по мнению Ромашина, одно и то же. Ибо как раз Ромашин все подобное (произошедшее с его братьями) воспринимал очень даже серьезно. И одним недоумением дело тут не могло ограничиться. Ибо в пору было бить в колокола. Ну, или,-- напиться. Причем, не только напиться, но и находиться в таком состоянии все время. Поддерживая свое состояние вовремя вливаемым в себя алкоголем. Чтобы на все происходящее нельзя было реагировать адекватно. Даже более-менее адекватно. А он бы с легкостью и вообще никак не реагировал. А, например, взял бы - да застрелился.

Но Феликс Ромашин - почти через несколько дней начавшихся метаморфоз с его братьями - получил должность зав.кафедрой. И звание профессора. А совсем незадолго до этого - еще и защитил докторскую диссертацию. И выполнил норматив мастера спорта по шахматам. И даже можно было сказать, что жизнь его... хотя, жизнь-то еще должна была продолжаться. А вот проблема... проблема была решена. И можно было сказать, что никакой проблемы-то на самом деле и не было. Не существовало. И настолько он, вскоре, забыл об этом,-- что считал, что...

Вот тут, должно быть, следует немного остановиться. Ибо (к неудовольствию Ромашина) перед ним стала выплывать из небытия самая настоящая загадка. И разгадки ее - пока не предвиделось. Тем более, чтобы что-то решить - необходимо было установить причину: почему такое могло случиться? А еще чуть раннее установить - о чем мы вообще говорим? Что это вообще

такое? Что мы видим перед собой? (и видим ли?). Есть ли на самом деле загадка? И уже если есть - как она выглядит?

Но как уже кажется на первый взгляд - Ромашин мучился совсем не этими проблемами. Как это не покажется странным, но на самом деле никаких проблем (в зоне своего восприятия) он не чувствовал вообще.

А неожиданно наоборот - стал проваливаться в некий (астральный?) мир. Мир, в котором царили совсем иные законы. Насаждались незнакомые порядки. И все и вовсе казалось совсем даже неожиданным. Словно бы... словно бы ничего - вокруг - и не было.

А ведь может так случиться, что там и на самом деле ничего не было. Но ведь не идиотом же был Ромашин. И уже как бы то ни было, стал он - самым основательным образом - погружаться вглубь себя.

И уже словно бы никогда прежде не существовало Феликса Петровича Ромашина. А вместо него появился совсем даже незнакомой (в том числе и ему) мужчина. Который с диким ужасом отрешивался от всего, что происходило рядом с ним. И как-то уж очень быстро стал он погружаться в свой внутренний мир. Мир собственных страхов и кошмаров разума. Мир, в котором, на самом деле, и находился-то всегда. Да опускался как-то не слишком глубоко. А словно бы барахтался на поверхности.

Но теперь само погружение - уже как будто от него и не зависело. А от кого зависело оно - и нельзя было разобрать. Но если пытаться разобраться, - то, наверное, самым разумным было сразу запутаться. Чтобы больше и не мучиться. Не пытаться

нащупать ту ариандову нить, которой вовсе, как будто (в его восприятии), и не существовало.

Потому что погружался он все глубже. Пока не залез в такие дебри собственного бессознательного, куда никто до него и не заходил. И где, разумеется, никогда раньше он не был. Потому что боялся, наверное. А может...

.....

Феликс Петрович сходил с ума. Понимал это. Понимая, стремился как-то избежать. Нашупать какую-то лазейку, в которой возможно было затаиться на время.

А потом словно бы ему даже (нечто подобное) и удавалось. Пока он не понимал, что ошибался. И начинал все сначала. И в итоге запутывал вокруг себя некий кокон. Который больше походил на паутину (по тем ходам, которые собирался нащупать он). И на самом деле, ему может быть все и удалось. Если бы он... не умер. Неожиданно и скоротечно. Без установления последующего диагноза.

Да и вообще, смерть его была по настоящему загадочной. И, быть может, не была таковой. Потому что - уже после - переродился Ромашин. И вместо Феликса Петровича Ромашина - появился Аскольд Коробков. Человек удивительной судьбы. Убийца (собственной души) и фальшивомонетчик (который изготовил высококлассный станок и печатал деньги). Доллары. Через сеть распространителей - сдававших (их) в треть цены. И все равно сумевший скопить сотню тысяч настоящих денег. Во все той же зеленой валюте...

И это был уже по настоящему другой человек. И наверное совсем другая история.

Часть 2

Глава 1

Значит, ситуация обстояла в следующем. Аскольд Коробков (измененное имя Ромашина) стал фальшивомонетчиком. Вернее, стал им ровно для того, чтобы скопить ровно сто тысяч долларов. А потом ушел в подполье. Настолько глубокое, что снова изменил и имя и внешность. И даже переехал в другую страну. В Чехию. Решив затеряться там. Но потом, словно бы одумался, и поселился на границе с Белоруссией. Но с другой, западной стороны. А прошло еще какое-то время (может даже и год),-- и Гансу Йохте (так его теперь звали. И по паспорту ему уже было сорок восемь лет; а на самом деле, видимо, не больше сорока) стало казаться, что он... фин. Который воевал еще в армии Монергейма. И лично взял в плен трех русских разведчиков. Которых потом отпустил. Потому что сам стал разведчиком. Он даже несколько раз приходил в русское посольство. Сдаваться. Но на третий раз его откровенно послали на хуй. Да еще пригрозили, что если придет еще - расстрелять без суда и следствия. И это настолько отрезвило мозги Йохте, что он вновь переделал свой паспорт. И теперь стал тридцати семи летним украинцем Виталием Гринько. Предпринимателем.

И Виталий Витальевич Гринько - переехал в Россию. В Москву. И уже решил окончательно затеряться там. И это почти у него получилось. Да и наверняка бы получилась. Если бы он... если бы он вдруг не стал вести (самую что ни на есть разгульную) сексуальную жизнь. 'Западая' на каких-то невероятно стервозных

девиц. Которые, прежде чем отдаться вам, - вымотают вашу душу настолько, что уже как вроде бы ничего и не хочется. А они наоборот, только дошли до кондиции сексуального возбуждения. И пусть в постели они из себя ничего не представляли точно также, как и в жизни (за восемнадцать-двадцать лет жизни еще мало что в этой жизни успев),-- но вы вдруг начинали испытывать какое-то сексуальное остервенение. И набрасывались на них, с намерением не только разорвать изнутри, но и уже словно бы 'отомстить'. За что-нибудь.

Вы, наверное, были сердиты за что-то на них. И Виталий Гринько сердит был настолько, что в течение часа барахтался на (казавшемся безучастным) теле девицы (словно кукла принимающая те позы, которые вы ей велите), но в итоге почти никогда все равно не кончая. Уже почти был не способен. И лишь только буквально вставляя свой член ей в рот, закрывал свои глаза, и, представляя что-то, только ему известное, быстро-быстро двигал рукой, вызывая долгожданное семяизвержение. Вызванное уже, конечно же, больше тем, что ему привиделось (самые что ни на есть непотребства проплывали сейчас в его воображении). Хотя...

Хотя девица 'корчила рожи', словно входя в образ, нужный мужчине. И это тоже в какой-то мере помогало ему выпрыснуть в нее накопившееся содержимое. Тайно желая ей - подавиться.

Но девицы обычно попадались слишком искусственными, чтобы допустить чего-то подобного. И, несмотря на юный возраст, через них уже прошло несколько десятков, а то и сотен таких же, как Гринько. И во много раз больше еще пройдет после Гринько. Потому что самого Виталия Гринько они рассматривают лишь как

очередного 'ебаря'. Совсем не удосуживаясь даже запомнить его. Да и зачем? Ведь он один из многих. Для них. И такими же они являются для него. И это, в принципе, нормально.

Глава 2

Виталий Гринько надеялся, что наступит тот час, когда он уже не будет никого бояться.

Страхи начались у него совсем недавно. Что-то похожее, конечно, было и раньше. Но вот раньше, быть может, это еще не было столь выражено. Сейчас же приносило настоящее беспокойство. И, по сути, не проходило дня, чтобы кошмары не возникали с новой силой. Как будто вынуждая Гринько (фамилия, заметим, ему не очень нравилась) превращаться в совсем черт знает кого. Словно бы вынуждая ощущать каким-то недочеловеком. Ублюдком, быть может даже. Который совершал поступки...

Гринько казалось, что он совершает какие-то поступки, за которые, в скором времени, ему придется расплатиться.

На самом деле, конечно же, ничего (даже похожего!) не было. И ему действительно это все казалось.

Но еще мучительнее было то, что Гринько совсем не мог отделить правду от вымысла. Вернее, -- ему казалось, что это вымысел. Но проходило время. И он убеждал себя (практически убеждал!), что это - самая настоящая правда. Ужасная, по сути. От которой совсем не было никакого избавления. Не было избавления от навязчивости всей той гадости, которая беспричинно лезла ему в голову. В его голову. Голову, которую он давно уже готов был отрезать. Вырезав мозг. И поджарив его на огне. Или... Или,

---

например, мозг можно было запечь на углях. И съесть. Вернее, -- есть до тех пор, пока не выворотит обратно. А уже потом застрелиться. Ибо жить с подобным наказанием он бы не смог все равно. Переживая (за все - ложное! - происходящее) еще больше, чем, конечно же, в его ситуации было возможно.

Но ему почему-то уже не виделось какого-то иного выхода. Словно бы это, в действительности, должно было произойти именно так. Словно бы... Словно бы не было ничего, что могло бы предотвратить назревающую трагедию. Трагедию, от совершения которой совсем не было способов предотвращения ее.

И в какой-то момент он в действительности поверил, что это все произойдет именно так. Что... Гринько запутался окончательно. Он совсем не знал, кем он был по настоящему. Ведь когда-то ему пришлось выдумать себе двоюродных братьев. Не только выдумать их образ, но и заставить поверить в них окружающих.

Потом он (словно бы сознательно) убрал их. Ему уже не хотелось играть. И он сделал так, что и сам забыл их. Исчезли Магистров и Кондратьев. Исчез сам Ромашин. Появлялись и исчезали другие. Он стал Гринько. Виталием Гринько, которым пока и продолжал быть. Но теперь ему расхотелось быть им. Когда-то услышанное им слово деперсонализация - теперь совсем не было чем-то пугающим и неизведанным. Это происходило с ним. Это заставляло его словно бы заново переживать состояния, испытываемые придумываемыми им людьми. Людьми, которых в действительности никогда не было. Людьми, которых он ненавидел настолько же, насколько ненавидел и себя. Людьми, частью которых был он сам.

Людьми... Людьми... Людьми...

.....

Иногда ему казалось, что это были и не люди. Призраки. Это были какие-то призраки. Которые периодически заслоняли его сознание. Которые хотели, чтобы он был таким же, как и они. И которые (часть за частью) забирали у него - частичку его же. Не давая ничего взамен. И только лишь еще больше убивая его. Разрушая его разум. Превращая его - в ничтожество. Ненавидимое самим собой.

И уже казалось ему, что совсем не было прощения. Казалось, что наступит такое время, когда все оборвется как-то разом. В один момент.

И быть может, совсем уже не придется мучиться. Ловить какие-то искорки счастья. Удачи. Замечать проблески того, что когда-то озаряло его путь. Его совсем не нужный путь. Путь, которого на самом деле никогда и не было. И от осознания этого - ему становилось еще хуже. Еще тяжелее. Еще мучительнее.

Ну и еще, конечно же, от того, что он совсем не знал - будет ли от этого когда-нибудь избавление.

И уже казалось ему - что не будет.

А значит... А значит тогда - он проиграл.

И все. Его уже, может, и нет совсем. Не будет. Да и не было никогда.

И он понимал, что вновь запутался. И уже - окончательно.

--Судьба такая, быть может,-- рассуждал он.

--Судьба...-- отвечал сам себе.

И обхватив голову руками - плакал.

Рыдал как мальчишка. Юнец. Сопляк. Каким в душе оставался, несмотря на то, что возраст его уже зашкаливал за сорок. И что за жизнь было увидено им на две, три, четыре... жизни. Обычных -- жизни. Обычных жизней обычного человека. Жизни, которой у него никогда не было...

Но и говорить так, по настоящему, наверное, было неправильно. Не до конца правильно. Ибо в какой-то поверхности своего сознания Гринько понимал, что живет-то он как раз сейчас. А может жить еще и иначе. И тоже - живет так. А потом - еще и еще. Его сознание, словно бы приподнимало какие-то неизвестные раннее пласты. Давая возможность пожить уж совсем неизведанной жизнью. Которой, быть может, никогда у него и не было. И которая наверняка 'есть'. Уже хотя бы потому, что...

.....

.....

Гринько вновь поменял фамилию.

Теперь он стал... Говоровым.

Арсением Семеновичем Говоровым.

Причем удивительно было то, что говорить-то в последнее время 'Говоров' и не любил. Ну,-- не очень любил. Словно бы собирался (все время собирался); даже, быть может, был вынужден. Но... Не с особой, как говориться, охотой. Говорил.

Притом, что иногда, - он 'заливался' как соловей.

И это даже выходило настолько забавно (казалось - забавным), что Говоров по своему внутреннему укладу остался таким же, каким и был раньше. Нелюдимым и застенчивым. Но вот словно бы те два (а то и три) человека, которые жили в нем всегда (чуть ли не с момента самого что ни на есть рождения), -

---

теперь получили совсем уж равнозначные права. И ни один из тех, кто раньше, как будто бы, был таким же, как и 'другие' (казался таким - альтер-эго Ромашина),-- теперь, когда Ромашин стал Говоровым - получил как бы совсем уж равнозначные (и действительно равнозначные) - возможности.

И ничто уже словно бы и не говорило, что нужно таиться, прятаться (думая, что именно таким он и должен быть); или наоборот - выпячиваться изнутри, являя пример радушия и доброжелательности.

Совсем даже нет. Говоров словно бы стал одним человеком. И все, что доселе 'скрывалось' у него внутри - теперь получило выход.

Почти невозможно было сказать, как это воспринимал сам Говоров. Ведь теперь словно бы он мог торжествовать победу. Образовалась некая целостность. Единение. Того, что было у него внутри - с тем, что раньше если и было снаружи (или лучше сказать: внешне), то, как бы, заметно было только при взгляде самого внимательного наблюдателя.

А, по сути, какое-то время оставалось все таким же - незаметным. На первый взгляд, разумеется.

Глава 3

Внутреннее состояние души Говорова на самом деле не изменилось.

Это только на первый взгляд показалось, что он стал другим. Но насколько человек может показаться другим, если, по сути, он и не изменился. И даже если он все время жаждет этих

самых изменений, то он уже скоро может внушить, что изменяется. Что изменился. Тогда как на самом деле...

Вот, например, Арсений Семенович стал более внимательнее относиться к женщинам. Их он уже не боялся, как это было раньше. И те скрытые сексуальные фантазии, которые когда-то претворял (реализовывал) только во сне - теперь стали происходить на яву. И не с проститутками (ну или с блядьми, как это было доселе),-- а самими что ни на есть обычными женщинами.

Пусть необычность этих женщин заключалась лишь в том, что они были более сексуально раскованные. И готовы были откликнуться на любые эксперименты, которые им предлагал Говоров.

И уже даже это не то, что было какими-то экспериментами. Это, можно было сказать, была обычная жизнь. Просто впервые (что уж точно - впервые) за все время - Говоров не испытывал ни смущения, ни... отвращения. Да и женщины уже не были теми 'малолетками', с которыми он экспериментировал вначале. И уж если он трахал их, то трахал, как говорится, 'по полной программе'. Без всяких там условностей да ограничений. Используя все возможности, которыми наделила его природа. И его огромный член (раньше он как-то не замечал его размеров) врывался в изошедшую в томлении плоть женщины (чаще всего это теперь были зрелые женщины, которые если хотели секса, то хотели его на самом деле). Разрывая ее изнутри и накачивая с такой силой (а даже можно сказать - жестокостью), что женщина в этот момент и не думала о чем-то еще, кроме как о том, чтобы ее ебали. И это бы продолжалось вечно. Потому что всегда кажется,

---

что наслаждение может закончиться. А этого не очень бы хотелось. Совсем бы не хотелось. Вообще, этого бы никогда не хотелось.

Да и могло ли это когда-нибудь прекратиться? Сил у Говорова оказалось столько, что у той или иной женщины уже заканчивалось желание. А Говоров все не выходил из нее. А если и 'выходил', то лишь затем, чтобы перевернуть ее на другой бок (ну или в другую, какую, позицию), и 'обрабатывать' по новой.

.....
.....

Кто-то из недоброжелателей говорил, что Говоров свихнулся на сексе. Но мне все-таки кажется, что это было не так. Он просто получал свое. И намеревался это делать столько, сколько у него, собственно, получится.

Ну а так как получалось, то почему он, собственно, должен был останавливаться?

Да совсем не должен был.

Незачем.

Он и не останавливался. Трахая, ту или иную, попавшую к нему, женщину - часами. Бывало по пять, шесть часов. И при этом с каждой минутой чувствовал, что сила в нем только прибывает. И что он готов был бы изнасиловать вечность. Если бы эта 'вечность' когда-нибудь бы материализовалась. Превратившись в женщину. Любимую им женщину. Хотя и нелюбимых женщин для Говорова не существовало. Их просто не было. Не могло быть. И для него если была женщина - то это означало, что с ней можно было вступить в орально-анально-генитальный контакт. Что он и делал. Да и женщины-то, все больше ему попадались такие, которым

нравился секс. И которые с легкостью допускали любую
вольность и фантазию со стороны мужчины. Особенно, если этим
мужчиной был Арсений Семенович Говоров. Извращенец, по
сути...

Глава 4

Проходило время. Говоров уже свыкся со своим новым
статусом. Теперь ему совсем было не нужно под кого-то
подстраиваться. Он словно бы стал ощущать себя 'самим собой'.
Может даже таким, каким он всегда и мечтал быть. Без всяких там
условностей; и, конечно же, впервые - без 'игры'. Да и 'играть' он
был совсем не намерен. Отыграл. Настолько, насколько это стало
возможно, Говоров начал заново (и уже, получается, как бы 'по
новой') открывать жизнь. Жизнь, которой раньше он как будто и
боялся.

--А ведь он и на самом деле раньше боялся жить,-- подумал
Говоров.-- Боялся наслаждаться этой самой жизнью. Боялся
невольнo совершить поступок, расценить который могли совсем
не так, как это было бы возможно (уже в понимании самого
Семена Арсениевича Говорова). И, по сути, удручало его в
большей мере именно это. Он как бы и не жил, а все время
пятился в темноте. Выбирал путь, который уже изначально был не
его. Был, можно сказать, ложным. Неправильным. Ошибочным. И,
идя по нему... Вернее, не так. Говоров шел по этому пути, уже
изначально зная, что идет неправильно. И никуда это дорога его не
выведет. А быть может и вообще - приведет туда, где... ничего нет.
Где тупик. И придется возвращаться.

А потом неожиданно для него открывался новый путь.

Говоров шел по нему.

И вновь - никуда тот его не выводил.

Не выводил туда, куда он бы бессознательно хотел. И снова и снова говороров чувствовал, что ошибается. Что впереди его ждут - пустота. А позади... А уже и не было возможности вернуться обратно. Повернуть назад. Не было этой возможности.

И он как бы перебарывая сам себя - продолжал брести вперед. Уже, получается, безучастно. Навскидку выдумывая самому себе нечто, от чего как будто и воодушевлялся. Но было это настолько нелепо и неправильно, что...

Нет. Конечно же, это было неправильно. Говоров понимал это и сам. Но вот что-то кардинально изменить - у него получилось только сейчас. И он - в глубине собственной души - был этому рад. Рад настолько, что ничего больше менять не хотел. Собираясь, как вроде бы, довольствоваться тем, что у него было. Словно бы боясь признаться, что - что-то изменить - у него уже и не получится.

Да, быть может, это и не нужно было ему. Не так - необходимо.

Хотя бы потому, что он в какой-то мере 'нашел себя'. И даже -- был счастлив.

(Насколько, конечно, могут быть счастливы люди в его положении).

Но тогда уже, единственно верно было одно - пока он решил ничего не менять. Пусть и... ему этого хотелось...

07 мая 2006 год.

повесть

Плата за прошлое

"Неповинной главе всех и дел-то, что ждать топора".

И. Бродский.

Многое могло произойти странного. Многое уже сейчас было настолько странным, что Вячеслав Мищериков особо и не надеялся, что когда-нибудь к нему придет разрешение намечаемого конфликта. Конфликта между прошлым и настоящим. В будущее Мищериков пока не загадывал. Разобраться бы с настоящим.

.....

Когда Вячеславу исполнилось двадцать лет, он решил, что весь мир у него под ногами.

Однако так вышло, что, задумавшись о том, что и как ему сделать лучше, Вячеслав так ничего и не сделал. Оставив институт, недоучившийся студент решил, было, работать, да оказалось, что он не знает, где ему работать. Профессию историка он не получил. Работать по рабочим специальностям не мог и не хотел (их, правда, и не было, но на любом заводе могли обучить чему угодно). И над ожидаемыми Вячеслава перспективами сгустились тучи.

Вячеслав стал тунеядцем. Пока были живы родители, кормившие его, он попросту жил, проводя время или за чтением книг, или шатаясь с друзьями, точнее - с тут же записавшимися к нему в друзья представителями бывшей местной шпаны, отличие которых между бывшими и настоящими заключалось лишь в возрасте: всем им было от двадцати до двадцати пяти лет. Причем

тем, которым было по двадцать - оказались совсем ему не конкурентами. По интеллекту, например. И даже не знание основ практической жизни домашний мальчик быстро компенсировал развитой наблюдательностью и умением ориентироваться в психологии людей. Пока - только непосредственно окружающих его людей. Но по всему уже было заметно, что при случае, Вячеслав сможет найти общий язык со многими. Уже со многими. Тогда как раньше...

Раньше Вячеслав рос тихим и забытым. Жизненный принцип, которым он руководствовался - не высовываться. И не то, что так для него было спокойнее. Скорее всего, так это или не так - подобного Вячеслав еще не осознавал. Он просто когда-то посчитал, что для него будет наиболее приемлемым всегда оставаться в тени. И попробовав пару раз - втянулся.

С тех пор подобный мотив поведения вошел в его плоть и кровь. И несмотря на взросление - в его психике ничего не менялось, а желание не высовываться, оставаясь в тени, переросло в характер.

Проходило время. В жизни Вячеслава ничто, вроде как, не менялось. Разве что он как-то приелся новыми друзьями. А еще вернее - все, что необходимо было вынести для себя - Вячеслав нашел и запомнил.

Он понял, например, что может с легкостью адаптироваться в любом коллективе. До этого он находился в одной социальной среде. Сейчас стал пребывать в другой. Сути это не меняло. На первом месте стояло знание психологии. Психологии общения и восприятия внешнего мира, психологии адаптации в социуме. И Вячеслав, никогда специально не учась по

предмету, вдруг понял, что он все это каким-то образом знает. Точнее - он чувствует, как это должно быть. А если случается совершать небольшие ошибки (лучше это назвать промахами; промах -- как некое усредненное производное от ошибки, то есть если и ошибки, то без серьезных последствий), то в следующий раз подобного Вячеслав уже не совершал. Он самым удивительным образом находил первопричину. Устранял ее, проанализировав какое-то время так и этак. После чего жаждал наступления схожей ситуации - чтобы теперь уже, с учетом имеющегося у него опыта, прореагировать иначе.

И ему удавалось. Самое любопытное могло заключаться не только в том, что ему действительно все удавалось, но и в том, что судьба начала оберегать его. Отводить в сторону намечаемый удар. А то и словно интуитивно предчувствуя, Вячеслав не оказывался в тех ситуациях, которые могли бы носить критический характер. Причем, он, было, попытался как-то сознательно разобраться с тем, что и как. Да понял, что ничего у него не получится. И до поры до времени оставил все попытки найти истину в подобном вопросе. Причем сама истина могла заключаться в простейшем: во Вячеславе Мищериков многое было заложено от природы. Будучи поставленный в некие условия обитания, отличные от приемлемых доселе, Вячеславу потребовалось дополнительно мобилизовать заложенный в нем потенциал; тем самым ему действительно удалось, чуть ли не максимально раскрыться. И то, к чему, быть может, он шел бы на протяжении очень длительного времени - достигнуть почти сразу (ну или верней - за совсем непродолжительный срок).

Однако случилось то, что Вячеслав не предусматривал. По крайней мере пока (подобное могло ожидать его в некоей перспективе, причем та была столь призрачна, что он даже предполагал, что ее не допустит). Вячеслав оказался за решеткой. Причем это не было ни тюрьмой, ни зоной, и видимо вообще не относилось к пенитенциарной системе. Также как не относилось к системе армии и флота, да и вообще - многое пока было непонятно.

"Но ведь и не частные же лица выкрали нас, и поместили в клетку",--размышлял Вячеслав (находящиеся вместе с ним пятеро друзей, прошедших когда-то зону, а иные и не по одной ходке, просто пока молчали, присматриваясь). Причем необходимо было найти мотив. А после может что-то и выстроится. Уже исходя из полученных данных. Вот только у кого их получить?

Вячеслав медленно пошел по периметру. Помещение было под открытым небом, и представляло собой обложенный кирпичом с четырех сторон некий резервуар прямоугольной формы. Высота стен была примерно четыре-пять метров. Сверху не было ни решетки, ни проволоки, но, приглядевшись лучше, Вячеслав заметил какие-то почти бесцветные нити, пронизывающие пространство над ними. Друзья, которым Вячеслав показал находку, предположили, что эти нити сделаны из какого-то особого материала, и по ним проходит ток. В любом случае, прежде чем, не узнав причину их задержания, скрываться бегством было преждевременно (еще и на самом деле были не озвучены истинные намерения похитителей; а про побег лишь кто-то заикнулся, но тут же замолчал, чего-то опасаясь).

Можно было конечно предположить, что у похитителей вообще не было никакой цели. Или, например, их заточили, руководствуясь какими-то правилами и нормами общества, в котором жил Вячеслав Мищериков с товарищами. Но возникал справедливый вопрос, почему никого помимо них в том месте, где они теперь пребывали, не было. Особенно если учитывать антисоциальный образ жизни, который вели Мищериков и его друзья. Ведь если предположить, что таким образом их направили на исправление, тогда необходимо было соблюдение еще различного рода обстоятельств. Которых пока попросту не было, как заключил Вячеслав Андреевич.

Несмотря на юные годы, Мищериков выглядел значительно старше своих лет. Ему могли дать и двадцать пять и даже двадцать семь - двадцать восемь, а то и тридцать лет. Особенно учитывая ту долю ответственности, с которой он подходил к разрешению различных задач. И теперь, оказавшись за решеткой, Вячеслав собрал совет из друзей, и они стали гадать, что да как.

Выдвигались различные предположения. Суть любых предложений, впрочем, сводилась к различного рода догадкам. Все это были только предположения. Ни одно из предположений не имело под собой реальной основы. Можно было даже заключить, что с ними приключилось нечто мистическое. И как при любой мистике - подобное невозможно было понять правилами, находящимися в спектре реальности. Требовалось нечто такое, что выходило бы за рамки привычного восприятия бытия. Но... сколько друзья не пытались, до чего-то конкретного додуматься не смогли.

.....

Вскоре их ряды стали пополняться. Сначала привезли некоего немного загадочного по восприятию внешнего мира человека средних лет и обычного телосложения, который вскоре выдвинул предположение, что таким образом ему мстят конкуренты. По словам этого человека у него был небольшой бизнес, который таким образом сейчас могут отнять. Кто? Он не сказал. Должно быть, и сам не знал. И у Вячеслава возникло предположение, что человек врет.

Друзья Мищерикова развили тему, предположив, что этого человека вообще специально к ним заслали, чтобы он передавал своим хозяевам то, о чем они тут говорят. Поэтому при нем говорить перестали, допуская как-то уж совсем отвлеченные темы, типа погоды да мысли о том, что было бы неплохо побыстрее освободиться.

Следующим к ним поместили юношу со светлым взором и по виду нетрадиционной ориентации. От него стали вообще держаться подальше, несмотря на предложение того помочь "разгрузиться".

Друзья, прошедшие лагеря, все равно скептически отнеслись к подобному предложению, несмотря на то, что Вячеслав помнил их рассказы о том, что в тюрьмах и зонах распространено пользоваться пассивными гомосексуалистами, которых называли там "петухами".

Но сейчас Владислав держал ситуацию под контролем. Еще на воле он был невольным лидером компании. Сейчас это лидерство за ним закрепилось, и как-то вышло так, что ни у кого и

мысли не возникало ему возражать. А Вячеслав почувствовал, что всеми своими действиями он и его друзья должны были сбить похитителей с толку. Он предполагал (вполне может быть и оправданно), что у тех, кто их заточил, должны существовать определенные стереотипы, согласно которым...

В общем, он взял ситуацию под контроль, и предложил собравшимся делать исключительно то, что не должно было укладываться в эти стереотипы.

"И особо не дергаться",--улыбнулся он, объяснив, что кого-то из них все равно со временем первым вызовут на допрос. А значит и появится информация, объясняющая причину их задержания.

.....

Проходило время. Заключенных исправно кормили (причем даже более-менее сносно; и хоть друзья Вячеслава традиционно называли еду баландой, на баланду она явно была непохожа. Скорей это была больничная еда. Причем по нормам, принятым в советском обществе, которое только недавно на тот момент прекратило свое существование).

Кроме того, все время молодые люди проводили на воздухе, что весьма благотворно сказывалось на здоровье. Да и вообще, хоть никто из задержавших их за все время так и не появился (а когда их задерживали, лиц нападавших тоже не было видно,-- те были закрыты черными масками), тем не менее угадывалась какая-то даже забота со стороны хозяев.

При этом до сих не выдвигалось каких-то требований. Но исправно кормили, да и вообще заботились. Но кто? Кто те,

---

которые приняли решение об их задержании? Эти вопросы все чаще задавал себе Вячеслав Мищериков, и они не давали ему покоя.

И хотя он заставлял себя об этом не думать, тем не менее, все происходившее было более чем странным. Более чем.

.....

Наконец-то похитители вышли на связь. И вышло так, что люди, пришедшие к ним (а разговор происходил за одним из столов во дворике, где содержались заключенные), обосновали необходимость нахождения Мищерикова и его друзей необходимостью избавить общество от асоциальных элементов, которыми, по их мнению, были Мищериков со товарищами.

--Хороший раскладец!-- запротестовал было один из друзей Вячеслава, но тут же подлетевшая охрана стала бить того резиновыми дубинками.

--Что происходит?--хотел было вмешаться Мищериков, но ему досталось тоже. Также как и всем остальным. Видимо для порядка.

Бить прекратили также внезапно, как и начали. Все это время начальство (те сразу сказали, что являются начальством) молча взидало на происходящее. Лишь однажды кто-то из них решил, видимо, дать свой комментарий, да поворот головы в его сторону главного среди пришедших - остановил его желание. И он промолчал, кивнув головой в знак того, что все понял, и больше не будет.

Что нельзя было сказать о Мищерикове. Который, вытерев кровь разбитого носа, потребовал более подробных объяснений выдвигаемым требованиям. И условий освобождения.

--Вы не поняли,--как на малого ребенка посмотрел на Мищерикова главный.--Когда Вас отсюда выпустить - решать исключительно нам. При этом мы не будем выдвигать вам каких-либо требований. Этого не требуется. Вы должны сами осознать собственные ошибки. А мы, когда убедимся, что вы действительно все осознали - вас отпустим. Причем нам совсем не надо, чтобы вы подстраивались под нас, начав имитировать исцеление, а после с новой силой принялись за старое,--предупредил главный.-- Поэтому будете сидеть столько, сколько нужно.

--Кто вы?--спросил Вячеслав, когда те уже уходили.

--Мы?--обернулся к нему начальник.--Сейчас мы те, кто хочет помочь обществу. Наша страна в опасности благодаря таким как вы, и вы, и вы, и вы...--начальник показывал пальцем на каждого заключенного.

--Последний вопрос,--попросил Вячеслав.--Вы относитесь к государственным или частным структурам?

--Государственным,--улыбнулся начальник.--

Исключительно государственным. Представители частных структур среди вас (он кивнул в сторону стоявшего поодаль мужчины, который недавно поступил, и который по его словам на воле занимался бизнесом). А в скором времени их прибавится еще больше. Так же как и лиц, подобных вам,--посмотрел он на Мищерикова. Лиц, ведущих антисоциальный образ жизни. И которые, на наш взгляд, должны заточаться в крепости, тюрьмы и подвалы-казематы, до тех пор, пока будет решаться их судьба...-- он задержал взгляд на Мищерикове, словно пытаясь оценить, понял ли он то, о чем ему только что сказали.--А теперь все. Я и так вам сказал больше, чем требовалось. Резюме: вы должны

исправиться. В ином случае о свободе не думайте. Незачем вам находиться там,--произнес начальник и ушел в сопровождении своей свиты.

--Сволочи,--сказал Андрей, один из друзей Мищерикова. Андрей был или ровесник или чуть постарше Владислава. За его плечами уже было два срока (оба на малолетке). Судя по образу жизни, третий срок должен был наступить в ближайшее время. Так что нынешнее заточение вполне возможно уберегло его от наказания. Хотя сам Андрей так не считал. Будучи дважды судим, он мог обеспечить себе сносное существование что в тюрьме, что на зоне. Там был бы авторитет и знание законов уголовного мира. А что было здесь?..

.....

К вечеру поступило сразу десять заключенных. С этого времени число их постоянно увеличилось, и к концу недели набралось почти сто пятьдесят человек.

Люди были разные. Средний возраст колебался в районе тридцати лет. Было много молодежи, восемнадцати - двадцатилетних парней застигнутых в момент преступлений, или совершивших преступления раньше. Были те, кому было за сорок. Процентом восемьдесят имели судимость (многие не одну). А по внешнему виду все словно бы подобрались с более-менее одинаковым телосложением. Не было ни качков, ни спортсменов.

.....

Вячеслава удручала неопределенность положения. По всему выходило, что начальник (а за все время никто так и не узнал его имени; также как имен остальных хозяев) был настроен

решительно. И можно было предположить, что по всей стране создается сеть соответствующих лагерей, в которых содержатся люди, вину которых не доказывал суд. При том, что, -- как подозревал Мищериков, -- подобный суд в любом случае состоял бы из людей начальника или тех, кто поставил начальника. А потому говорить о поисках справедливости не приходилось.

Однако и сидеть просто так не хотелось.

--Тебе стало бы легче, если бы ты узнал свою вину?-- спросил пожилой мужчина, которого сразу заметил Вячеслав, и с которым периодически вел беседы о жизни (как он это называл).

--Конечно же легче,-- признался Вячеслав.--Разве человек не должен знать, в чем его обвиняют?

--Эка ты хватил,-- усмехнулся Потапыч.--Если бы все знали за что сидят, заключение не превращалось бы в каторгу.

Вячеслав Мищериков тогда ничего не ответил, и только очень внимательно посмотрел на мужчину, известного ему по имени Потапыч. Мищерикову было известно, что за спиной Потапыча три срока и почти двадцать лет общего стажа заключения. Но уже три года как прошло с момента последнего освобождения, и Потапыч по его словам завязал, занимаясь дачей, и проживая все время за городом. Его там и взяли. Когда он вернулся из магазина и уже было открыл калитку, из-за деревьев вышли трое в плащах, накинутых поверх черных костюмов, и, усадив Потапыча в машину (черную "Волгу"), привезли в барак, где с ним теперь и разговаривал Вячеслав. Уже пришла осень, похолодало, и основную часть времени заключенные проводили в бараке, лишь изредка выходя на прогулки. Причем определенного времени прогулки не было (что сбивало с толку большинство

бывших уголовников), и ее могло даже вообще не быть. А могли поднять всех ночью, и приказать выйти во дворик.

Периодически заключенных избивали. Охранники с овчарками загоняли всех в угол, после чего другие охранники начинали бить всех без разбору дубинками. После каждого такого избиения кого-то уводили (обычно одного-двух-трех, редко когда больше), и эти люди уже не возвращались. Можно было предположить, что их или отпускали (что мало вероятно,-- поделился мыслями Михаил, друг Вячеслава), или же уничтожали (подобную точку зрения выдвинул Александр, еще один из тех друзей, которые попали вместе с ним с самого начала).

Кстати, Мищериков сблизился еще с несколькими парнями, рассудив, что его команду необходимо несколько увеличить, чтобы контролировать остальных. Только таким способом он мог обезопасить себя и удержать власть, которая была у него (сказались внутренние данные Вячеслава, явное лидерство среди своей команды, а также то, что он и его друзья поступили в подобное заведение раньше остальных). Также сыграло свое значение и то, что среди остальных заключенных не нашлось никого, кто решил бы оспорить первенство Вячеслава. А еще он был справедлив и рассудителен. Не давая в обиду слабым (в подобных местах всегда есть те, кто стремится подавить другого), и подчиняя сильных. Сильных он подчинял выстраиваемыми против них ловушками, в которые рано или поздно те попадали. Причем только в самом начале Вячеславу пришлось использовать кулаки (он неплохо владел приемами рукопашного боя и бокса, отдав спорту в общей сложности десять лет, прежде чем начал пить-курить и вести антиаморальный образ

жизни). Кстати, попав в заключение он не только бросил пить и курить (сразу и бесповоротно), но еще и стал тренироваться, тренируя в том числе свою команду. Начальник даже пошел на некоторые уступки, разрешив рано утром (до официального подъема) час тренироваться во двореке. Еще два часа они тренировались вечером. Всего три часа ежедневных занятий.

Еще три часа уходило на чтение и изучение различной литературы (с позволения начальника и после просьбы Вячеслава желающим стали выдавать любые книги, которые специально для этого брали в городской библиотеке).

Раз в неделю приходил парикмахер, который брил и стриг осужденных. После полугода нахождения в стенах учреждения разрешили всем желающим посещать дьякона, которому выделили специальную комнату, постепенно расширившуюся до размеров небольшого зала, способного вместить до полусотни человек. Кормили три раза в день. Весьма сносно и по режиму. Тренировки, малоподвижный образ жизни и питание по режиму способствовали тому, что Вячеслав прибавил в весе. Вместо своих шестидесяти семи килограммов на воле, в заключении он стал весить сначала семьдесят, потом семьдесят пять, а к концу первого года - больше восьмидесяти. Причем исключительно мышц; хотя ни штанги, ни тренажеров не было; не было даже турника или брусьев, и приходилось работать исключительно с собственным весом, да к тому же создать Вячеславу собственную методику тренировок. Которая, судя по результатам, оказалась весьма успешной.

.....

Однако ему очень хотелось узнать, когда все закончится. По его мнению, пока заключение шло ему на пользу. Но ему не очень хотелось испытывать судьбу и дальше. Поэтому было бы наиболее оптимальным - его освобождение.

.....

Ситуация единовременного нахождения в замкнутом пространстве большого количества мужчин предполагает определенные трудности. В частности - рост агрессии со стороны ряда лиц. Большую часть агрессивно настроенных субъектов Вячеславу с командой удавалось успокаивать (кого разговорами, кого запугиванием, кого кулаками). Но с ростом времени нахождения под арестом (а все воспринимали это как арест), и вследствие неопределенности будущего (никто не знал продолжительность срока, предполагая, что он может длиться бесконечно) все чаще между сокамерниками стали возникать реальные столкновения.

Казалось, администрация не обращает на это никакого внимания. А Вячеслав Мищериков все чаще стал замечать, что в его душе навсегда поселилась некоторая особая форма тревожности, которая совсем не исчезала со временем. Ему приходилось постоянно держать себя в руках.

В большинстве случаев удавалось. Но иногда он срывался, вымещая злобу, а после раскаиваясь в этом.

Вячеславу было двадцать лет. В его жизни все могло быть по-другому. И осознание того, что ничего не меняется - накладывало определенный отпечаток на его психику. После чего Вячеслав становился иной раз неуправляемый. Или же - эта

управляемость стоила ему слишком дорого. Казалось, нервы были расшатаны навсегда. Он уже с трудом встречал новый день, понимая, что ничего нового тот не принесет.

Впрочем, в таком же состоянии находились и остальные.

.....

Постепенно Вячеславу начала вырисовываться картина происходящего. Прежде всего он понял, что его заточение не случайно. Ничего в жизни случайного не бывает. И мы расплачиваемся за какие-то свои грехи. Которые есть абсолютно у любого взрослого человека. И даже если мы кого невольно обидели - уже грех. Потому что тем самым принесли душевную боль другому человеку. А значит и будет оправданно, что должны когда-нибудь за это пострадать.

Мищериков подобное понимал, и был в общем-то согласен. Не согласен он был только с одним: что еще не искупил свою вину. Ведь уже прошел почти год, как он находился здесь. Неужели кому-то было действительно необходимо их заточение. Ведь, получалось, их просто держали в клетке и кормили. Даже работать было не надо. Учиться? Так что было с этой учебы, с этого самообразования, тем, кто держал их взаперти.

И получалось только одно: кто-то решил таким образом просто перевоспитать Вячеслава (и еже с ним). Не считаясь с расходами.

.....

Через год улучшили питание. Странно это было все. Странно и непонятно.

Но это было так. Было так...

.....

Случилось так, что вскоре стали отпускать сидельцев. В первый же день отпустили сразу пятьдесят человек. На другой день еще столько же. И на следующий. Причем - аж восемьдесят человек. Казалось, что-то случилось, отчего было решено в срочном порядке избавляться от постояльцев лагеря. Да и лагерь-то это был только разве что условно. По прежнему было неясно к ведению какого органа он принадлежит. К системе ГУИН? Нет. Разве что какое-то экспериментальное отделение. Но тогда оно должно быть пока сверхсекретным. Потому что, сколько Вячеслав и его команда (да и все остальные - приказ Мищериков отдал всем) не пролистывали газеты да журналы - ничего о подобном эксперименте не было. Что означало - это была инициатива кого-то, кто находился у власти, но до поры до времени решил не афишировать свою разработку. Но тогда...

Вячеслав пока только про себя предположил, что тогда администрация не должна быть заинтересованно в том, чтобы отпускать заключенных. Причем - в столь массовом порядке. Потому как любой из них мог начать говорить. И тогда пресса подхватила бы клич, разнесся по окрестностям страны.

И стало бы всем ясно, что использует его страна запрещенные методы. И исключительно тоталитарные. А о никакой демократии тогда говорить - после этого - было бы нельзя. Надо было вообще накладывать вето на любое упоминание о демократии. Потому что того, чему стал свидетелем Владислав, не могло быть ни в одной европейской стране. А он помнил, что пока жил в европейской стране. И...

Вячеслав ужаснулся своим предположениям. Выходило так, что свидетелей подобного власть не должна была оставлять. Что означало - всех кого отпустили - или перевезли в другой лагерь ("быть может с худшими условиями",--подумал он), или же - расстреляли.

От подобного предположения пошли мурашки по коже. Владислав срочно созвал совет (всех представителей команды, кандидатов в нее и сочувствующих), и решено было противостоять агрессору. То есть, когда охранники вновь войдут во дворик (сейчас была по особенному теплая погода и все находились во дворике) - напасть на них, обезоружить, связать, и под угрозой смерти - добиться чтобы всех отпустили.

"Иного выхода нет",--Вячеслав внимательно обвел взглядом собравшихся, думая про себя кто же из них предатель. Ведь кто-то обязательно должен быть предателем. Если уж Христа предал Иуда, его ближайший ученик, то среди команды Вячеслава наверняка должен находиться этот самый предатель. Но кто он?

.....

Среди тех, кого уже отпустили, не было ни одного человека из команды Вячеслава. Что подтверждало (пусть и косвенно) его мысль о том, что с ними решили разделаться разом. Быть может даже,--промелькнуло такое предположение,-- высунуть из зарешеченных окон пулеметы - и расстрелять всех разом. Из дворика было не скрыться. Четыре стены. Прямоугольник. Окна находились только по одну сторону. "Это все равно, что поставить к стенке, и начать стрелять",--подумал Вячеслав. И он дал команду нападать сразу, как только появится

кто-то из представителей администрации. Все равно терять уже было нечего. Почти двести человек (в последнее время дергали по одному, по два, по пять) уже были расстреляны (ну по крайней мере их не было; вполне может быть пока и не расстреляли, а согнали в какие-нибудь фильтрационные лагеря). Но суть-то одна. Уже становилось понятно, что на свободу их не выпустят. А Вячеслав с друзьями вообще находился в стенах заведения дольше всех. Значит получалось, что их уже действительно отпускать не собираются. Подтверждением чего была еще и смерть старика, Потапыча, за которым пришли, но он сказал, что никуда не пойдет пока ему не объяснят, куда его хотят отпустить, и тогда один из надзирателей достал пистолет и разрядил его в голову Потапыча. Попутно застрелив еще пару человек, находившихся поблизости, и как показалось надзирателю - захотевших броситься старику на помощь.

Вячеслав уже жалел, что тогда же не отдал команду нападать на охрану. Хотя и это было очень сложно. В двух-трех метрах от стрелявшего надзирателя стояла группа автоматчиков, и Мищериков не сомневался, что те - ради самосохранения - тут же открыли бы огонь на поражение, не считаясь, кто перед ними. Уничтожив, в том числе, и своего товарища, оказавшегося заложником.

Однако после этого случая наступило затишье. Больше никого не отпускали. Более того, кто-то из команды, проходя мимо окон, заметил, что там появились пулеметы. А потом и было объявлено о запрете приближаться к окнам ближе, чем на три метра.

.....

В последующий месяц ничего не происходило. Разве что свет теперь по ночам стал еще ярче (раньше он не выключался, но заметно прикручивали фитиль, так чтобы был полумрак), питание урезали до двух раз в день (причем на утро был только стакан чая и кусок хлеба, а на вечер - тарелка каши, без масла и на воде, тот же стакан чая и кусок хлеба; раз в неделю каждому выдавали головку чеснока или лука (витамины против цинги и прочей пакости). Тренировки запретили под угрозой расстрела. Душ раз в неделю и парикмахер остались. Однако все также поодаль стояли автоматчики, на лицах которых было написано, что они будут стрелять при первой попытке заключенных к неподчинению. Стрелять, в том числе и по своим, если тех вдруг захватят в заложники. Во имя идеи - применимы были любые средства. И начальник не мог допустить, чтобы из-за какого-то излишнего человеколюбия когда-нибудь расстреляли его. Потому что пришел приказ, что в случае если сбежит хоть один заключенный - расстреляют всю охрану. Причем, даже независимо их была смена или не их. У всех должна была в плоть и кровь войти необходимость контроля над заключенными. Их уже так и называли - заключенные. Хотя до сих пор ни одного суда не состоялось, и никому не предъявили, в чем его обвиняют.

И было интересно, что со временем действительно каждый нашел наиболее вероятный проступок, совершенный в жизни (причем всем сразу дали понять, что срок давности значения не имеет), за который ему было стыдно, или же было ясно, что должен понести наказание. Искупить вину.

--Вы даже можете забыть о нем,--сказал тогда начальник, имея в виду проступок.---Но у вас будет более чем достаточно времени, чтобы обо всем вспомнить. У каждого есть скелет в шкафу. И каждый из вас должен понести плату за прошлое. И иного не дано.

"Иного не дано",--повторил сейчас Мищериков, и в который уже раз более чем явно понял, что никому из них просто так отсюда будет не выбраться.

.....

Ситуация произошедшая с Вячеславом и его товарищами могла показаться на удивление и интересной. Если брать во внимание несколько отвлеченный подход к тому, что происходило, участником какого события он являлся. Ведь это только на первый взгляд могло показаться, что все плохо и даже как-то непонятно. Но с другой стороны, применив иной подход в оценке случившегося, можно было заметить, что по сути ничего такого уж страшного конкретно с Вячеславом Мищериковым не случилось. Ни его, ни кого из его компании администрация не трогала. Даже было как-то удивительно, но все репрессивные меры, если таковые и возникали, каким-то загадочным образом всегда обходили Вячеслава стороной. Он мог вообще предположить, что в отношении него было какое-то особое распоряжение, согласно которому его словно бы берегли для чего-то другого. Чего? Он не знал. Сопоставляя и анализируя все, чему являлся свидетелем и прямым участником, Мищериков действительно не мог понять, почему все получилось именно так? Почему рядом забирали людей, уводили их, кого-то даже

возвращали обратно (но те, кто возвращался, предпочитали обо всем молчать), а ни его, ни членов его банды (как метко окрестил некто Лимарев, бывший, как он признался, сексот и научный сотрудник, оставшийся среди тех, кого не забрали после чисток) не трогали. На удивление не трогали. Словно бы решили, что Мищериков и его команда все осознали. И если и хотели их выпустить - да не было такой возможности.

Странно это было все. Ни Вячеслав, ни его друзья (а к концу первого года команда Вячеслава Мищерикова уже насчитывала двенадцать человек) не знали, что предполагать дальше. Было не ясно как события станут развиваться. Возможно ли будет им когда-нибудь выбраться из логова, в котором оказались. Причем, предположил Светарев (Роман Светарев из команды Мищерикова), их ведь арестовали не сразу, а сначала предупредили, и уже после заманили в ловушку. А сначала пришло сообщение, что ожидаются аресты. Светарев, получивший эту информацию, не поверил. А потому и не сообщил товарищам, и прежде всего Мищерикову. А после, когда второе сообщение получил Ивар Токов (прибалт, правая рука Вячеслава) тот неправильно его истолковал, и все оставалось по-прежнему, пока все не попали в ловушку.

Все это время Светарев молчал. И только когда по прошествии второго года (а они уже находились два года) Вячеслав получил информацию о том, что на самом деле было предупреждение о возможности ареста. Да эта информация тогда до него не дошла.

Мищериков понял, кто все это время был предателем. Однако он явно горячился. Предательством глупо считать

единственно совершенную ошибку. А за все время нахождения рядом Светарев демонстрировал исключительную преданность и иные положительные качества.

Однако Вячеслав был непреклонен. Собрав совет (все члены команды) он вынес вопрос об изгнании Светарева -- на голосование. И даже, несмотря на то, что большинство проголосовало за то, чтобы Светарев остался, Мищериков своим авторитетом все же выгнал "предателя".

И как потом оказалось (а кто-то и был рад, при случае, поставить это ему в вину), не просчитал до конца ситуацию, потому что уход Светарева привел к новым последствиям. Вячеслав предлагал Светарева уничтожить. Друзья-товарищи посчитали что это слишком жестокая мера (видимо кто-то из них решил, что потом Светарева можно будет вернуть), и в итоге Светарев просто стал жить рядом с ними (из барака все равно не было выхода), но держаться отдельно.

После чего того оставили в покое. Чем в итоге и поплатились. Потому что Светарев внезапно исчез. Неожиданно. Еще вроде как недавно наблюдали его сгорбленный силуэт, и вот его уже нет. Исчез. Действительно исчез.

Кто-то, было, подумал, что Вячеслав нашел способ, как разделаться с Романом, и тот пропал с его подачи. Однако Мищериков сам был озадачен. А все знали, что он не из тех, которые стремятся к показушным эффектам. Поэтому уже вскоре все всерьез приняли факт исчезновения Светарева. Отсутствие которого косвенно подтверждало, что тот работал на администрацию (и при возникновении опасности администрация

его забрали к себе, оградив от возможной мести со стороны бывших приятелей).

Но все же подобное подтверждала весьма косвенно. В ходу была версия, высказанная Лимаревым, что Светареву удалось сбежать. И, несмотря на всю абсурдность подобной версии - ей неожиданно поверили.

Более того. Стали даже изучать возможные способы осуществления Светаревым побега. Однако тут каждый раз выходила оплошность. Ни одного приемлемого способа побега так никто и не предложил. Любые попытки осуществления подобного казались настолько абсурдными, что тут же могли пресечься администрацией - расстрелом (все чаще и по каждому пустяку администрация пускала в ход оружие; причем раненных не лечили, а добивали).

Однако никто не припомнил выстрелов в день исчезновения Светарева. Ни в тот предполагаемый день, ни за день раньше, ни за день позже. Выходило, что Светарев попросту бесследно исчез. Причем то, что все произошло с подачи администрации, уже никто не сомневался. Да и невозможно было представить иное. Никто сам не смог бы убежать с места, где все находились (хоть из двора, хоть из барака - везде была охрана с пулеметами, а также собаки, и проволока под током). Кроме того, была весьма развита система стукачества. И почти невозможно было сделать шаг, чтобы о нем сразу же не доложили администрации.

Причем некоторых стукачей знали, отлавливали, и били. Потом правда бить перестали. Решив, что лучше знать, кто стучит и обходить его стороной, чем делиться чем-то сокровенным с

сексотом, а после недоумевать, как о том стало известно администрации.

Мищериков еще правда подозревал, что администрация намеренно создает видимость, что ей все и про всех известно. Наверняка если бы это было так, то...

Впрочем, подумал Мищериков, на самом деле возможно все. И стал более осторожен. Дав такое же распоряжение членам команды. А про Светарева на время было решено забыть. Все равно не было фактов. А без них - любые предположения - только догадки. И не более.

.....

Проходило время. Считая чуть ли не каждые дни (вполне распространенная практика в местах лишения свободы) Мищериков вдруг поймал себя на мысли, что сидит уже четыре года. За все это время ничего концептуально важного не произошло. Люди вокруг него то сменялись, то вновь поступали. Команда, почти вся его команда (за исключением Светарева) была в сборе. Казалось, могли уничтожить всех, но не их. И Вячеслав стал подозревать, что по отношению к ним имеется какой-то проект, может даже негласный. По крайней мере, что уж действительно точно, ничего не менялось. Все оставалось на своих местах. И это приносило новые душевные тревоги и волнения. Ведь уже можно было предположить (кто-то из команды Вячеслава предположил), что срок их заключения еще не установлен. А потому они могли еще просидеть столько же, сколько уже отбыли. "А потом еще возможно, что придется попасть и на обычную зону",--предположил Игорь Токов

(высокий, двадцатичетырехлетний, обычного телосложения, блондин с голубыми глазами). В отличие от других знакомых Вячеслава, Токов раньше не сидел. А потому свой нынешний срок воспринимал несколько напряженнее, чем остальные товарищи Мищерикова, несмотря на юный возраст уже прошедшие тюрьмы и лагеря: Александр (среднего роста, худощав, с наглым взглядом и душой романтика), Михаил (маленького роста, смуглый, упитанный, сидел два срока), Андрей, рыжий, низкорослый (имел две судимости на малолетке). Сам же Вячеслав Мищериков, высокий, под метр девяносто, спортивного телосложения и практически абсолютно лысый (волосы выпали сами; наследственность), в равной мере относился ко всем членам своей команды, не разделяя тех на бывших уголовников, и не сидевших. Тем более что теперь оказывалось, что сидят все. Пусть и статус официальности (как и законности) их задержания до сих пор был под вопросом, тем не менее, четыре года они проводили в фактическом заключении. И когда оно должно было закончиться - не известно.

.....

--Но ведь и на самом деле парадокс,--взорвался Вячеслав, когда после обеда они собрались в курилке (было снова лето, столы стояли прямо во внутреннем дворе, где и принимали пищу, а для курения было отведено отдельное место, причем оно удивительным образом не просматривалось из окон, зато прослушивалось - но явно об этом никто не знал, только догадывались).--Без предъявления каких-либо требований и обвинений нас уже держат четыре года.

--Надо готовить побег,--задумчиво произнес Ивар Токов, затаиваясь сигаретой, и сквозь дым посмотрев на собравшихся.

Собравшихся было несколько человек. Прежде всего, сам Токов и Мищериков. Помимо них - Михаил, Александр, Андрей, и еще несколько человек, которым Мищериков доверял, но которые пока не стали членами команды, предпочитая быть сами по себе. В иных случаях подобное было конечно и оправданно (да и распространено). Вы как бы изначально полагаетесь только на себя. Никому не доверяете, чтобы потом не получить предательский нож в спину. Однако Мищериков считал, что сейчас наступили такие времена, когда необходимо было четко разделить мир на чужих и своих. Потому что уже и действительно получалось, что до сих пор не был известен срок освобождения. И даже трудно было предполагать - намечается ли оно. Или же их всю жизнь так и продержат в камерных условиях. А после выбросят за ненадобностью. Или через какое-то время уничтожат. Когда придет другая директива по поводу методов борьбы с такими как они.

--Надо встречаться с кем-то администрации,--предложил Александр-серый (у всех, помимо имен, были клички: Александр - Саша-серый, Михаил - Миша-мормон, Андрей - пугач, Лимарев, ставших с недавних пор тоже членом команды Вячеслава, получил прозвище Витя-рыбак, а Ивар Токов - лесной брат).

Александра поддержал Миша-мормон и Андрей-пугач. Категорически против оказался Лимарев (Витя-рыбак). Еще шесть человек - Кеша (кличка - прокуратор), Михей (прозвища не было), Олег (оредж), Николай (Коля-машина), Юрий (Бандерас) и

Максим (акробат) сказали, что во всем согласны с Мищериковым (кстати, Мищериков носил прозвище - дед).

--Подождите,--не понял Саша-серый.--Что вы тут зехера вымачиваете. Что за расклад такой непонятный. У вас нет своего мнения?--посмотрел он на ребят, высказавшихся за поддержку мнения Мищерикова.

--Серый?--внимательно посмотрел на него Коля-машина.--Очень тебя прошу - следи за базаром. Тут тебе не фраерское отребье, тут правильные пацаны. Следи за базаром, пожалуйста.

--Ладно, не кипишуй Николай,--посмотрел на спорящих Ивар Токов.--Все еще образуется.

--Я не понял,--с удивлением вскинул вверх свои длинные брови Кеша-прокуратор.--Если кто-то тут считает, что нам пора разбежаться, так нет проблем. Как говорится - вы налево мы направо.

--Оп-ля!--захохотал Юра-бандерас.--Начали за здравие, закончили за упокой.

--А ты тут не очень-то веселись,--предупредил его Ивар Токов.

--Да ладно, лесной брат, че ты паришься,--усмехнулся Михай.--Будет еще и на твое улице праздник.

--Вы не поняли, братва,--с удивлением посмотрел на них Мищериков.--Мы сейчас не обсуждаем, кто кого круче и как кому себя вести. Мы принимаем решение о побеге и восстании, восстании и побеге. И должны сделать все, чтобы это нам удалось. Но сначала я предлагаю встретиться с кем-то из администрации, чтобы попытаться получить хоть какую-то информация.

--Я против, встречи с администрацией--сказал Лимарев.--
Они специально уходят от переговоров, чтобы нас держать в
неведении и вечном ожидании, что в любой момент все
закончится.

--А на самом деле попросту тянут время,--поддержал его
Олег-оредж.

--И я с этим согласен,--высказался Максим-акробат.

--В общем, братва,--обвел взглядом каждого
присутствующего Мищериков, по прозвищу дед.--Я так понял вы
хотите действовать.

--А Че тянуть-то,--усмехнулся Юра-бандерас.

--Мочить надо гадов,--скрипнул зубами от злости
акробат.

--Мочить,--кивнул Коля-машина.--мочить врага на его
территории.

--Правильно, правильно,--раздались голоса вокруг.

--Ладно,--сухо сказал дед.--Дайте время решить что
будем делать.

И он отошел в сторону, закурив и задумался.

.....

Выкурив две сигареты подряд и начав третью,
Мищериков объявил свое решение. Необходимо было любыми
путями выманить на разговор администрацию. Захватить главных
лиц и уничтожить остальных. Захватить арсеналы с оружием.
Вооружить всех сидельцев (к этому времени общее число
заключенных вновь увеличилось до ста человек). И далее -
вырваться с передовым отрядом на волю. А крепость оставить

охранять всех оставшихся. "Заодно,--посмотрел на собравшихся Мищериков,--оттянем время. Враг подумает, что мы с захваченной в плен администрацией забаррикадировались в здании, и будет тянуть со штурмом, пытаясь вступить в переговоры. А мы отдаем распоряжении в переговоры не вступать, а по всем приближающимся открывать огонь. А сами забираем себе начальника, узнаем у него все и про всех, а после его уничтожаем, а остальных оставляем в заложниках в здании. До прихода основных сил".

--Но ведь основных сил не будет,--наивно предположил Олег-оредж.

Мищериков как-то отвлеченно на него посмотрел, но ничего не ответил. Вместо этого он ответил, пока все могут отдыхать.

"О начале операции всех поставлю в известность",--сухо произнес Мищериков, и отошел в сторону.

Ребята еще постояли кое-то время, поговорив ни о чем. Серьезный разговор уже не шел. У каждого появились мысли по поводу того, что произойдет уже в ближайшее время. Было ясно, что в противостоянии администрации выживут не все. Может даже вообще большая часть окажется убита. Но... Но быть может и выбора иного не было. "Лучше умереть в борьбе, чем сдохнуть под замком",--решило большинство. Ну а оставшиеся с этим согласились. Да и что им еще оставалось? Выбора у них действительно не было.

.....

Однако все было совсем еще не так плохо. И даже если разобраться - было вовсе неплохо. Ведь они были живы. Сумели

сохранить жизнь в условиях, где каждый день мог быть последний. Потому что до сих пор не было информации, кто и зачем их здесь держит.

Более того, оказалось, что за время их нахождения здесь сменилось начальство. Причем, как кто-то предположил, оно вполне могло смениться и в стране.

И вот таким образом брошенная кем-то мысль родила новые ожидания. И в предвкушении того, что скоро все закончится, Вячеслав с командой приняли совсем неожиданное решение - отсрочить начало восстания и побега. Каждый из них принялся себя вести так, словно было уже действительно известно, что скоро все закончится. "А если это действительно закончится,-- рассуждали они,--то есть все основания подождать. Ведь можно выйти из подобного пленения мучениками. А то еще и добиться после этого каких-нибудь благ".

Насчет благ было конечно неизвестно. Сам Мищериков рассчитывал просто оказаться на свободе. Да наверное и все остальные желали исключительно этого. Разве что прибалт Ивар Токов мечтал о какой-то компенсации. Но вскоре он обнаружил, что такой один. И уже если и продолжал мечтать, то вслух свои мечты не проговаривал. Да и вообще обнаружилось, что каждый изменился. Куда-то сама собой исчезла открытость. На место ей пришла сдержанность и недоверие даже друг к другу. И сколько Вячеслав не пытался сплотить свою команду, сплоченной она была только внешне. В душе каждый стал исключительно за себя. Ведь здесь шутить было нельзя. И при возникновении какой-либо безвыходной ситуации следовало полагаться на себя.

Быть может это и послужило тому, что в одни из дней Мищериков собрал срочное совещание, и поставил вопрос о снятии с себя полномочий. По его словам, он не мог поручиться за каждого, если каждый думал в первую очередь о себе. И когда наступит время решающей битвы (а Мищериков допускал, что когда-нибудь этот момент может наступить), нельзя будет полагаться только на свои силы; "но и,--заметил он, обведя взглядом присутствующих,--рассчитывать на плечо друга. А если таких друзей нет"--задал компрометирующий вопрос присутствующим Вячеслав, и убедился, что все предпочли отвести глаза, и никто не решился ему возразить. А ведь собирая совет, он ждал как раз возражения тому, что скажет. Возражения, и быть может даже протеста.

А вместо этого сейчас наблюдал исключительную пассивность собравшихся. Собравшихся, каждому из которых он вдруг перестал верить. Каждому. И это было печально.

.....

То что случилось после могло показаться как странным, так и служить неким подтверждением мыслей Вячеслава Мищерикова и его команды. Команды, которая не приняла отставку своего лидера, и обязалась (выступил каждый) пересмотреть свое собственное поведение в сторону улучшения и соответствия обозначенным Вячеславом требований.

А произошло то, что через установленные громкоговорители (причем оказалось, что никто не знал, что они всегда были) объявили, что срок содержания под стражей истек, и

необходимо срочно построиться в колонну по одному и покинуть заведение.

--Больше мы вас не держим,--сказал баритон, в котором все узнали голос первого начальника заведения (которого все думали что уволили, выгнали, убили и проч.)

--Мы вас больше не держим,--повторил начальник, и тут же распахнулись двери, и выходящие узники вдруг увидели, что никого и нет. А выход из двери ведет прямо на улицу. Причем на улице уже стояли автобусы, которые должны были развести всех по домам (так было написано на автобусах).

Но все дружно отказались. После стольких лет заключения хотелось просто пройтись по улице, пройтись по воле. Осознать, что ты вновь волен распоряжаться собой.

Поэтому все как-то дружно пошли сначала вместе, а потом стали расходиться в разные стороны.

И вскоре Вячеслав Мищериков заметил, что рядом с ним никого не было. И после стольких лет постоянного нахождения рядом с ним людей (все двадцать четыре часа в сутки), он испытал какое-то противоречивое чувство. Но не придавал вида, и продолжал идти, лишь, быть может, непроизвольно все увеличивая шаг, пока не побежал.

Он бежал, и впереди него открывалась вся жизнь. Что она ему принесет? Какие еще удары судьбы предстоит ему испытать...

Он не знал. Да и, наверное, сейчас не думал об этом. Свобода. Это было самое главное.

14 авг. 2007 год.

Повесть

Обреченность

"Разбежаться к окну и сквозь разбитые рамы и стекла, ослабев от напряжения всех сил, переступить через оконный парапет".

Кафка

Глава 1

Если честно, я даже не знал, когда это со мной началось. Думал что месяц, год... Оказалось, пять лет. Пять лет я находился в психиатрической клинике. Обречен был находиться. И все пять лет мои ночные кошмары неотступно следовали за мной. Не только не покидая меня, но следуя по пятам, и несмываемым пятном заполняя мое сознание. Давно уже затуманенное сознание. Затуманенное страхами и кошмарами. Кошмарами, от которых невозможно было избавиться. А сами они (как бы сами по себе) никуда не уходили. Словно бы и совсем не понимая, что должны куда-нибудь исчезнуть. Но ведь не исчезали, черт возьми! И мне приходилось их терпеть. Мучиться, от осознания их внутри себя. Словно бы взвалил я на себя непосильную ношу. Ношу, которую я даже не знал, когда мне удастся скинуть. И - куда? Потому что никого вокруг, кто бы согласился взвалить ее на себя (забрав у меня), не было. И, по сути, вообще не могло быть. Потому что большую часть времени жил я на даче. Вдали (совсем уже, получается, вдали) от городского шума. И от каких-либо людей.

Ибо даже дом у меня находился на краю села. Да и люди в селе были все больше мрачные и нелюдимые. Занятые исключительно или собой или своей семьей. И которые - большинство из них - даже негде не работали. Довольствуясь тем, что урождалось на участке. Да мычало, крякало, кудахтало да хрюкало... -- свое хозяйство было у всех. Кроме меня, разумеется. Но я как будто бы совсем все правильно рассчитал. Распределив специально отложенные деньги - на три года жизни в деревни. На даче,-- как я это называл. Восстановиться, набраться сил, подпитать - на природе - душевную энергетику. И, наконец, плюнуть на все, вздохнуть посвободней, быть может даже выругаться (кто знал, какие эмоции будут у меня через три года) - и уехать в город. Чтобы по прошествии какого-то времени вернуться обратно. Еще на несколько лет тихой и размеренной жизни. Потому как жизнь эта мне и действительно казалась тихой и размеренной. И словно бы ненавязчиво я пользовался всем тем, что на самом деле для меня и было самым главным. Всегда казалось этим.

И ничего я не мог поделать с подобным ощущением. И действительно какое-то время жил той жизнью, которая мне была ближе всего. Словно бы и ничего больше. Взамен. Ибо никакие обмены я большей частью не любил. Предпочитая довольствоваться тем, что у меня было. И то, к чему я все же, наверное, неким таинственным образом стремился. Уже как будто и подсознательно заставляя себя ни о чем больше не думать. Чтобы не расстраиваться, наверное.

Глава 2

Наверное (и, конечно же) для меня это все было не очень легко.

Даже нельзя было сказать, что это было легко.

И психика моя испытывала все новые и новые потрясения.

И мне - вновь и вновь - приходилось преодолевать какие-то нелепые препятствия.

Суть которых я не смог постигнуть. Несмотря на то, что проходили годы. За которые, наверное, можно было 'понять' все что угодно. Сделать для себя какие-то выводы. Что-то на самом деле осознать.

Тогда как непонимание этого (и я это чувствовал) достаточно пагубно сказывается на мне. Отзываясь в моей душе и вовсе какими-то неизвестными аккордами. И словно предупреждая - дальше какого шага - собственно шаг - делать было необязательно. Нельзя. Опасно. Быть может и вправду опасно...

...Но я как будто не страшился ничего. Ну, этих самых трудностей (черт бы уже он их побрал) получается.

И мне - несмотря на какое-то даже понимание этого -- становилось и вовсе неинтересно. За то, что должно быть. И что было уже наверняка. Но что я не замечал. Словно бы (вынужденно, уже получается?) обходя стороной. И словно ненавязчиво выбирая какой-нибудь компромисс. Который, по моему мнению, просто обязан был быть.

Не мог не быть.

А я его, значит, должен был найти.

Глава 3

Но на самом деле - мне искать и вовсе ничего не хотелось.

И я словно бы надеялся, что еще что-то произойдет, после чего какой-то ряд событий просто не возникнет.

Что-то ему помешает возникнуть.

Но вот знать бы мне - что?..

Глава 4

Конечно, что-либо узнать было попросту невозможно. Вполне понятно, что правда --достаточно крепко держала на приколе свои замки. Не позволяя проникать сквозь них кому бы то ни было. В том числе и мне, разумеется. Ну а чем я был хуже? Совсем ничем. А если еще учесть, что никто и не знает, чем по настоящему руководствуется его судьба, - то, и будет это не так-то уж страшно. А то и - словно бы так и должно быть. И никак иначе.

.....

Я лез, от мучившей боли, на стену.

Пытался делать что угодно, только бы остановить мозги, удержать их в рамках существующих норм. Не дать вылезти из меня чему-то страшному, губительному, сделав точно таким же меня.

И уже убегая от этого, я как будто и не замечал, что попадал в какие-то новые сети. Раскинутые уж и вовсе неизвестно кем. Сети, главный смысл которых заключался в неизвестности. В той неизвестности, которая окружала меня. Которая как будто и стремилась, чтобы я находился с ней где-нибудь рядом. При этом

словно бы мне всерьез и не доверяя. И не ожидая, что это на самом деле произойдет.

И самое настоящее отчаяние я испытывал всякий раз, когда стоило мне только подумать о том, что что-нибудь должно было происходить совсем даже не так, как то изначально, быть может, и предполагалось.

И ведь это почти притом, что - сколько не пытался - я так и не смог выяснить, что же должно было случиться? Случиться, так или иначе. Так - а не иначе. И где на самом деле была граница этого 'иначе'? Там ли, где ее устанавливал я сам для себя? Или же - где-нибудь в ином месте?

Но, конечно же, на самом деле я боялся всего этого.

Давно уже боялся.

Боялся начинающегося во мне безумия. Боялся того, как мысль начинала играть на каких-то своих - странных, загадочных, и совсем уже неизвестных -- инструментах.

А у меня уже не было сил не только угадывать их, но и словно бы уже вынужден был я скрываться от них. Ну или, конечно же, делая вид что скрываюсь. А на самом деле оставаться в обозначенных мною же ранее границах. Границах разума. Разума, которому, конечно, немного - совсем немного - нужно было потесниться. Дать возможность проникнуть, стать на его место чему-то новому. Тому, что, быть может, доселе там совсем и не находилось. И чего бы раньше, быть может, я совсем бы и не позволил, чтобы это там находилось. А вот теперь как будто смирившись - и с откровенной глупостью, и с тем, что придется потесниться. Впустив в себя совсем уж нечто странное и

неопределенное. И даже совсем я не знал, как это все могло называться.

Но уже известно, что было это от отчаяния. От того, что как будто и выбора-то у меня особого никакого не было. И нужно было даже не смириться - а просто считаться совсем уж черт знает с чем.

И хотелось мне невероятно громко хохотать и смеяться. И вообще - выказывать хоть какое-то неудовольствие вынужденностью подобного соседства.

Но чем больше я понимал, что выбора-то у меня как вроде бы и не остается, тем больше во мне начинала зарождаться надежда возникновения и совсем уж чего-то неосознанного, непонятого, необъяснимого. Того, что я хоть и не знал - что? -- но каким-то образом верил в него. И был уверен, что способно оно будет вывести меня наверх. Привести в то позабытое мной состояние, когда психика еще первозданна и чиста. А сознание не испытывает на себе грез совсем ненужного давления. Давления, которое можно сбросить, высвободившись от него. Но как?..

.....

И видимо положение мое действительно было столь шатко, что я хватывался за любую возможность хоть что-нибудь мне исправить.

И почти как мальчишка радовался, когда это мне удавалось.

Удавалось настолько, что я мог торжествовать победу.

И даже совсем не отчаиваться (зачастую - от одного только подозрения - в предположении этого), что что-нибудь может произойти совсем как-то иначе.

Нет. Я несколько не боялся, что это произойдет так.

И при этом, конечно же, я еще не мог считать себя до конца изменившимся. Скорей всего, совсем уж окончательно это никогда и не произойдет. И словно бы даже и не должно было найтись ничего, что могло бы хоть кого-нибудь подвигнуть понять нечто большее, что могло бы быть запланировано мной, например. Или тем, что смог бы кто-то (если все еще представлять это? хотя, конечно, так произойти было не должно) говорить обо мне - и вместо меня.

Нет! Я даже в это как-то и не поверил.

Я просто не мог позволить себе поверить в то, во что верить попросту не хотел.

И совсем неважно было устанавливать причину моего подобного пожелания.

Это и на самом деле совсем было неважно.

Потому что, если разобраться, верил-то я на самом деле не больше - чем в чем-то мог бы убедить себя.

И если это по настоящему оказывалось так (хоть когда-нибудь - если бы - оказалось),-- то... Но мне даже совсем неизвестно: стоит ли сейчас обо всем этом распространяться? Ведь так получалось, что должна была существовать некая тайная (ну хотя бы незначительная часть ее),-- которая бы удерживала в рамках неизвестности что-то, чем уже совсем и неважно (и необязательно) чтобы кто-то знал.

А я... а я...

А моя психика начинала все новый и новый виток вращения.

Который уж совсем, как вроде бы, отдалял меня от первоначального желания (до сих пор еще, видимо, сохранившегося во мне) во всем разобраться. Точнее - 'во всем' -- уже скоро сменилось 'хоть в чем-нибудь'. А потом - все ниже и ниже скатывался в некое подобном своем желании.

И вскоре совсем уже перестал отдавать отчет в происходящем.

И это самое происходящее - все больше и больше - становилось для меня безразлично. И туманно. Настолько туманно, что я готов был сбежать от его изнеженной ласки. И постараться убедить себя - не писать уже ни о чем. Словно бы из каждой темы делая запретную. И совсем ненужную для меня. Необязательную для меня. (Причем - вот незадача-то: я до сих пор толком и не знал, что по настоящему для меня нужно!).

Это была ловушка. Ловушка, в которую я сам погружал себя. Если и догадываясь что это было так, - то в полной мере, конечно, и не отдавая себе в том отчета.

Глава 5

Когда-то это действительно случилось все со мной. Но еще интересней, что все вокруг меня словно складывалось таким образом, что я и сам - все больше (и словно испытывая к этому даже что-то наподобие желания) погружался в загаданный (и, по сути, неизведанный) мир страхов и кошмаров. Кошмаров разума. И я этих кошмаров не то чтобы не боялся, а скорее всего мною двигала именно жажда разобраться: почему, собственно, это так

происходит? Почему иногда мне становилось все хуже и хуже? И я совсем не замечал, что окружающий мир способен не давать мне различаемые сигналы. Потому что словно выходило как раз наоборот: те сигналы, которые он подавал мне - я совсем не понимал. (Притом что понять-то - стремился!).

И словно бы что-то неизведанное заставляло меня проваливаться в ад, утрачивая еще недавно существовавшие иллюзии. Заставляя реагировать на них каким-то таинственным образом. Таким, что я бы, наверное, ни за что и не решился угадать: что это, собственно, за способ-то такой? Или способы?.. Потому что - терялся я до невообразимости. И как будто бы действительно ничего не понимал.

А проходило время - и не понимал уже вовсе ничего.

А мне только совсем не хотелось выбираться обратно. Словно попадал я в некий плен каких-то нерастраченных страстей. Бродя среди них. И постоянно чему-то удивляясь.

А может на самом деле удивляясь всему, с чем встречался. Что удавалось замечать. Разглядывая сквозь царящий здесь туман.

И попытки что-либо понять (или осознать) были поистине какие-то глупые и нерешительные. Точно такие, каким, наверное, был в то время и я.

И если предположить, что с тех пор я изменился, -- то 'благодарить' наверное должен был именно те состояния, в которых находиться не хотел; и от которых всячески стремился избавиться.

Глава 6

...Я прошел еще несколько метров, и увидел, что дальше дорога прерывается.

Чтобы пройти дальше, необходимо было спуститься вниз. Ступеньки как раз вели вниз. И я стал спускаться. Совсем как будто и не боясь, что это может привести к каким-то совсем уж удручающим последствиям. Хуже чем было сейчас (ну, -- тогда, разумеется), мне словно бы никогда и не было. Да и даже времени на раздумья, собственно, никогда не было. Нервы были на пределе. Струны натянуты до максимума. И уже периодически лопались они. А я с каким-то садистским трепетом совсем даже не снижал нагрузки. А то и наоборот - делал все так, чтобы не только продолжать находиться на максимуме, но и словно бы наоборот - провоцировать в себе наступление именно этих состояний. Без которых уже, наверное, не мог. Не был способен жить. Ибо мне почему-то казалось, что если это происходит так - я живу. А если что-то будет происходить как-то иначе... Стоило мне только подумать о чем-то таком - и я не мог сидеть на месте.

И кромсал себе вены. И резал тело. И втыкал в себя нож.

Пусть и небольшой ножик, с небольшим лезвием - но была боль. Была кровь. И трескали мышцы, разрываемые входящим в них лезвием.

А потом я начал спускаться. У меня просто не было возможности оставаться наверху. Я должен был (даже просто обязан) податься все глубже и глубже вниз. Словно бы именно там я видел избавление от собственных страданий. И даже, наверное, убедив себя в этом.

.....

Почему-то мне показалось, что я сбился с пути.

Нет, поначалу об этом как будто ничего не говорило. Я спустился, спрыгнув с последней ступеньки. Прошел еще несколько метров. Снова увидел какие-то ступеньки, ведущие вниз. Уже не задумываясь - спустился и по ним. Осмотрелся. Ничего не увидел. Сделал еще несколько шагов. И... и как будто бы куда-то провалился.

И сейчас уже действительно: сколько бы я не осматривался, - ничего увидеть просто не мог. И даже не потому, что было невероятно темно. У меня словно бы появилось какое-то убеждение (уверенность, настоящая уверенность), что я ничего не увижу.

И убеждение это было настолько сильное, что я больше совсем ничего не хотел замечать. Словно бы и не собирался увидеть. И словно бы уже заранее веря в то, что это все должно было быть именно так. И никак иначе. И... Я испугался этого состояния.

Мне, во что бы то ни стало, захотелось избавиться от него.

Сделать так, чтобы оно ко мне уже никогда не возвращалось.

Глава 7

Я словно окунулся в какую-то беспросветность. В пустоту. Откуда уже и действительно не было никакого спасения.

Так мне казалось в тот момент.

А потом я неожиданно оказался в до ужаса освещенном зале. И свет со всех сторон был направлен исключительно на меня.

Так, что у меня уже не было возможности зажмуриваться. (Это вообще мне казалось бестактным) или закрыться руками.

Да и сами руки оказались связанными. И уже как будто бы мне даже и не принадлежали.

И ног своих я не чувствовал (они тоже оказались связанными. Точнее - закованными в кандалы).

А тела своего я не чувствовал. Совсем. Лишь как-то очень сильно болел мозг. Словно бы кто-то копошился в нем, раздвигая извилины, и словно бы даже надкусывая их. Или, например (так мне казалось) чем-то просвечивая.

Но ведь я и так уже светился. Ибо (сейчас уже вспоминаю, что как раз тогда я это заметил) свет - исчез. А свечение исходило от меня. И не нужно было никакого света. Ибо самого света, конечно, было предостаточно.

.....

А потом я уже ничего не помнил.

Совсем ничего, о чем можно было бы еще рассказать.

И, наверное, к тому времени я уже умер.

Ну, по крайней мере, так мне казалось.

16. 04. 06 г.

Повесть

Ради блага ближнего

"Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после"

Екклесиаст 1:11

Глава 1

Тогда, когда у него еще была возможность что-то решить, не допустив печали в свое сердце, его сознание каким-то образом пропустило в себя совершенную (а тогда только совершаемую) ошибку. Это уже позже он раскаивался обо всем. Позже оказалось, что его обложили со всех сторон, и ему не так-то легко и выбраться. Не легко, а может и невозможно.

--Я думаю, ты должен пересилить себя,--посмотрел на друга Фрол Агапов.--На самом деле еще не все потеряно.

Терновицкий промолчал. Сколько уже было этих советников. Большая часть из них считались его друзьями. Остальная часть -- были товарищами, или коллегами по работе (Терновицкий работал в крупной частной фирме, экономистом). И давно уже понял Михаил Васильевич, что никому нельзя верить. Лучше изначально сомневаться. Лучше потом поверить. Лучше потом.

--Нет, ты меня не слушаешь,--мясистое лицо Фрола готово было даже покраснеть или от негодования, или от стремления донести до Терновицкого какую-то правду.--Ведь я же говорю истину!

--И что я должен делать?--спросил Терновицкий.

--Начать жить,--ответил Агапов.--Бросить все и всех ко всем чертям и начать жизнь. Быть может это и действительно выход.

--Я тоже так считаю,--неожиданно поддержал Агапова Боровиков, еще один коллега (все они работали в одном отделе, и после работы зашли попить пива в бар).--Видимо можно вообще

использовать сложившееся положение вещей как истинное и желанное. По крайней мере, оно позволяет поменять все разом.

Терновицкий, оставшись вроде как в меньшинстве, бросил взгляд на четвертого их коллегу, инженера из отдела обслуживания сельскохозяйственных машин (предприятия входило в агропромышленный комплекс России). Николай Роднин, высокий, стройный брюнет, тридцати двух лет, только недавно прибывший к ним на предприятие из другого региона (из провинции - в Ленинградскую область - жил в Питере, как и все нынешние собеседники), молчал. Что он мог сказать. Он сам только недавно развелся с женой, узнав, что у той есть любовник. Да и не до конца он еще понял историю Терновицкого, чтобы советовать.

Агапов сейчас догадался об этом, и в двух словах пояснил суть (он искал сторонников в желании убедить Терновицкого разводиться с мегерой-супругой, и готов был на многое). Оказалось, Михаил Васильевич когда-то вроде как удачно женился на женщине, которая первое время подходила ему идеально. Это время закончилось как только поставили штамп в паспорте о браке. Тотчас же его пассия явила свою ложную сущность. И для Михаила Васильевича начались те злые будни, которые продолжались уже на протяжении пяти лет, и совсем не собирались заканчиваться. Через год он взвыл. Через два - смирился. Через три - принялся мучительно искать выход. Через четыре - нашел и тут же потерял. Сейчас прошло пять лет, и Терновицкий понял, что так жить нельзя. О его боли узнали друзья и коллеги. Каждый стремился помочь. Реальной помощи Михаил Васильевич ни от кого не видел.

--Я все-таки уверен, что выход есть,--Фрол Агапов (кряжистый мужчина средних лет с крестьянским лицом) обвел взглядом присутствующих.--И мы должны разрешить столь мучивший нашего товарища вопрос. Освободить его от гидры. Дать ему воздух свободы.

Официантка поставила новые кружки с пивом, забрав старые.

--Правильно говорит,--поддержал Агапова Боровиков (маленький, сухонький, 53-54 лет, работавший в плановом отделе).--Я вам признаюсь, что я вообще бы никогда не женился. Но понял это слишком поздно.

--А что же привело к такому пониманию?--спросил Роднин, улыбнувшись.

--Годы,--сопроводил свои слова кивком (видимо для надежности) Боровиков.--С годами мне удалось откреститься от стереотипов, которые навязывает нам общество. такими стереотипами является в том числе ложная необходимость жить в семье и браке. Я только сейчас понял что это ошибка. Женщины вообще зло.

--О, как!--с удивлением взглянул на него Фрол Агапов.-- А как же без женщин? (никто не знал, была ли у Агапова семья; он охотно всегда давал советы другим, но о себе предпочитал молчать).

--Что ты имеешь в виду?--принял вызов Терновицкий.-- Постель?

Агапов осклабился.

--Постель разрешена,--сказал Боровиков. Кузьма Петрович Боровиков был обстоятельный мужчина. Все что он

начинал делать, делал четко, слаженно, и без видимых изъянов. Он также, как и Терновицкий, был экономистом, работал с ним в одном отделе.--Постель разрешена,--повторил Боровиков.--Но это не главное.

--Что?--не понял Николай Роднин.--Ты хочешь сказать...

--Вот именно,--усмехнулся Боровиков.--Из-за того что мужики так себя ведут, эти хитрые бестии и начинают манипулировать.

--Правильно,--поддержал его Фрол Агапов.--Надо обрубать концы, и указывать недотрогам их место.

От возбуждения Агапов поставил кружку мимо стола. Та упала на пол, пиво обрызгала штаны Фрола Агапова, но кружка не разбилась. Стекло было прочное.

--Еще с советских времен,--кивнул на кружку Боровиков.--Вот качество было тогда...--вздыхнул он.

--Да...--грустно вторил ему Терновицкий.--Распродали державу...

--Подождите,--несколько изумленно посмотрел на них Николай Роднин.--Вы же все работаете в крупном капиталистическом предприятии. И как же вы говорите...

--Мы говорил о том, что страна распалась после предательства,--пояснил Боровиков, как на несмышленного ребенка посмотрев на Роднина.--А наша нынешняя работа - вынужденная. Мне бы намного приятнее было бы, если бы наш АПК принадлежал не частным инвесторам, а подчинялся плановой экономике государства.

Николай Роднин только недавно пришел на работу, и пока только постигал уклад предприятия и знакомился с

коллегами. Быть может и потому малопьющий Роднин пошел после окончания последнего дня рабочей недели в бар.

Сблизиться, освоиться, подружиться...

--Ты сволочь,--неожиданно сказал ему Фрол Агапов, просверливая взглядом.

--И предатель,--поддержал того Боровиков.

--Мы будем ставить вопрос о том, чтобы ты долго у нас не задержался,--с ненавистью смотрел на него Агапов.

--Лучше сам уходи,--поддержал Агапова Боровиков.

--А то мы тебя выгоним,-- сказал Агапов.

--Да вы что, с ума сошли,--не понял Николай.

--Вот именно,--вступился за него Терновицкий.--Что это с вами? Начали за здоровье, а закончили за упокой...

--Да...--растеряно покачал головой Фрол Агапов.--Что-то мы действительно... того...

--Больше так не будем,--пообещал Боровиков.

--Вот те крест, что не будем,-- убежденно сказал Агапов.

--А если кто будет - мы сами с ним разделаемся,-- поддержал его Боровиков.

--Да вы что это, коллеги, совсем с ума спятили,-- предположил Терновицкий.--Что вы за балаган разводите?

--Действительно...--задумчиво обвел взглядом присутствующих Фрол Агапов.

--Но ты все равно должен развестись со своей стервой,-- обратился к нему Боровиков.--Где это видано, чтобы мужик столько терпел от бабы? Ей вожжа под хвост, а ему страдание...

--Верно, верно,--поддержали Кузьму Петровича собравшиеся.

--Раньше надо было думать,--опустил голову
Терновицкий.

--Почему раньше-то?--был не согласен с ним Боровиков.-
-Всегда можно изменить ситуацию.

--Под тебя должны подстраиваться, а не ты под кого-то,--
сказал Агапов.

--Да к чему вообще под кого-то подстраиваться,--
произнес Роднин.--Крепостное право отменили еще
полтора столетия назад. Сейчас люди свободны. Если не сошлись
по каким-то параметрам - надо расставаться. К чему мучиться-
то?..

--Верно, верно,--раздался дружный галдеж собравшихся.

--И я предлагаю вообще - сейчас же позвонить ей, и
сказать, чтобы убиралась,-- посмотрел на Терновицкого Агапов.

--Сейчас?--недоуменно переспросил Терновицкий.

--А че тянуть-то?--стоял на своем Агапов.--Давай я
позвоню и поставлю эту заблудшую душу перед фактом. Пусть
убирается ко всем чертям. Ей есть куда уйти?

--Нет,--покачал головой Терновицкий.--В том-то и дело
что нет... Так бы я сам уже бы давно развелся...

--Вон оно что...-- растеряно протянул Фрол Агапов.

--Да уж...--вздыхнул Боровиков.--Это вообще великая
проблема... Была бы жилплощадь - полстраны развелась бы.

--Ну, так уж и полстраны,--усомнился Николай Роднин,
но по его лицу было заметно что он только и ждет, что
подтверждения того, что считает и сам.--Полстраны...--повторил
он, словно вызывая товарищей на продолжение освещения темы.

--Кругом враги и предатели,--сдул пену с новой кружки (официантка вновь подчистила стол) Терновицкий, и стал жадно пить, словно бы мучила его жажда, а до этого он не выпил уже несколько кружек пенистого напитка.

--Это верно,--в один голос поддержали его Боровиков и Агапов, и тоже принялись опустошать свои кружки.

Николай Роднин видимо тоже хотел что-то сказать, да решив, что пока не стоит, вступил вслед за товарищами и коллегами.

Глава 2

Михаилу Васильевичу было сорок с половиной лет. Внешне он был высок, худощав, носил шевелюру черных волос, и после окончания экономического факультета сельхозинститута все время проработал на одном предприятии, в системе бывшей сельхозтехники, а ныне - агропромышленного комплекса, базирующегося в одном из небольших поселков Ленинградской области.

Его нынешний проблемный брак уже был второй по счету. Первая жена сбежала сама, обвинив бывшего мужа чуть ли не во всех смертных грехах. Нынешняя жена тоже обвиняла мужа во всех грехах. И в чем-то женщины оказались похожи. Разве что за исключением того, как понял недавно Терновицкий, что первая жена была умнее и более искреннее, чем вторая. И, по сути, тот развод Михаил Васильевич считал собственной ошибкой. С недавних пор осознав, что женщины по особенному друг от друга не отличаются. И при желании можно приспособиться к любой из них.

Это стало самым мучительным откровением Михаила Васильевича. Потому как означало подобное, что он все также как и когда-то (наверное, как и всегда) совершал ошибки.

Мучительные, по сути. И в корне своем достаточно нелепые, чтобы, анализируя их, не осознать, что перед началом любого дела необходимо его должным образом выверять, сопоставляя все за и против. И чтобы в последующем не идти против себя.

Глупец. Терновицкий слишком часто в последнее время понимал, что он глупец. Но и знал, что окончательное признание сего факта есть тоже ошибка. Потому как стоило ему только опустить руки, как вся остальная жизнь пошла бы прахом. И хоть пока выхода из положения как будто не намечалось, Терновицкий надеялся, что рано или поздно противоречия в собственной душе удастся разрешить. Просто видимо должен был пройти какой-то срок,--полагал Михаил Васильевич. И как только он пройдет - все образумится. Само собой.

Против того что все пройдет само собой восставал разум Терновицкого, вынуждавший Михаила Васильевича искать новые пути как осмысления проблемы, так и поиска разрешения ее.

Не удавалось. Пока не удавалось. Но ведь Михаил Васильевич верил, что это только пока. Знал и надеялся на ожидаемые изменений.

--Дурак,--усмехнулось Альтер-эго Терновицкого.--Так ты можешь прождать до Второго Пришествия.

Терновицкий уже сам не знал, насколько он был религиозный человек. Если допустить что религиозный, то необходимо было, помимо десяти заповедей, соблюдать и остальные библейские правила. Но против этого восставало то,

---

что светское общество никогда не будет жить по библейским заповедям. Это Терновицкий знал. Так же как и то, что каждый индивид все равно интуитивно подбирает что-то исключительно для себя. И уже в зависимости от каких-то жизненных ситуаций следует тем или иным заветам апостолов. Ну или же забывает те. Чем и обрекает себя на страдания. Терновицкий помнил слова Екклесиаста о том, что не скоро свершается суд над худыми делами, поэтому и не страшатся люди совершать зло. И это было самое мучительное для Терновицкого. Потому как не хотел он в душе становиться таким, как другие. Но если допустить, что таким он не будет, означало подобное перспективу некоего затруднения при адаптации в социуме. А значит и вероятность того, что придется испытать Михаилу Васильевичу различные унижения от других.

Поэтому как мог он приспособливаться. И играя свою роль, чувствовал себя -- по крайней мере внешне - весьма нормально. Понимая, впрочем, что подобное могло быть лишь до поры до времени. Знать бы только до какого времени, --иногда, случалось, раздумывал Михаил Васильевич, да уже понимал, что подобное невозможно предугадать. А что оставалось? Смириться? Смириться. Может и смириться, --говорил себе Терновицкий, про себя условясь, что до поры до времени будет принимать подобную теорию. А потом пересмотрит его. Когда действительно почувствует, что подошел для этого час.

.....

Фролу Агапову было сорок пять лет. Основательность и деловой подход читались во всех его телодвижениях. А взгляд всегда словно бы говорил окружающим: нет, не обставите меня,

---

если надо только сам могу вас обмануть, но не собираюсь этого делать, потому что использую другие методы. Какие?--если бы кто спросил его, то наверное смутился бы Фрол Фомич Агапов. Но всеми силами не показал бы такого смущения. Потому как не смог бы никогда показать свою слабость врагу. А такими врагами Фрол Фомич в душе своей считал чуть ли не каждого окружающего. И не по причине какой-то внутренней злобности, а просто ради самосохранения. Не мог допустить Фрол Фомич, что кто-то смог бы когда подмять его под себя. Только сам он должен быть во главе. Только так ему было спокойнее, да и вообще - только так он мог существовать в этом мире. Мире зла,--как всегда при случае говорил Фрол Фомич, в душе быть может так и не считая так.

.....

Можно было предположить, что Николай Роднин был противоположностью Терновицкого и Агапова. Но Роднин старался делать все наоборот, нежели хотел его разум. Потому как с недавних пор стал подозревать, что этот разум все чаще вводит его в серьезные заблуждения. А как итог таких заблуждений - томление духа. Что Николай Роднин никак не мог допустить. А потому цеплялся всячески за ситуации, возникающие в жизни. Стараясь представить все совсем иначе, нежели чем все на самом деле вырисовывалось.

--Быть может это глупо?--не раз вопрошал себя Роднин.

--И вовсе даже не глупо,--тут же он готов был обидеться уже на себя же.

А потом и вовсе старался думать о чем-то другом. О хорошем. Например, о том, что в скором времени в его жизни все должно было измениться. Причем однозначно, что в лучшую

сторону. Почему? Подобного пока Николай Роднин объяснить не мог. Но верил в скорое начало изменений. И осуществление в связи с этим его чаяний.

Можно ли было сказать, что Роднин был странен? Можно. Но ровно настолько, насколько подобное можно было сказать и обо всех остальных. А если что и говорить (если уж кто-то очень хочет что-то сказать), то разве что сравнить Роднина с Терновицким, Агаповым и Боровиковым. А при подобных сравнениях Роднин всегда заметно выигрывал. Чем? Отношением к жизни. Потому что иной раз в голове его происходило такое (мы имеем в виду полет фантазии), что Николай Роднин уверенно проживал не одну жизнь, а несколько. Воображая иной раз такое, что какой другой человек просто сошел бы с ума. А Роднин наоборот, приходил в ровное состояние духа. Да и вообще, после этого стремился только к хорошему.

.....

Кузьма Петрович Боровиков был себе на уме. Он мог поддакивать вам, а после оказывалось, что на данный вопрос он имел совсем иную точку зрения. А мог наоборот, резко противиться какому-либо вашему мнению, а после обнаруживалось, что считал он также как и вы. Загадка? Не было никакой загадки. Просто так было Боровикову спокойней. А спокойствие заставляло платить свою плату. И он считал, что будет гораздо лучше -- обретения подобного спокойствия подстраивать окружающих под собственные устремления. Заставляя остальных - считаться с собой. Тем паче, если те и сами были не против. А то и бывали от этого счастливы.

Хотя понятие счастья Боровиков всегда считал весьма условным. Да и старался вслух об этом не говорить. Считая подобное вещь весьма даже интимной. Ну и что уж точно - для внутреннего пользования.

Может признать, что он был странен? Не стоит. Он был нормальным человеком? Хотя и конечно, со своими странностями... Которые, впрочем, были и незаметны, если к Боровикову особо не приглядываться. Да и сам Кузьма Петрович любил, когда на него не обращают внимания. Ему даже было проще, когда другие вообще не замечали его существования. Словно бы его и действительно не было. Даже, быть может, - и не существовало.

А может и на самом деле не было?--не раз, бывало, задумывался Кузьма Петрович, и ловил себя на мысли, что не может утвердительно сказать ни да ни нет. Он и в жизни был такой. Старался никогда не говорить чего-то утвердительного. Словно бы признавая, что все что происходило с его участием... Ну как бы - признать что этого вообще и не было. А если он в чем-то участвовал, то словно бы и не участвовал. Так... Паутина какой-то грусти, пустоты, чего-то до боли нереальности невозможного. Вроде как и действительно не существующего...

Глава 3

Как ни странно, но, несмотря на какие-то разногласия - все четверо вдруг взяли за правило встречаться помимо работы. Ну, после работы это уж действительно стало чем-то традиционным. Но вот иной раз встречались они и на выходные.

Поначалу вроде как еще и редко, а потом все как-то уже и не считали, что когда-либо было иначе.

Правда, до каких-либо уж очень откровенных споров не доходило. Да в душе каждый все равно считал право другого на самоопределение в предпочтениях. А если какие вопросы у кого и возникали, так это было больше для порядка; причем большая часть каких-то вопросов на самом деле не задавалась.

.....

Терновицкий тяготился этими встречами. Он вообще тяготился каким-либо общением. По своей природе он был больше одиночка.

А еще Михаил Васильевич все время пытался разобраться с тем вопросом, который мучил его, порой, самым отчаянным образом. Суть вопроса - проблематика личной жизни.

Причем, насколько проблема была актуальной можно было судить уже потому, что чем дольше длился брак Терновицкого, тем чаще он искал способы остаться одному. При этом, просто так взять и развестись Михаил Васильевич не мог. Он пока оказывался не готов уйти, оставив свою жилплощадь злобной супруге. Вообще-то супруга была душой. И видимо это на самом деле более всего удручало Михаила Васильевича. Потому как известно, дура совершает и дурацкие поступки. От которых главным образом страдал сам Михаил Васильевич. Ведь дура (или дурак - пол роли не играет) не считает, что ее (его) поступки дурацкие. Так считают окружающие. Которые страдают. И думают о том, как бы поскорей лишится статуса окружающих. И еще лучше (для Терновицкого это было самое актуальное)

остаться одни. Без какого-либо ужасающего возвращения к прошлому. Которого попросту не должно было быть.

Пока подобное было невозможно. Трудно сказать почему. Скорее причина заключалась в самом Михаиле Петровиче. В его внутреннем состоянии. В общей невротичности его психики, если хотите. Которая совсем не позволяла совершать те поступки, которые он считал бы при всех раскладах необходимыми. И которая заставляла его подстраиваться к окружающим его обстоятельствам. Другими словами - подчиняться. Он всегда подчинялся. Его с детства приучили все делать так, как в первую очередь хотят того окружающие. Можно было после страдать и раскаиваться, но в момент того, когда еще возможно было что-то изменить - ни маленький Миша, ни его родители - не меняли. Подстраиваясь под своих знакомых, которые использовали их по полной программе (для удовлетворения своих целей и задач).

И ведь стоило только тогда еще стать хотя бы в подобие позы кому-либо из родителей или самому Мише - быть может и не была бы столь мучительной их жизнь. Ведь угождать другим тяжело. По природе люди вообще стараются не угождать, а властвовать. Но вот словно бы весь социум различными условиями существования восстает против этого. И лишь немногие имеют волю идти наперекор. А все другие - подстраиваются. Притом что стоит дать поблажку в малом - как все уже скатывается словно бы снежный ком. И чем дольше живет такой человек, тем больше ему приходится мучиться. Переживая и уже почти совсем не находя выхода. Потому что понимает он, что выхода нет, как разве что в том, чтобы вообще все (отчаянно и

сразу) изменить. Но если еще возможно было разорвать цепи раньше, то с каждым годом подобное сделать все труднее. И наконец наступает уже такой момент, когда и вовсе все становится невозможным. И остается...

В подобных условиях пребывал сейчас Терновицкий. И, несмотря на это, он все равно готовился, настраивая себя, для решающего броска. Броска к счастью. Но видимо что-то уж слишком подготовка затянулась... И уже неизвестно, может ли когда-нибудь так случиться, что станет возможным ему то, о чем он тайно мечтал. Слишком все действительно затягивалось... Слишком...

Глава 4

Боровиков, не сговариваясь с остальными, решил помочь Терновицкому. Все что необходимо - это уничтожить гидру, которая доставляла его товарищу и коллеге столько ненужных тревог.

Как это становилось возможным сделать? План состоял из двух взаимоисключающих друг друга пунктов. По первому - ее прост необходимо было убить. По второму - заставить самой уйти от Терновицкого. В этом случае все остались бы живы. И со временем у его товарища прошла бы душевная боль, связанная с вынужденным расставанием (любое расставание, если не по своей воли - вынужденное). А потом бы наступил период безмерного счастья. Того счастья, которое осознается уже позже. Причем ощущение приходит настолько внезапно, что уже остается только сказать себе: разве это возможно? Что бы я был так счастлив. И в конце концов все равно поверить в это не веря. И с тех пор

удерживать это счастье двумя руками. Боясь его выпустить и растерять.

Боровиков не сомневался, что Терновицкий еще скажет ему спасибо. Но ведь совсем не спасибо было важным для него. Главное для Кузьмы Петровича делать добро людям. И если он знал, что это в его силах - он уже не сомневался, что непременно подобное делать был должен. Даже, может быть, обязан. Особенно если на каком-то этапе у него не было других обязанностей.

.....

На удивление, о подобной помощи раздумывал сейчас и Николай Роднин. Уже только разведясь с женой, он понял, какое это благо быть одному. И ему захотелось с кем-нибудь этим благом поделиться. На примете был Терновицкий (Роднин хорошо помнил тему одной из совместных встреч становившейся неразлучной четверки). Николай Роднин знал, как мучается его друг. И понял, что в его силах ему помочь. Вот только что он для этого должен был сделать?..

Своим желанием Роднин поделился с Агаповым. Агапов сказал, что мудрить, тут, особо не следует. А надо взять и вырвать жало. Причем открылось, что Фрол Фомич оказался сторонник самых жестких и решительных мер. И стоило Роднину только задуматься, как, возвратившись в своем сознании обратно, он уже стал свидетелем того страшного, что приготовил Агапов для жены Терновицкого. А, вслушавшись, он уже вынужден был трижды проклясть себя за то, что поделился своими сомнениями с Агаповым. По всему - Агапов был настоящий зверь. И такое, казалось бы, невинное обстоятельство раскрыло всю его сущность.

Ложную сущность, как мог бы заметить Роднин, если бы успокоившись, оказался способен сделать какой-то анализ ситуации (как он привык).

Но сейчас внутри Николая Роднина все бастовало. В душе его вообще произошел самый серьезный за последнее время разлад. И с этим необходимо было как минимум справиться. Желательно - побыстрее.

Мог ли он сделать что-то подобное? Ну, наверное, мог. Если бы действительно успокоился. Если бы сумел успокоиться... Если бы только...

--Что это вы тут задумали,--зашел в курилку Боровиков.

Роднин тут же ему обо всем рассказал.

Боровиков в душе усмехнулся, и признался товарищам, что у него тоже есть идея (Роднин сжался от страха). Причем она в какой-то мере перекликается с идеей Фрола Фомича (Агапов торжествовал, Роднин готов был упасть в обморок). Более того - основную роль в этом должен был играть Коля Роднин (Роднин поперхнулся табачным дымом, сжал и выбросил сигарету, и хотел, было, уже скрыться, да Боровиков его попридержал за локоток).

--Не мудри, чудила,--вежливо попросил Боровиков, понизив голос, и произнесся слова почти шепотом.--Я же плохого не посоветую.

--Я не собираюсь участвовать в ваших преступных деяниях,-- сквозь разраставшийся в груди страх с трудом выговорил Роднин.

--Зачем ты говоришь о том, чего не знаешь?-- удивился Боровиков, посмотрев на Агапова, словно ища у того поддержку.

Агапов тем временем боролся с желанием врезать Роднину по скуле. Он только сейчас понял, что ему никогда не нравился тот тип слюнтяйства души, ярким представителем которого был стоявший рядом с ним коллега. Коллега, но уже не товарищ. Такие товарищи Агапову были не нужны.

--Фрол Фомич, ты что это насупился?--изумился Боровиков.--Что вы, право (посмотрел он на обоих) как какие-то...

--Мне он сразу не понравился,--кивнув на Роднина, произнес Агапов.--И я как чувствовал, что когда-нибудь он может предать...

--Да где предательство-то?--не выдержал Роднин, посмотрев на Агапова.

--Действительно, Фомич, что ты там себе навообразил,--изумился Боровиков, посмотрев на Агапова.--Никто из вас даже не выслушал мой план.

--В чем заключается план?--спросил Роднин, интуитивно почувствовав, что еще все может устаканиться.

--Какой план?--по лицу Агапова было заметно, что он искренне забыл с чего начался весь сыр-бор.--Да, верно,--просветлело его лицо.--Ведь ты сказал, что у тебя возник какой-то план.

--Который косвенно мог походить и на твой,--нашел момент посмотреть на Агапова Роднин.--Но в чем-то от него и отличается,--предположил Роднин, решив сыграть ва-банк.

--Нет,--покачал головой Боровиков.--Почти и совсем не отличается (внутри Роднина все вновь сжалось от ужаса. Представить, что он должен был убить жену Терновицкого... Подобное никак не укладывалось в голове Николая Семеновича).

--Убивать мы никого не будем,--сразу расставил акценты Боровиков.--Речь идет об простом адюльтере. Свидетелем которого должен стать Терновицкий. Или даже не свидетелем (учитывая его знакомство с... он кивнул на Роднина). Можно все сделать хитрее. Ты, Николай Семенович (он посмотрел на Роднина) влюбишь в себя супругу Терновицкого. И убедишь ее рассказать мужу о тебе (не упоминая лиц), и также подготовить женщину к разводу.

--А потом на ней жениться,--рубанул догадку Агапов.

--Ну, можно и жениться...--предположил Боровиков.--Но это уже будет не важно. Главное - чтобы она сама стала инициатором развода с Михаилом Васильевичем. А дальше уже... -развел руками Кузьма Петрович, и улыбнулся, посмотрев на Роднина.

--Да не хочу я ни на ком жениться,--вспылил Роднин.-- Мне нравится моя свобода. Нравится...

--Да жениться тебя никто не заставляет,--махнул рукой Боровиков.--Мы должны...

--Да я все понимаю,--сказал Роднин.

--И?--пристально посмотрел на него Агапов.

--Да не согласен я,-- ответил Роднин.--Почему я должен влюблять в себя какую-то бабу, которую я и в лицо не видел...

--Увидишь,--вставил Агапов.

--Нет, право, что так?--не понимал Боровиков.--От тебя-то и делов-то, что переспать с женщиной.

--Или ты...--договорить Агапов не успел. В курилку вошел Терновицкий. И все тут же принялись говорить на отвлеченную тему.

Глава 5

В последующие несколько дней Николай Роднин согласился.

Большей частью повлияло на его решение фотография жены Терновицкого, которую раздобыл Агапов. Клара, супруга Михаила Васильевича, была тридцатипятилетняя крашенная блондинка, высокая, худая, с длинными ногами, незначительной грудью, и симпатичным лицом. А еще у нее были пухлые ярко накрашенные красной помадой губы. Губы эти будили фантазию. И Роднину вдруг независимо от своего какого-то желания - не желания представилась как этими губами она будет обхватывать его... Ну в общем, привиделось Роднину сплошное непотребство. Которое ему вдруг захотелось воплотить в реальность.

А еще через несколько дней состоялось и его первое знакомство с Кларой Терновицкой. Клара работала в промтоварном магазине, продавцом, и по совместительству руководителем секции мужской одежды. По легенде Роднин пришел покупать деловой костюм. Да не мог выбрать. Ему стала помогать Клара. И, как предположил Боровиков (находившийся неподалеку и страховавший товарища, делая вид, что занят выбором рубашки), тогда же между ними и вспыхнуло первое чувство.

На самом деле все могло быть не так. Но что уж точно, Клара неожиданно приняла приглашение Роднина встретиться через день (завтра еще должна быть ее смена, потом два выходных), и погулять по городу, с предусматривавшимся

заходом в кафетерий или бар (по желанию Клары, --вежливо улыбнулся Роднин).

Однако потребовалось еще две недели, прежде чем женщина оказалась в постели Николая Семеновича. Причем самым неприятным оказалось то, что она совсем не признавала минет. Зато ("удивительный факт", -- отметил про себя Роднин) не выказала ни доли сопротивления, когда он вошел в нее сзади. Туда, куда тайно всегда мечтал Роднин. И куда допускает не всякая даже внешне раскованная женщина (или даже проститутка, вспомнил Роднин как, забыв оговорить условия, за анальный секс жрица любви потребовала с него отдельную плату). Клара же нисколько не сопротивлялась. Чем так расположила к себе Роднина, что он готов был на ней жениться.

Если она того пожелает. Но она не желала. Пояснив, что у нее есть муж, который ее искренне любит.

На следующий день Боровиков (вызвавшийся контролировать процесс) окольными путями установил, что у Терновицкого действительно в последнее время (время удивительным образом совпадало с началом знакомства Клары с Родниным) улучшились отношения с супругой. Но не настолько, пояснил Михаил Васильевич, чтобы он не был счастлив с ней расстаться. Агапов даже предложил поставить в известность Терновицкого об изменах его жены, но Боровикову удалось убедить его, что пока еще рано. Рыбка должна основательно проглотить крючок, --пояснил он, улыбнувшись по себе чему-то своему.

Еще через время Клара призналась Роднину, что ей стал нравиться оральный секс, к которому постепенно удалось ее приучить Николаю Семеновичу. Отношения между влюбленными крепили и развивались.

И, наконец, как будто настал тот момент, когда можно было говорить о тех условиях, которые изначально запланировала троица: развестись с Терновицким.

Но тут проявил неожиданную активность сам Михаил Васильевич Терновицкий. Вдруг осознавший, что теряет жену, и ставший оказывать ей всяческие знаки внимания, включая продолжительный секс, который в последнее время уже между ними вроде как прекратился.

У Боровикова возникла мысль ввести Терновицкого в курс дела.

Роднину удалось его отговорить.

Агапов решил при случае обо всем рассказать самой Кларе. И поделился своим намерением с коллегами, сообщив, что собирается выйти из игры, потому что не может больше смотреть на то, как Роднин наслаждается ласками с чужой женой.

Ситуация могла выйти из-под контроля. Поведение Агапова вообще было непонятным. И только Роднин высказал предположение, что в душе о чем-то подобном видимо всегда мечтал сам Агапов. Да вот женщины должно быть его не любили (или, -- предположил Роднин, - любили не те женщины, которых хотел он).

Необходимо было собирать срочный совет. Собрались все, кроме Терновицкого (что понятно), и Агапова (который все равно - видимо из любопытства - пришел в последний момент).

Однако это уже был другой Агапов. По всему было заметно, что кто-то с ним провел соответствующую беседу. Кто?-- предположил Боровиков, оглядывая собравшихся. На Роднина такого подумать не мог. Значит с Агаповым никто не разговаривал, и он сам осознал...

--Я понял, что ты должен на ней жениться,--подтвердил Агапов предположения Боровикова, открытым взглядом уставясь на Николая Роднина.

Роднин посмотрел на него с неприязнью. Между ними уже давно тихо тлел конфликт. И то, что он пока не возгорался, объяснялось нежеланием Роднина спорить с Агаповым.

Агапов, работающий в отделе снабжения, представлял из себя типа человека, который не считаясь ни с чем, выполнит поставленную задачу. Причем, в большинстве случаев, - применит в разрешении какой-то свой, обязательно отличный от остальных, подход.. Который в итоге и окажется самым результативным. Хотя подход будет еще тот!

--Зачем ты так на меня смотришь?--спросил Фрол Агапов.--Разве я хочу тебе плохого? Нет,--ответил он сам себе. Все, к чему я стремлюсь - сделать что-то исключительно для общего дела... Ты же смотришь на меня как на врага народа. В чем моя вина? (на протяжении всей речи Роднин внимательно смотрел на Агапова, хотя думал при этом совсем о другом. О том, например, что было бы неплохо добиться повышения, заняв должность начальника отдела; или, например, возглавить одно из подразделение сельхозмашин, находящихся в соседнем районе... многое о чем думал Роднин... периодически, впрочем,

---

прислушиваясь и к тому, о чем говорил Агапов. Но говорил тот пока о том же...)

--Или может ты хочешь вообще сбежать от поверившей тебе женщин...--расслышал Николай слова Фрола Фомича.

--Нет,--ответил Роднин.--Я совсем не против продолжить общение с Кларой. Тем более что мне кажется...--задумался Роднин.--Мы вполне можем быть вместе.

--Вместе?--переспросил Боровиков.

--Вместе,--кивнул Роднин.--Да вы же и сами этого хотели?--посмотрел Роднин на Боровикова.

--Это было раньше,--вмешался Агапов.

--Раньше?--не понял Роднин.--А что, разве что-нибудь за это время изменилось?

--Изменилось,--ответил Боровиков, и посмотрел куда-то в сторону.

--И что же?--стал немного злиться Роднин.

Образовалась небольшая пауза.

--Ну же?--попросил Роднин, неторопливо переводя взгляд то на Агапова, то на Боровикова, и слегка перетаптывая на месте.--Скажите мне наконец, что здесь происходит!--попросил он голосом, в котором просматривались командирские нотки (командиром Роднин никогда не был; он даже в армии не служил, купив когда-то "белый билет").

--Терновицкий подал заявление об уходе...--сказал Боровиков.

--Мотивировал желанием уехать в другой город...--начал Агапов.

--...Где ему якобы предложили другую вакансию,-- закончил Боровиков.

--Ну, а главная причина заключается в том, что Терновицкий испугался, что может потерять жену...--произнес Агапов.--И решил попросту сбежать, увезти ее...

--Сука,--выговорил Роднин.--Вот же сука!

--Да...--изучающе (словно не зная раньше, что Роднин умеет ругаться) посмотрел на него Боровиков,--сука-то может и сука. Отчего ж не быть ему сукой. Но выходит так, что мы тоже в этом виноваты.

--Ой, только не надо делать из этой гадины жертву,-- твердо произнес Николай Роднин.

--Да он же сам нам плакался когда-то, что жена стерва, угнетает его, и все прочее...--поддержал Роднина Фрол Агапов.--А теперь разыгрывает из себя несчастного.

--Сволочь,--проникся словами коллег и товарищей Боровиков.

--А значит, мы должны наказать его,--сказал Фрол Агапов.

--Кого?--не понял Боровиков.

--Терновицкого,--захохотал Роднин, поглядывая на Агапова.

--Терновицкого,--утвердительно кивнул Фрол Фомич.

--Он теперь в роли отступника и предателя,--сквозь смех сказал Роднин.

--Послушайте,--посмотрел на товарищей Боровиков.-- Давайте отпустим его с миром. Пусть уж он идет куда ему следует... К чему...

--Нет уж,--вспылил Агапов.--Так просто он не уйдет. Я не дам ему уйти. Ишь, что надумал - закрутил процесс, а теперь...

--Подожди-подожди,--попросил Николай Роднин.-- Сгоряча тут решать ничего нельзя.

--Верно,--поддержал его Боровиков.

--Я предлагаю открыто поговорить с ним,--предложил Роднин.--Но сначала мне необходимо срочно встретиться с Кларой.

--Ха-ха,--усмехнулся Агапов.--Это ревнивец посадил ее под домашний арест. А находится рядом с ней.

--Ну это уже ерунда какая-то,--не поверил Николай Роднин.--Сейчас все-таки 21 век. Вроде не похож Терновицкий на того, кто живет в средневековье.

--Ну, век-то может и 21,--серьезно сказал Боровиков.--А Фрол Фомич говорит правду. Этот чудик действительно запер супругу вместе с собой в квартире. И сидит на телефоне, ожидая сообщения об уходе ("как подпишет генеральный, я должен ему позвонить",--пояснил Боровиков).

--Ну так позвони, и скажи что его срочно требует к себе генеральный,--предложил Роднин.--А я тем временем рвану к Кларе.

--Да не поедет он никуда,--высказал предположение Боровиков.

--Как это не поедет?--изумился Агапов, привыкший всю жизнь выполнять приказы вышестоящего начальства.

--Да ладно, сейчас не об этом,--произнес Боровиков.-- Давайте...

И он предложил свой план предполагаемого развития событий. Согласно ему, во что бы то ни стало необходимо было встретиться с Терновицким, и обо всем с ним поговорить. Прежде всего, узнать, что он сам хочет. И уже исходя от этого,-- предложил Кузьма Петрович.

--Ага,--буркнул Роднин.--Сначала вы меня убеждаете, что я должен встречаться с Кларой. Влюбить ее в себя. А потом, как чувства в самом разгаре, даете отбой.

--Ну, отбоя еще никто не давал,--предположил Агапов, и глаза его засветились хитрецей.

--Давать-то не давал, но это предусматривается,-- недовольно ответил Роднин.

--Ладно, давайте попробуем сначала выдернуть Терновицкого,--предложил Боровиков.--А там уже решим что дальше делать...

Глава 6

Вскоре приехал Михаил Васильевич. По всему он был чем-то встревожен.

--Что-то случилось?--Агапов изучающе на него посмотрел.

--Случилось,--устало ответил Терновицкий.

--И что же?--поинтересовался Фрол Фомич.

Терновицкий только взглянул на него, но ничего не ответил. По его внешнему виду было заметно, что в душе его развивается какая-то катастрофа. Даже может быть,-- этот человек уже страдал. И очень сильно.

--Да скажи же что происходит,--нетерпеливо попросил Роднин, чувствуя какую-то трагедию.

--Я убил ее,--выдохнул из себя Терновицкий, и, закрыв лицо, заплакал.

--Подожди-подожди,--не поверил Боровиков.--Как убил?--к нему начал доходить смысл сказанного.

--Убил,--сквозь всхлипы доносился голос Терновицкого.--Задушил. Вот этими руками,--на секунду он взглянул на свои руки, словно удивляясь, что они могли сделать подобное, и вновь, обхватив ладонями лицо, затрясся в беззвучном плаче.

--Это уже черт знает что...--предположил Фрол Агапов, переглянувшись с Боровиковым.--Ты ее на самом деле задушил?--обратился он к Терновицкому.

Тот кивнул, продолжая смотреть куда-то вниз.

--Блядство какое-то,--выругался Боровиков.

--Что ж мы тогда здесь сидим,--спохватился Николай Роднин.--Надо же бежать, спасать...

--Поздно спасать,--прервал его Агапов.--Ты пульс мерил?--задал он вопрос Терновицкому.

Казалось, этот вопрос сбил того с толку.

--Значит не мерил,--ответил сам себе Агапов.--Тогда откуда ты знаешь что уже все?--немигающим взглядом посмотрел он на Терновицкого.

--Ну... ну как бы это...--начал было Терновицкий.--Да о чем это вы?--спохватился он, и вновь зарыдал.--Нет, нет уже моей Клары.

--Твоя Клара просит тебя к телефону,--к рыдающему Терновицкому подошел Николай Роднин, в руках которого была

телефонная трубка стационарного телефона. Видимо, пока суть да дело, он решил позвонить Терновицкому домой, и на другом конце провода ответил усталый голос Клары. По телефону же Роднин и признался ей в любви, попросив принять правильное решение, а если оно уже принято - сказать о том мужу.

После слов "воскресшей" жены, Терновицкого самого чуть хватил Кондратий.

Друзья откачали.

И напоив (а все давно уже собирались выпить, и продукция винзаводов была заготовлена),-- убедили в том, что предстоящий развод с супругой исключительное благо. А они значит,--подумал Роднин, слушая слова Боровикова и Агапова.-- Стараются ради блага ближнего,--и улыбнулся. Настроение его действительно улучшилось. Будущее обещало быть прекрасно. Так же как и для остальных, которые уже начали пить, и алкоголь приятно разливался по телу, воздействуя на рецепторы радости. Радости и счастья. Которого все они были достойны...

05. 08. 07 год.

Повесть

Раздвоение

«Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек».

Гоголь

Часть 1

Глава 1

Конечно, во многом мне было любопытно взглянуть на себя со стороны. Но я не думаю, что выдам такой уж секрет, если скажу что я давно уже так на себя и смотрю. Притом что тот, другой, совершающий поступки, которые еще недавно я мог с полным правом приписать себе... ну, мне кажется, что иногда я ему здорово симпатизирую. Не думаю, конечно, что так всегда, но иногда это действительно так. И что уж тут, как говорится, поделаться. Да это, быть может, и вообще следует принимать именно так. Хотя и, признаться, с недавних пор у меня все чаще появляется желание разобраться, почему так происходит. Ибо кажется мне, что это все со мной не надолго. А значит, я уже как вроде и обязан узнать, почему подобное со мной возможно.

.....

....

Меня зовут... Ну, предположим, меня зовут Ильин. В любом случае мое имя все равно никому ни о чем не говорит. А уж если иметь в виду тот вопрос, в котором я решил разобраться, то и вовсе, получается, совсем необязательно называть свою настоящую фамилию. Тем более если учитывать что я - это вроде как и не я вовсе.

.....

....

Я родился тридцать с небольшим лет назад. Впервые я почувствовал, что я - это, собственно, и не я - где-то после двадцати пяти лет после рождения. А значит вполне логично речь

о моем раздвоении (так я это назвал) вести где-то с того возраста. Но сначала видимо наиболее оправданным было бы описать мое состояние. Причем сейчас уже в какой-то мере стало легче. Я научился сосуществовать с тем, что является, на данный момент, неотъемлемой частью меня. А потому многое уже не вызывает у меня ни удивления, ни, тем более, тревоги. Тогда как раньше...

.....

.....

--Ты действительно собираешься об этом написать?-Сеня Ильин недоуменно посмотрел на свое отражение в зеркало.

--Подожди,--удивился я.

--Нет, ты действительно серьезно решился на это?-недоуменно переспросил Ильин.

--Ну, да,--стараясь оставаться спокойным, ответил я. -Причем, я не вижу что это должно вызывать какое-то твое удивление,--предпринял я намерение перейти из обороны в нападение. -А что?

--Да, нет, нет,--неожиданно быстро сдал свои позиции Сеня. -Мне просто показалось, что незачем еще раз вызывать то, что на какое-то время вроде как успокоилось.

--А быть может как раз и стоит это вызывать?-не сдавался я.

--Как хочешь,--буркнул Ильин.

--Нет, я серьезно,--не унимался я. -Может наоборот,--стоит как раз вызывать все эти состояния, еще раз пережить их - чтобы после этого разом избавиться уже от всего. Ну, по крайней мере...

--Я так не думаю,--неожиданно произнес Ильин.

--Что?-действительно сбился я, про себя пытаюсь оценить сказанное Ильным, и как бы по ходу докопаться до скрытого смысла, скрывающегося за его словами.

На удивление, Ильин больше ничего не говорил.

А еще через время - я и вовсе потерял его из вида. И что уж точно, у меня появилось предположение, что никакого разговора на самом деле и не было. По крайней мере, я его... не помнил.

.....

.....

--Совсем с ума выжил,--Семен Дмитриевич Ильин, тридцатидвухлетний старший преподаватель кафедры истории одного из СПб вузов, проснулся в своей холостяцкой квартире, и, свесив ноги с кровати, задумался о том, что же с ним все же происходит.

Выходило так, что в последнее время с ним происходили настоящие чудеса. И у него были все основания поверить что это так. Притом, что на самом деле было достаточно сложно очертить границы между сном и явью. Да и сама явь - тоже разделялась на несколько составляющих. Одну из которых он мог назвать явным вымыслом, другую - предположить, что это могло происходить в реальности, а вот третью... Третья как-то уж слишком напоминала происходящее во сне. Но ведь и во сне... во сне все было тоже, как минимум, не все ясно. Ну, например, что-то напоминало...

--Нет, это невозможно,--Ильин потряс головой, словно бы отгоняя навязчивые мысли. Хотя, по всей видимости как раз сейчас характер мыслей был такой, какой, быть может, ему и был необходим.

--Если бы все мысли были такими, то может и разобратся бы я что происходит со мной,--подумал Ильин.

И как только произнес он это, ему сразу стало легче. На удивление легче. Причем, казалось, как будто особого для этого не было. Или же наоборот - это еще раз доказывало, что не все, что происходит с его психикой, он может контролировать,-- подумал Ильин.

Тут надо бы заметить, что с Семеном такое бывало и раньше. Одно время он даже начинал серьезно побаиваться несоответствия собственных мыслей -- какой-то реальной ситуации. И даже не из-за того, что думалось ему совсем о чем-то нереальном. Как раз нет. Ильин был уверен, что его мысли и реальность нечто, на удивление, взаимосвязанное. Вот разве что убеждение подобного было не настолько полным, чтобы периодически у Семена не возникало сомнений, действительно ли это так. И у него даже создавалось впечатление, что начинал он обманывать сам себя. Ну, то есть, выходило так, что правда и вымысел переплетались, иной раз, таким удивительным образом, что вроде как и не было уже уверенности -- что есть что. И даже может -- хотелось бежать сломя голову, укрывшись в каких-нибудь потаенных уголках сознания, куда не смог бы никто достучаться; а значит была надежда, что хоть на какое-то время его оставят в покое.

Насколько это было бы оправданным? Особенно учитывая, что сам Семен даже не был уверен, что ему как-то по особенному хочется, чтобы это все было именно так. Почему-то было предчувствие того, что пройдет еще какое-то время, и все по настоящему может пойти совсем по иному сценарию. И ему уже

не будет настолько боязно копаться в собственной психике, в стремлении отыскать какие-то истины.

Глава 2

Все что происходило с Семеном -- было не совсем нормальным. Хотя и уже давно о какой-то нормальности ему хотелось забыть. Потому что у него появились более чем серьезные сомнения, что эта самая 'нормальность' действительно существует. И он предполагал, что понятия нормы значительно различается у каждого человека. Ибо не берем же мы откровенных психопатов, с которыми вроде как все ясно. В случае же с ним, -- понимал Семен, -- все намного сложнее и запутаннее.

И это также верно исходя из того, что по-настоящему кроме него самого помочь ему никто не мог. Не был способен. В этом Семен не сомневался. Это было также верно, как и то, что по настоящему всю тайну того, что с ним происходило, он никогда и никому не сможет доверить. Уж слишком это все было личным. Настолько личным, что все эти годы Семен вел несколько разноплановых игр. Можно даже сказать - несколько жизней. И по каждой из них он был отличный от себя же другого - человек.

Причем Семен иногда и сам терялся в вопросах того, где же он был на самом деле более искренен.

--Это видимо из-за того, что тебя окружает много разных людей, -- предположил Ильин, задумчиво рассматривая собственное изображение.

--Согласен, -- ответил я.

От неожиданности Ильин вздрогнул. Что бы он не думал, но он так и не привык, что о его мыслях знает кто-то еще. И все эти диалоги если и происходят, то...

Ильин встал, закурил, прошелся по комнате, открыл окно, вдохнул свежий ноябрьский воздух, снова закрыл окно, подошел к креслу, сел, вскочил, подбежал к окну, распахнув его - выкрикнул какие-то ругательства, снова закрыл окно, сел в кресло, и устало закрыл глаза. Ни о чем думать ему не хотелось. Это и вообще было спасением: ни о чем не думать. Причем подобное было возможно. Нужно было просто усилием воли заставить себя не отвечать на свои мысли (если те все же возникали), и вообще стараться хоть на какое-то время продемонстрировать абсолютную нейтральность по отношению ко всему.

И в этом заключалось настоящее спасение. Спокойствие, тишина, и порядок. Залог того что все будет в порядке. Ну а почему бы и нет? По крайней мере Ильин в этот верил.

.....

.....

Когда-то Ильин был маленьким.

Периодически возвращался в пору своего детства, Семен как бы по-новому, с позиции возраста, оценивал когда-то произошедшее с ним. И понимал, что большинство поступков ему надо было совершить по другому. Иначе. Причем, он даже не знал как? Просто иначе. Иначе чем то, что было раньше...

--В детстве ты был слишком глуп,--предположил я.

--Ну уж нет,--встрепенулся от неожиданности Семен.

--Именно так,--усмехнулся я. - И как раз именно тогда ты научился играть. Играть как с другими, так и с собой. И быть

может самое печальное то, что в какой-то момент ты перестал различать ситуации, где можно оставаться искренним, а где надо играть. Ты заигрался.

--Нет, нет,--закачал головой Ильин. - Что ты такое говоришь?

--Я говорю то, что ты знаешь и без меня,--спокойно ответил я.

На миг мне стало жаль Семена. Сейчас у него было такое выражение лица, что он явно запутался в происходящем. Быть может даже решил - что это очередная игра?

Мне показалось, что Семен что-то произнес.

Я переспросил что?

--Ты так считаешь?- устало повторил Ильин.

--Да. Я так считаю,-- ответил я.

--Ну подожди,--настойчиво попросил Ильин, словно я собрался уходить, а он хотел меня удержать.- Подожди...

--Я никуда не ухожу, и продолжаю тебя слушать,--заверил его я, стараясь выглядеть по возможности спокойным. Хотя по всему было заметно, что все происходящее уже начинало доставать и меня. И что уж точно, у меня осталось немного желания по настоящему разобраться с тем, что творится в душе Ильина. Хотя и, конечно же, мне хотелось чем-то ему помочь. Уж очень я чувствовал похожесть Ильина на себя. А в какие-то минуты мне даже казалось, что он -- это я и есть. Пусть и в несколько искаженном виде. Но ведь всякое бывает...

--Мне хотелось бы с тобой серьезно поговорить,-- посмотрел на меня Ильин.

Я хотел, было, как обычно согласно кивнуть, но понял, что этого, собственно, не требуется. Ведь если Ильин был я - то он все понимал и так. А если я не был им, то...

--Прежде всего, я хочу сказать, что ты во всем прав,-- произнес Ильин.

Я кивнул.

Неожиданно Ильин замолчал. А я тут же подумал, что вот он, собственно, и весь. Ничего разгадывать больше не надо. Все становится ясно и так. Да и давно уже все понятно.

Я поймал себя на мысли, что Ильин и вообще уже мог ничего не говорить. Ведь мы вполне способны были общаться без слов. Ну, хотя бы потому, что мысли друг друга мы понимали. И я уже мог сказать, что если он и я - суть один человек, то и мыслей у одного человека может быть вполне достаточно, чтобы не успевать даже ответить на них. А если общаются два разных человека, то тут уже возможна какая-то упорядоченность. Потому как один вопрос вы услышали, одновременно с этим можете думать о другом, и при этом еще попытаться придумать очередной ход какой-то своей игры. И так уж выходило, что это действительно так. Все и всегда было должным образом запутанно и многообразно.

.....

..

Можно было предположить, что на каком-то этапе своей жизни я мог вполне запутаться с тем, что со мной происходит. И если это еще не случилось - лишь говорит о том, что я на самом деле сопротивлялся. Сопротивлялся как мог. Хотя и, конечно же,

---

таких уж серьезных усилий не предпринимал. Ну, хотя бы, наверное, из-за того, что у меня все получалось и без этого.

Глава 3

Зрелые годы собственной жизни Семен Дмитриевич Ильин провел в городе. Тогда как детство - в деревне. И это были самые лучшие годы его жизни. Потому как там он был с полным правом предоставлен сам себе. И перед ним не возникало всех тех проблем, которые появились позже. Когда вдруг разом все оборвалось. И ему пришлось задумываться о многом.

Сейчас его поддерживала уверенность, что раньше у него был хороший задел в плане подпитки собственной психики эмоциональной составляющей, появляющейся в результате большого количества событий, происходящих перед ним и с его непосредственным участием. Причем, что было важно - все эти жизненные ситуации его прошлого - были окрашены исключительно в красочные тона. А значит, Семен Дмитриевич действительно мог ощущать их силу. И влияние, оказываемое ими, было и на самом деле исключительно положительно. А то, что происходит сейчас и будет происходить после - уже было не так страшно, потому что Семен Дмитриевич чувствовал за собой уверенность, которую успели заложить в него те, с которыми он общался. И прежде всего, конечно, его родители.

Сейчас родителей уже не было.

.....

Почему же так получалось, что Семену Дмитриевичу не совсем нравилось, что происходило с ним сейчас? И даже вполне может быть -- оно ему совсем не нравилось.

Но как бы уже ни было, он вынужден был смириться с происходящим. И что может быть еще важнее - он должен разобраться с тем, почему это все именно так происходило? Ведь если у него получится - ему не придется всю последующую жизнь мучиться от тех противоречий, которые, иной раз, переполняли его сейчас всего без остатка. И быть может даже - дальнейшая его жизнь пойдет по-другому.

Глава 4

Макар Выготский. Приемный отец Дмитрия Ильина.

После смерти сына, Макар Игнатъевич вернулся из Чехии, где жил, чтобы увидеть внука, сына Дмитрия, Семена.

Однако, на удивление, Семен отказался с ним встречаться. И это при том, что Макар Игнатъевич считал ранее, что дети его приемного ребенка (у Семена была сестра) должны относиться к нему если не с любовью, то, по крайней мере, с уважением.

Ошибся.

А я, узнав об этом, поинтересовался у Семена, почему же это все так?

Семен ничего рассказывать не стал. Но по интонациям в его голосе я понял, что он держит на деда какую-то обиду. И видимо это было настолько серьезно, что...

--К чему тебе это?-недоуменно посмотрел на меня Семен.-Неужели тебе обязательно нужно обо всем знать?

--Да,--признался я.-Наличие знаний -- пропорционально уверенности по отношению к жизни.

--А для меня здесь нет никакой взаимосвязи,--чуть подумав, ответил Семен.-Хотя, если бы даже и была - я бы тебе все равно ничего не сказал.

--Ну, чего ты так?-посмотрел я на Семена.-Я же не разведчик, и ты не партизан, чтобы выдавать мне какие-то тайны.- Мне просто жаль старика, приехавшего из-за границы, чтобы увидеть своего внука.

--Я его никогда дедом не считал,--признался Семен.-Да и к отцу моему он относился с таким пренебрежением, что у меня, если честно, совсем нет желания даже что-то слышать об этом человеке.

--Ну, может ты и прав,--согласился я.

Какое-то время поговорив с Семеном, я узнал и некоторые подробности его категоричности. Причем, как ни странно, я тут же признал, что он прав. Хотя и я все-таки за то, чтобы с возрастом прощать поступки, совершенные в молодости. Пусть и не все, но...

--Я просто не хочу с ним общаться,-- произнес Семен.-И если это возможно - давай закроем эту тему.

--Да, давай, конечно,--согласился я, про себя решив, что и действительно, надо ли и дальше мусолить вопрос о желании или нежелании кого-то с кем-то общаться.

.....

..

И все же я выяснил, что между ними произошло. И рассказал мне Макар Игнатьевич, оказавшись на удивление

приятным собеседником и достаточно милым стариком, совсем даже и не выглядевшим на свои семьдесят пять.

Когда-то Выготский вел подпольный бизнес в стране Советов.

За несколько лет до Перестройки, опасаясь ареста, он покинул страну, перебравшись сначала в Израиль, а потом в Чехию. В Чехии жила дочь Выготского. Лет десять назад дочь развелась со своим очередным мужем, и осела в небольшом городке на юге Чехии, в старинном особняке бывшего мужа. Туда же приехал Макар Игнатьевич.

Совсем недавно дочь умерла. И Макар Игнатьевич, спасаясь от одиночества и от чувства вины по отношению к приемному сыну, которого он когда-то бросил на произвол судьбы, приехал в Россию, с предложением к своему внуку (родных внуков у Выготского не было) перебраться к нему в Чехию.

Но внук с ним даже не стал встречаться.

--Как же это так?-всхлипывал старик.

Я как мог его утешил. А когда он ушел, неожиданно подумал, а почему бы и правда Ильину не перебраться за границу. Тем более что все равно, какого-то стабильного дохода у него давно уже не было (зарплату преподавателя он всерьез не воспринимал), да и, если честно, не чувствовал он такой уж вины старика. Многое могло когда-то произойти. А его дед был тем, кто когда-то воспитывал отца. Пусть, по мнению отца, и воспитание было достаточно условным, но ведь наверняка что-то было и хорошее. И уже за это почему бы... Ну, если не полюбить, то по крайней мере...

Семен Дмитриевич задумался. Ему и на самом деле не хотелось встречаться с Выготским. Как бы он того не хотел. Хотя и, конечно же, понимал, что любая его категоричность быть может была и не нужна.

Было и еще кое-что, что удивительным образом склоняло Ильина к мысли если не принять, то, по крайней мере, серьезно его рассмотреть.

Ильин вдруг подумал, что если он сменит обстановку, то вполне может быть, что у него исчезнут все те патологические состояния психики, о которых, нет-нет, да он все чаще вынужден и задумываться.

.....

....

Так ли на самом деле стоило задумываться обо всех этих состояниях - вопрос спорный? И вполне можно было допустить, что этим усугубляет он свое состояние (если допустить, конечно, что все эти состояния имеют место быть)? А значит, так ли уж серьезно ему стоит думать о них? Или все же есть какой-то иной выход из положения? Но тогда -- ищет ли он его? И так ли ищет, или же наоборот - сам себя погружает в пучину какого-то обмана? Причем стоило ответить на вопрос: не находился ли он в этом обмане и раньше? Да и насколько желает выбраться из него?

С Семеном Дмитриевичем такое случалось. Его мозг вдруг переполнялся вопросами, на которые он как ни стремился - ответить не мог. Был не в состоянии. По тому, как некоторые из вопросов явно противоречили уже заранее имеющимся ответам. А если эти ответы посчитать за нечто ошибочное - то тогда как бы

нарушается и все остальное. Причем ошибка была заложена в самих вопросах. Некоторые из них противоречили себе. И самым разумным, быть может, было совсем забыть что к чему. Не поддаваться влиянию...

Ильин в который уж раз готов был запутаться. Хотя и понял одно: если он оставит все как есть - то улучшения его состояния никогда не произойдет. И даже если предположить, что большую часть из того, что с ним происходило, на самом деле с ним не было, даже и тогда следовало остановиться именно сейчас. Он заигрался, и должен был подобное признать. Иначе...

--А иначе, зачем тогда жить?-готов был воскликнуть Семен Дмитриевич.

--Ты действительно связываешь с этим свою жизнь?-внимательно посмотрел на него я.

--А ты полагаешь - не стоит?-поинтересовался Ильин.

--Не валяй дурака,--строго произнес я.-Если ты видишь, что кто-то тебе собирается помочь - не надо от этой помощи отказываться.

Ильин посмотрел на меня как-то задумчиво.

--Мне еще никто не предлагал,--задумчиво произнес он.

--Ну как же,--хотел было воскликнуть я, да вдруг подумал, что быть может вот он и ответ. Сам Ильин не воспринимает отношения к нему других людей как помощь. И при этом, судя по всему, он, конечно же, не против, что бы эту самую помощь ему оказали. Ну а почему бы нет?

.....

.....

Ильин понимал, что на самом деле он затронул серьезную проблему. Но и при этом было ясно, что если он и сможет в чем-то разобраться - то это все будет происходить постепенно. И, конечно же, о каких-то быстрых сроках говорить не приходилось. Да это было и понятно.

Глава 5

Мне захотелось Ильину помочь. Причем где-то в подсознании я понимал, что помочь Ильину - почти означало помочь и самому себе. Хотя, конечно же, мне и не следовало быть столь категоричным, так уж сильно возвеличивая проблематику собственной патологии. Притом что касалось меня - у меня ее вообще не было. Мне приходилось каждый раз придумывать нечто похожее, чтобы говорить на одном языке с этими социопатами, одним из которых являлся Ильин.

Да и помимо Ильина было много чудиков. Невольное причисление меня к ним, конечно же, неправильно. Хотя и не сказать, что я совсем уж не имел с ними ничего общего. Просто так ничего не происходит. И это верно настолько, что не требует никаких доказательств. Хотя бы потому, что подобное утверждение является доказательством уже само по себе. И я не думаю, что возможно как-нибудь иначе.

.....
.....

И все же, мне было не так просто совсем уж абстрагироваться от Семена Дмитриевича. Чем-то этот человек мне был симпатичен. Может и правда - в нем я находил себя? Себя

другого. Не такого, каким возможно меня видит кто-то другой. Не такого, каким я себя хотел видеть сам.

--Странно все это,--задумчиво произнес я.

--Ты находишь?-Ильин внимательно посмотрел на меня.

Я кивнул.

Посмотрев на Ильина, я заметил, что Семен Дмитриевич продолжает наблюдать за мной, явно ожидая, что же я скажу нечто большее.

Но я решил промолчать, не считая, что так-то уж необходимы мои какие-то слова. А Ильин... Ильин видимо отчего-то на меня обиделся. Потому что он не только как-то быстро ушел, но и на какое-то время я совсем потерял его из вида. И лишь только много позже мы вновь стали общаться. Причем почти как прежде. Единственно что - каждый из нас уже знал, что думает о нем другой. И оттого... И оттого какой-то душевный теплоты между нами уже получится не могло. Да и никто из нас к ней не стремился.

Часть 2

Глава 1

Я на самом деле и не думал, что Ильин настолько окажется мнителен. Выходило так, что я этого человека как-то всерьез не воспринимал. Ну, может и на самом деле заигрался. Хотя я все же привык контролировать ситуацию. Пусть это мне удастся не в полной мере, но как мне кажется, так происходит только лишь из-за того, что существует много чего, где чувствую я и силу, и желание какой-то творческой реализации. А уже потому

- просто невозможно объять необъятное. Притом что к этому я все время стремлюсь. Желая, чтобы все выглядело так, как будто это действительно так выглядеть и должно. Ну и, по крайней мере, я не вижу, чтобы что-то должно в итоге получаться как-то иначе.

.....

.....

Ильин удивлял и одновременно обезоруживал какой-то своей простотой. Вам могло показаться, что вы его поняли, но потом он делал какой-то шаг, после которого вы готовы были признаться, что запутались. Или готовы запутаться, если станете воспринимать его как раньше, не внося срочные коррективы в ваше наблюдения за этим человеком.

Конечно, я не думал, что ошибался в этом человеке. С первых дней общения я почувствовал родственную душу, и потому характер моих последующих поступков был продиктован прочувствованием его. Ну и, конечно же, я оставлял право на ошибку. Как и с любимым человеком, с которым мне когда-либо довелось общаться.

Глава 2

Ильин был личностью достаточно противоречивой. Казалось даже, он мог совершать поступки, которые противоречили ему; в плане сложившегося о нем мнения.

Но уже в другой раз, Ильин совершал нечто, обратно пропорциональное тому, что было доселе. И потому у поверхностного наблюдателя за Семеном Ильиным могло сложиться вполне противоречивое мнение о нем. Тогда как, вы-то знали - что он за человек. Где он говорит правду. Где обманывает

вас. Хотя, если честно, где это по настоящему так - до конца я не был уверен.

.....
.....

--Ты не боишься когда-нибудь запутаться?- спросил я как-то Ильина.

--Запутаться в чем?- недоуменно посмотрел на меня Семен Дмитриевич.

--Ты серьезно?- задал я вопрос Ильину. Я знал за Сеней такое. Желание прикинуться дурачком. И уже с позиции этого - дурачить других.

Подобная черта в Семене Дмитриевиче не нравилась не только мне. Да, вы можете в соответствии с каким-то своим планом выглядеть дурачком - но только в случае, если окружающие действительно не замечают этого. Если же они поймут, что вы над ними просто насмехаетесь... Ну, в общем, не хорошо это. Очень даже не хорошо.

И я думаю, что Сеня это понимал. Хотя, видимо, иногда его заносило. Но когда человек обнаруживал подвох - с Ильиным он просто переставал общаться.

.....
Вообще конечно удивительно, что этот человек настолько казался противоречивым. Вопрос - насколько он понимал сам -- что такой? Потому как, если возникал у меня этот вопрос, то означало это, что по крайней мере у меня возникали некоторые сомнения что это так. И почему же тогда такие вопросы не могли бы возникнуть у кого-нибудь другого?

Хотя у самого Ильина они вполне могли и не возникать.

Глава 3

Мне, видимо, здесь бы следовало остановиться.

Противоречия, возникающие в душе, и которые - пусть и с трудом, но мне удалось загнать куда-то вглубь подсознания, могли в любой момент сыграть со мной злую шутку. При этом, что могло получиться в этом случае -- было более чем серьезным вопросом, который я способен был задать себе.

Но так уж выходило, что я не всегда был уверен, что должен вмешиваться как в происходящее, так и в то, что только должно было произойти. А потому случалось, что я отпускал поводья. А сам делал шаг в сторону. Желая понаблюдать как бы со стороны.

Хотя и уже сейчас понимаю, что часто я слишком доверчиво относился к людям. Заигрывался. Считаю, что они вполне смогут справиться и самостоятельно.

Тогда как на самом деле у них ничего не получалось. Причем до последнего никто мне в этом не признавался. И лишь когда я уже понимал, что и действительно все слишком затянулось - только тогда я предпринимал достаточно решительные шаги, которые могли свидетельствовать о моем желании докопаться до самой причины: почему так все происходило.

.....

Сене Ильину вдруг захотелось сменить имидж. Сменить восприятие о себе. Чтобы даже те, кто достаточно близко его знал - в какой-то момент признались, что перед ними совсем другой человек. А где же мальчик? Перед вами не мальчик, но муж.

.....

Когда через время Ильин предстал передо мной, я мог отметить, что он действительно изменился. Начиная с внешности, и заканчивая манерой говорить, это был другой человек. Он даже стал чуть выше (туфли на каблуках). Отпустил бороду, усы, перекрасил волосы. Надел очки. Казалось, перед вами и действительно другой человек.

Однако надолго Ильина не хватило. Постепенно то, что сидело в нем - взяло вверх. И Ильин, как не сдерживался, не смог оставаться достаточно серьезным, когда перед ним оказывались настоящие дураки. Ведь дураки, которые мнили себя слишком умными, всегда вызывали в Семене произвольный смех. А там где смех, там и насмешливое отношение к людям, вызывавшим этот смех.

И с этим ничего нельзя было поделать. Да и зачем? Если перед вами и впрямь дураки, желающие показаться умными?

Глава 4

--Ты знаешь, а я, по-моему, проиграл,--с каким только мог удрученным видом как-то произнес Семен, опустив вниз глаза.

--Что случилось?- не сразу понял я.

--Ну, понимаешь, я почувствовал что как-то заигрался в этой жизни,--признался Семен.-Я хотел играть одну роль, а вместо этого по ходу действия все время забывал сценарий.

--Неужели так все серьезно?- задал я очередной вопрос, в надежде что Семен мне все-таки расскажет в чем дело.

--Да нет,--вздыхнул Семен.- Просто я понял, что мне не следует так-то уж доверять людям.

--Стоп-стоп-стоп,--предупредительно я выставил перед Семеном обе руки с развернутыми к нему ладошками.- Речь, вероятно, идет не о двух людях. Я уже давно понял, что при желании довериться кому-то (а это желание живет, конечно, не у всех людей, но у нас с тобой вероятно) следует как минимум достаточно четко разделять других людей на тех, кто действительно искренне выслушает вас, и не тех, кто захочет использовать ваши откровения в свою пользу. Причем, со временем это также может обратиться против вас. Вот в чем дело. И тут следует быть достаточно внимательным. Понимаешь?

--Понимаю,--тяжело вздохнул Семен.

--Нет, нет, обрати внимание, что, разочаровавшись раз - не стоит после этого никому не верить,--сказал я.

--Да я понимаю,--с трудом улыбнулся Сеня.- Вот только, знал бы ты как хочется теперь послать мне всех на...

Мы дружно рассмеялись, и поговорив еще с пару часов, я немного успокоился, поняв, что мне удалось как-то разгладить Сенино настроение. Хотя и насколько это было так, я до конца не знал. Но мне хотелось верить в хорошее. И хочется верить до сих пор...

05. 02. 07 г.

повесть

Найти себя

«Не нахожу себе места. Словно все, чем я владел, покинуло меня, а вернись оно - я едва ли был бы рад».

Кафка

Пролог

Мне не хотелось верить, что это на самом деле произошло. Как-то до последнего я оттягивал этот момент. Пока у меня не получилось. И я каким-то образом посчитал, что это и на самом деле так. А через время уже и не задумывался: реальность ли все это, или моя фантазия? Мои фантазии и воображение. Потому, что касалось воображения, то я и на самом деле мог придумать черт знает что. И даже со временем сам начать верить, что это так. Вот ведь как...

.....

Я не думал, что это на самом деле так.

Но это касалось только моего сознания. В то время как на самом деле я уже и сам запутался, почему подобное могло произойти. И даже получалось, что чем больше я думал об этом, тем более сам себя загонял в рамки какой-то ирреальности происходящего. И это при том, что до конца не верил, что это на самом деле какая-то ирреальность. Правда и в то, что это могло произойти в реальности, я не верил тоже. И тогда уже мне оставалось просто забыть об этом, и начать жить. Но как я мог жить? Тем более, что так жить я уже не мог. И ощущение что я все-таки делаю что-то не то, все больше начинало довлеть надо мной. Пока я не приказал себе успокоиться. И на самом деле признать, что ничего не было.

Но что-то ведь было?..

Глава 1

Я приехал в город, в котором не был уже давно. Я ходил по его улицам, и не узнавал их. Я заглядывал в лица прохожих, и они казались мне чужими. Я не узнавал ни город, ни людей, населявших его. Я отчего-то был уверен, что и город и лица его жителей должны быть другими. Какими? Я не знал. Еще в поезде я бы смог ответить на этот вопрос. И даже дал бы, если потребовалось, расширенный ответ. Но стоило мне попытаться сформулировать этот ответ сейчас - и я растерялся. Я не мог. Приходящие ко мне мысли не имели ни начала, ни конца. Казалось, что они и вовсе приходят сами собой. И что было самым печальным - я не чувствовал, что это плохо. Мне почему-то показалось, что так все и должно быть. Что, в общем-то, ничего и не изменилось. А лишь только я стал другим.

Но вот в том-то и дело, что я-то знал, что я был тот же самый. И если что-то и изменилось во мне, то я этого не заметил. Ну, как-то получилось, что не среагировал вовремя. И оттого какое-то время, попытавшись сфокусировать внимание на происходящем, совсем скоро уже вынужден был признать, что у меня ничего не выходит. И мне необходимо было принимать жизнь такой, как она была. В том числе и со всеми теми странностями, которые я ощущал сейчас. Ну а что я еще мог поделаться?

Я ходил по улицам города, и не узнавал город. Все изменилось. Я совсем не обращал внимание, что прошло десять

лет и вполне логично, что город изменился. Появились какие-то новые постройки вместо прежних.

Постройки здесь были не при чем. Говоря об изменениях, я имею в виду совсем другие изменения. Совсем другие.

Но самое печальное по-прежнему оставалось то, что я не понимал какие. И я, быть может, и вообще ничего не понимал. И даже не догадывался, что что-то было (и будет?) возможным.

Я словно находился в информационной блокаде. В яме, -- еще верней. И мне оставалось только догадываться, что на самом деле происходит.

Впрочем, я себе уже дал слово разобраться, что происходит. И был уверен, что это у меня получится. Пусть и не сразу...

Глава 2

Честно признаться, разбираться ни в чем не хотелось. Я словно неожиданно почувствовал дикую усталость. И наверняка даже не мог толком сформулировать, в чем заключалась проблема. А в том, что она была, я не сомневался. Ведь это только на первый взгляд все казалось странным. Но ведь я не идиот. И понимал, что если эту странность не замечает никто кроме меня, значит дело во мне. И значит... Я боялся даже подумать, что бы это значило.

Просто каким-то образом я провалился в пропасть. Но не погиб. А находился где-то внизу. Там где наверняка тоже жили какие-то люди. Но так выходило, что я их не понимал. И даже, что касается меня, то я бы мог к ним приспособиться. Но то, что меня бы они не поняли, я был уверен. И лишь поначалу только сомневался, но стоило мне задать (быть может даже самому себе)

пару-тройку наводящих вопросов - как все проваливалось в тартарары. И что уж становилось точно - ни в чем невозможно было разобраться. Так же как никому и нельзя было верить. И самое интересное, -- что я не мог допустить, чтобы об этом догадались другие. А потому устало нес свою маску, играл свою роль. Но... Я не знал, чем все должно было закончиться. Не помнил. Притом что, иной раз, вообще сомневался, а будет ли этот конец.

.....
.....

Со временем я узнал, что в своих страданиях не одинок.

Каким-то (практически независимым от меня) образом я почувствовал, что в городе, куда я приехал, есть еще люди подобные мне. Которые почти точно также мучаются непониманием ситуации, в которой оказались. Так же как и я -- испытывают тревогу, беспокойство, и быть может даже страх. И что нас еще объединяло - это удивительное нежелание прекратить собственные страдания. Ведь казалось, что может быть проще. Бери да уезжай.

Но нет. Или это действительно было слишком просто. Или же мы все хотели разобраться, найти причину, справиться с ней. Ну и зажить после этого обычной жизнью.

.....
.....

Я как-то быстро понял, что на самом деле обычной жизни у нас уже не будет. Ну, или мы потеряли способность различать эту самую обычную жизнь. И ответить на вопрос: какая она? - тоже не могли.

Мне хотелось удавиться.

Мне хотелось начать громко ругаться. Матом.

Мне хотелось... Черт его знает, что мне на самом деле хотелось. Хотелось многого. Вопрос был - как научиться отделять зерна от плевел.

Когда-то я это мог. Но почему-то сейчас был убежден, что в полной мере этого мне уже никогда не удастся. Притом, что я ведь вполне мог и не страдать. Мне можно было свыкнуться с реальностью, в которой я оказался. Как-то приспособиться к другим. Попытаться (и я был уверен, что у меня получится) вписаться в эту жизнь. Начать жить - этой жизнью. И побыстрее отбросить все тревоги да сомнения. Они мне были не нужны. Они только оттягивали меня назад. Они...

Я уже знал, что так не мог. Я уже знал, что буду или продолжать страдать; или же сумею переломить ситуацию. Повернуть ее (ну или уже вернее - перевернуть). И тогда все пойдет по-другому.

Мне почему-то показалось, что у меня получится.

И я решил пока остаться в этом городе. И действительно во всем разобраться. Ну а почему нет?

Глава 3

Почему нет? Я задавал себе подобный вопрос, и по-прежнему не находил ответа. Я стремился, во что бы то ни стало, докопаться до сути. Мне уже попросту стало интересно, что же на самом деле происходит. Почему я вдруг стал таким образом воспринимать ситуацию. Почему все это было так, а не иначе. Почему - почему - почему?..

Чем больше я задавал вопросов, тем больше у меня появлялось ответов. На каждый вопрос их было несколько. А потом они множились в геометрической прогрессии. И все их я держал в голове. И помнил. На удивление помнил. Помнил все и вопросы и ответы. Притом что ни один из ответов мне не подходил. Я просто не мог себе позволить принять их. Почему? Да, знали бы вы, какие это были ответы! Слыша их, мне хотелось ругаться. Слыша их, мне хотелось начать все крушить. Но я нисколько не переживал. 'Ничего,-- говорил я себе.-- Если все происходит так, значит просто еще не время'.

И при этом я знал, что это время когда-нибудь наступит. И я наверняка почувствую это. Вот только когда это произойдет?..

Глава 4

Случалось, я не верил в себя. Ну, точнее, переставал верить. Притом что, конечно же понимал, что подобное не должно было происходить. Мне нельзя было сникать и сдаваться, если я решил остаться в этом городе. И требовалось разобраться, что же здесь происходит?

.....
.....

Я требовал от себя -- начать разбираться. И вдруг в какой-то момент понял, что город-то какой был такой и остался. А вся проблема во мне. Потому как это именно я изменился. Стал другим. И вполне разумеется, что смотрел на мир уже другими словами.

'Так считать было бы слишком просто,-- сказал себе я.- Ты не имеешь права считать так'.

Я вынужден был сам с собой согласиться. Ведь я действительно не стремился к какой-то простоте.

И это, наверное, было самое главное. Потому как означало, что разбираться с этим мне предстоит вечно. Ну, по крайней мере, очень-очень долго.

Очень долго. Но почему-то я по этому поводу не переживал. Я знал, что разберусь. Справлюсь.

Я просто знал себя. Но и точно так же я знал, что стоит мне уверовать, что дело особой сложности не представляло, и я сразу терял к нему интерес.

Свой интерес я берег и лелеял.

Мне не хотелось с ним расставаться. Я собирался подойти с другой стороны. Разобраться в себе. И решил остановиться на этом. Ну а остальное покажет будущее.

Глава 5

Как ни странно, будущее мне ничего не показало. И показывать не собиралось. А мне вдруг подумалось, что стоит попробовать не обращать ни на что внимания. И считать словно бы ничего и не происходит.

И я как-то быстро уверовал, что это и есть выход из положения. Пока не понял, что никакой это и не выход. А бегство. И, наконец, не этого ли я опасался в самом начале? Не от этого ли все остальные жители и не замечали того, что обнаружил я. Ибо просто-напросто они свыклись с происходящим. Поэтому и казалось им, что ничего не происходит. А мне... Мне уже ничего не казалось. Я вдруг понял, что просто запутался. И мне не так-то просто будет что-либо понять. И в голову уже стали лезть

откровенные глупости. И я почувствовал, что глупею. Просто глупею. И это было самое страшное.

.....
.....

Я все это выдумал. Ничего на самом деле не было. А было только абсолютное безобразие. Ибо я уже ничего не понимал. Я вообще в какой-то момент перестал все понимать. И почему-то уже считал, что так все и должно быть. Пусть это и как-то было временно, что ли.

.....
.....

Мне не нравилась эта 'временность'. Мне вообще все перестало нравиться. А ведь при этом я был уверен, что все так как сейчас - оставлять нельзя. И мне необходимо было все же за что-то зацепиться в своем понимании. Тогда бы, я полагал, и разобраться во всем стало бы гораздо легче. Ну, примерно так.

Глава 6

Примерно я не хотел. Я решил чаще бывать на улице. Понимание происходящей ситуации, как я полагал, должно было придти ко мне само. Словно бы независимо даже от моего какого-то желания.

Притом что желание в чем-то разобраться у меня было огромное. И оно каким-то удивительным образом проецировалось на все, чего я касался. Ну а так как в этом городе я все же продолжал жить какой-то жизнью, то оно и проецировалось на мою жизнь. И каким-то образом затрагивало и всех людей, которые мне встречались в этой жизни.

.....

.....

Странно, но отношение к людям у меня было двойственным. С одной стороны, я все время старался от них дистанцироваться. А с другой - наоборот.

Бывали времена, когда мне непременно необходимо было общение. Без общения я чувствовал тревогу и неудобство. И я общался. Общался, зная, что это мне поможет. Общался, зная, что в многочисленных диалогах я найду истину.

Истину... Я повторил это слово, словно пытаюсь распробовать его на вкус. Я ведь и действительно искал истину. Причем даже не то, что я это понял только сейчас. Я об этом знал. Но видимо знать и понимать -- еще совсем не выход, но разрешение загадки. Если предположить, конечно, что загадка на самом деле существовала, а я ее не выдумал.

Я многое способен был выдумать. Мог даже выдумать себя. При этом сам зная о своих способностях -- ничего выдумывать я не хотел. Да и, если честно, не собирался.

Глава 7

Однако ситуация в какой-то мере могла показаться парадоксальной. Ведь если мне это все осточертело, то что, собственно, тогда я в этом городе делаю? Тем более что здесь у меня никого не было. Я снимал номер в гостинице. Нигде, разумеется, не работал. Так что, по большому счету, меня ничего с этим городом и не связывало. Ну, может за исключением того, что когда-то я здесь все-таки жил. Родившись в другом городе, я первые семь лет жил именно в этом городе. А уже потом переехал

в тот город, в котором родился. Чтобы еще через семь лет - вернуться обратно. И прожить без малого десять лет. После чего уже как будто уехать навсегда. Но получалось, что все равно вернулся. Хотя пока еще о возвращении говорить было рано. Мне хотелось осмотреться. Хотелось, чтобы на меня нахлынул поток воспоминаний из прошлого. Хотелось, хотелось, мне многого хотелось. Еще на большее --я надеялся. И каким-то образом верил во все эти надежды.

.....

У меня было предчувствие, что в чем-то я все же ошибаюсь.

Я словно бы угадывал ошибку. Ошибку, которой, по сути, быть не должно. Ведь я уже пришел к заключению, что какое-либо мое чувство - есть ничто иное, как проекция бессознательного. Именно так это следовало понимать. Именно к этому я сначала склонялся, а потом уже и принял бесповоротно.

Да так и на самом деле это было. И уже отсюда, получается, что все стремление разобраться с самим собой на самом деле никуда могло и не привести. Я только сначала оттаивал; чтобы потом начать демонстрировать исключительную зажатость.

И уже во всех моих словах сквозила исключительная недосказанность. И словно бы ничто не говорило за то, что действительно удастся в чем-то разобраться.

Я не верил себе. Я вдруг как-то быстро перестал верить себе. Так же, как уже давно не верил в судьбу. И в какой-то миг мне казалось, что меня окружает пустота. Пустота и недопонятость.

Ну это, по большому счету, было не так страшно. Я словно бы неожиданно это понял. И уже после этого я стремился выбраться из ситуации, которая меня окружала. И при этом словно бы в надежде продолжал верить, что я на самом деле что-то и не понимаю.

И уже словно бы и случайно мне удавалось всякий раз отыскивать нечто, что мне действительно помогало считать так. А значит, мне становилось легче воспринимать эту действительность. И я уже нисколько не считал, что все так плохо. Даже может быть наоборот. Иной раз считал и обратное.

Глава 8

Думать о чем-то плохом мне не хотелось. Тем более, что в какой-то момент все что было необходимо и про себя и про город я понял. В первую очередь про себя. И вскоре, после того, как понял, разобрался и с другими, уже было начинавшими мучить меня, вопросами. Я просто понял, что никаких этих вопросов не существовало. Я их выдумал. Точно так же как выдумывал достаточно многое в этой жизни. И даже на каком-то этапе принялся жить в этом выдуманном собственном мире. И мне это нравилось.

.....

Но потом все возвратилось обратно. И я уже казался идиотом -- себе вчерашнему. Все что раньше казалось смешным - раздражало. А все что могло вызвать тревогу - успокаивало.

Мир в моем представлении словно бы перевернулся с ног на голову. И я знал, что какое-то время мне придется пребывать в подобном состоянии. Чтобы потом...

Сложно было загадывать, что будет потом. Притом что, вполне могло так случиться, что никакого «потом» и не будет. И я уже, если честно, и не знал, что мне думать.

Так же как и прежде, я мог думать всякое. Практически все, что придет в голову.

Случалось, приходилось бояться некоторых мыслей. Правда, я тут же старался их переключить на что-то; заменить другими. Но могу признаться, что не всегда мне это удавалось.

.....

....

А вскоре я начал догадываться, что вызвал подобные состояния сознательно.

Просто так получалось, что без них я уже не мог. Нет, все же мог, наверное. Но и при этом достаточно желал избавления от страданий. Хотя и отдавая отчет, что это была своеобразная игра. Что все надуманно и вычурно. Не по настоящему. А 'по настоящему'... Я наслаждался страданиями. Я нырял в пучину беспросветности; словно невзначай звал о помощи; и уже знал, что даже самая оперативная помощь мне не поможет. Мне она попросту была не нужна.

И ведь неправда было, что я хотел страдать. Совсем нет. Страдать и мучиться я не хотел. Можно даже предположить, что для меня это было совсем неинтересно. Да и не ждал я, если честно, от судьбы благословений. Я принимал жизнь такой, как

она была. И наличие страданий в этой жизни предполагалось. Просто предполагалось.

И уже почти точно таким же незыблемым условием наличия страданий была необходимость сосуществовать с этими страданиями. Причем правила приличий предполагали, чтобы я не игнорировал эти страдания. Я как бы вынужден... Нет, уже получается и не вынужден. Я просто не мог поступать иначе. Не имел права.

Ну и страдал, получается, уже от этого. А что мне еще оставалось?..

Глава 9

Конечно же, я мог предположить что ошибался. И я, в который уже раз пустился в свое путешествие по этому городу. Мне хотелось разобраться: действительно ли в чем-то мой взгляд был ошибочен? Причем, где-то в глубине души, я в это не верил. Иногда я даже был убежден, что подобного не может быть. Ибо, как говорится, не может быть никогда. Ну, я просто не мог предположить, что все мои недавние предположения глупость. А выводы, которые я с таким усердием выстраивал, несли в себе исключительно одно: ошибку.

В подобное мне верить не хотелось. 'Жизнь слишком коротка,--говорил я себе,--чтобы в ней еще и ошибаться'.

Мне захотелось чтобы, в общем-то, ничего подобного и не было. А вся эта выстраиваемая цепочка нелепых суждений как раз и оставалась такой. Нелепой. Причем, чем больше думал я уже об этом, тем больше приходил к совсем другим выводам. И убеждался, что чего-то такого на самом деле и не происходит. Не

происходило никогда. И никогда не произойдет. А все что уже было... Я не знал, на что это необходимо было списывать. Догадывался лишь, что надо. И обещал себе найти причину чуть позже. Когда действительно все каким-то образом упорядочится. И уж, по крайней мере, будет не так как прежде.

.....
....

У меня начиналась другая жизнь. Я вдруг понял, что все должно быть иначе. Что необходимо не только взглянуть на жизнь другими глазами, но и начать жить по-другому.

Сложно? Сложно. Возможно? Возможно.

Мне было уже тридцать семь. Почти пятнадцать последних лет я работал помощником различных депутатов. За это время депутатом уже мог стать сам. Не хотел. Я хотел заниматься наукой.

У меня были написаны две диссертации. Ни одну из них я так и не защитил.

У меня были готовы пять монографий. За все время я опубликовал лишь несколько выжимок из них, уместившихся в ряд статей. Как вроде бы и ничего не значащих статей. Потому что то, над чем я работал, возможно было оценить только если прочитать мои труды в целом. И ведь получается, я по каким-то причинам скрывал их от общественности. Я не публиковал их даже в интернете. Причем периодически получал приглашение издаться в том или ином научном журнале. Или выступить на конференции.

На различных конференциях, собраниях и форумах я выступал. Выступал много. Некоторые мои выступления

транслировали по радио. Мой папа был член-коррром, а мама работала редактором информационных программ на одном из частных каналов. Папа способствовал моим приглашениям на конференции. Мама - на радио. Выступать на телевидении я не хотел. И не потому, что скрывал свою внешность. Хотя, быть может, и поэтому тоже. С людьми, присутствующими на конференциях в обычной жизни я не общался. Не потому что не хотел, а просто мы как-то не пересекались. Я стремился чтобы о моих увлечения в той области науки, в которой я практиковал, знали как можно меньше близких мне людей. Почему-то я был уверен, что должен здесь хранить какую-то тайну. Почему? Зачем?

Чем чаще я задавал себе подобные вопросы, тем чаще запутывался сам. Почему-то выходило так, что я не стремился даже разобраться, отчего подобное становилось возможно. Ведь наверняка, если бы я задался целью выяснить это - я бы выяснил. Но меня вполне устраивало и то, что было. Вполне устраивало. Притом что, случалось, я начинал ругать за это себя. А потом успокаивался, понимая, что ни к чему это на самом деле не приведет. И я способен буду лишь еще больше запутать себя. А этого я не хотел.

Мне вообще иногда трудно было разобраться, чего же я хотел. К чему стремился.

Впрочем, стремления мне-то как раз были известны. И, наверное, только оставалось найти оправданность этим стремлениям. Предполагая, что дальше все будет значительно легче.

Дальше легче не будет. Я это знал. И потому просто подстраивался под то, что было. Раз навсегда признавшись себе,

---

что ничего не изменится. А чтобы никогда не падать духом -- я приучил себя смотреть на мир в несколько иной плоскости, чем, быть может, это надо было. И со временем уже так к этому привык, что просто опешил, когда, случайно возвратившись в город детства, не узнал его. Но и действительно: не он изменился, а изменился я. И став другим, я просто этого не заметил. И произошло все как-то незаметно (даже, может быть, слишком незаметно) для меня. Так, что если бы мне предложили что-либо изменить, я бы не согласился. Совсем не предполагая, что все уже изменилось. И все что мне оставалось, это свыкнуться с той реальностью, которая была. Ни больше, ни меньше. То есть, начать жить какой-то новой, и по сути не совсем обычной жизнью. Не обычной для моего нового восприятия этой жизни. Тогда как вообще самое главное было это то, что мне необходимо было жить. Жить, не обращая внимания на условности, воздвигаемые самой жизнью.

Мне даже не требовалось отвечать ни на какие вопросы. Что было практически однозначно - я бы все равно не смог на них ответить. Так выходило. А я этому не противился. Смирился. Можно сказать смирился. Притом что периодически в душе назревали протесты.

Но они были не существенны по отношению к действительности. Да и, по сути, не нужны мне. А сам я уже понял, как следовало себя вести. И все, что было необходимо - удержаться в подобных рамках.

Глава 9

Мне необходимо было начинать жить по новому. Ну, или еще вернее - по другому. Иначе, другими словами, чем было доселе.

Однако, как ни крути, не делать какие-то решительные шаги не хотелось. Да и как я мог так-то изменить жизнь.

Разве что...

Мне пришла в голову идея ограничить лишь свое восприятие мира. Не меняя его.

Пусть он находится в тех рамках, в которых и существует. Зачем мне изменять его. Я ведь не революционер.

И тогда уже все, что мне оставалось - изменить свое восприятие действительности. Хотя, признаться, оно и так уже заметно отличалось от того, что было на самом деле. И я видел нечто большее.

Что? Что я видел? Ну, здесь-то ответ как раз достаточно прост. Я видел то, что хотел увидеть. И игнорировал что-либо болезненное для моей психики.

'Ну и пусть что мир мой иллюзорный', --считал я. Понимая, что это, быть может, вообще единственный выход из положения. Да и разве могло быть как-то еще иначе?

.....

Окунувшись в совсем новую для себя действительность, я почувствовал, что начинаю изменяться не только внутренне, но и внешне. Я изменил внешность, походку, речь. И стал вести себя уж совсем даже по-другому.

И все было так, словно так и должно было быть. Ничего уже не требовалось ни менять, ни чем-то дополнять. Все словно бы встало на свои места.

И самое удивительное, что все это мне нравилось. Я словно бы стал сам собой. И наслаждался подобным состоянием.

Я наслаждался подобным состоянием пока не понял, что я, в общем-то, глубоко патологическая личность. И мне попросту не удастся убежать от себя. Но знаете... мне так понравилось это мое новое состояние, что я уже не хотел ничего менять. Меня все устраивало.

И я решил оставить все как есть. Чтобы я о себе при этом не думал...

01. 11. 06 г.

повесть

Последнее откровение

«Воспоминание - основная и истинная стихия несчастного...».

Серен Кьеркегор.

Предисловие.

Столь странное название дал я.

Не сказать, чтобы оно мне как-то понравилось. Но вышло так, что назвать как-то иначе то, что довелось читать мне - я не решился.

Эта тетрадь дошла ко мне через многие руки. Многим из тех, у кого она побывала, я не верил точно также, как и тому, кто, собственно, передал ее мне. Но так уж вышло, что самому автору я верил. И не по каким-то особым причинам, а тем более личным

симпатиям к нему самому. Его я не знал. Но уже читая (причем, помнится, даже на само чтение решился не сразу) понял, что, быть может, впервые за многие годы читаю самую настоящую правду. Самую откровенную правду. Какой бы жестокой эта правда не была.

Потому что эта правда - сама жизнь. И человек, описавший ее - описывал свою жизнь. Быть может не всю. Всего лишь какой-то отрезок из собственной жизни, простиравшийся между его 18 и 30 годами. Всего 12 лет. Сознательно отброшено детство. И исключено будущее. Потому что будущего у того человека нет. Почти сразу после того, как исписанная им тетрадка начала свое хождение к своему последнему адресату (коим являетесь, по всей видимости, вы, потому как я решил предать гласности то что увидел), этого человека повели в его последний путь. На расстрел. И все эти 'откровения' написаны им в камере смертников. В ту пору, когда еще существовала в нашей стране смертная казнь, и не задолго до того, как на нее ввели мораторий.

Я не стану вдаваться в суть того, за что его обвиняли. Хотя признаюсь, что после прочтения я тщательно изучил его уголовное дело. И оно мне уже изначально показалось сфабрикованным настолько, что я решил для себя сделать все, чтобы оправдать этого человека.

И его действительно оправдали. Причем даже раньше, чем мне удалось доказать его невиновность. Потому что в суд пришел настоящий преступник, совершивший те преступления, в которых обвиняли моего подзащитного.

Точнее - почти моего, потому что я взялся только реабилитировать его память. Адвокатом же у него был мой брат.

Который проиграв процесс ушел из адвокатуры, и фактически разочаровавшись в обществе (и тех законах, которые в нем правят) отошел от мирских дел, уйдя в монастырь.

Перед самым 'уходом' он мне передал эту тетрадь. Практически без слов. Но я понял все по его глазам.

И все же что-то помешало мне сразу открыть ее. А когда время пришло - я стал уже корить себя, что не сделал этого раньше. Хотя мог бы я действительно что-то сделать? Если не удалось это брату, который в своей профессии всегда был лучше меня.

Но у меня уже не было иного выхода. А так как уже ничего нельзя было вернуть (тот человек был расстрелян), я понял, что должен сделать хоть что-то для него. Для его памяти. И 'лучшим' -- посчитал добиться опубликования тех строк, которые он писал в тюрьме.

К тому времени когда все закончилось (и бывшего подзащитного моего брата оправдали) я уже работал в прокуратуре по надзору за правоохранительными органами. Мне казалось, что если мы не можем спасти невинных, то хотя бы должны следить, чтобы изначально из действительно невиновных - не делали преступников.

И что-то мне действительно удалось добиться.

Ну, а что до тетради... тетрадь я отнес своему еще одному брату. Который работал в издательстве, и частично был в курсе произошедшего.

Я попросил его опубликовать ее. И он мне обещал это сделать...

и.о. прокурора по надзору одного из районов СПб.,
Андреев В. Г.

День первый.

'Я не знаю, волен ли я обвинять кого, что так
произошло?..

Наверное, нет.

Да и кого?.. Судьбу? Нелепо. Бога?.. Не знаю, услышит ли
он?.. Да и есть ли?..

Впрочем, сейчас я, быть может, в него еще верю. Хотя бы
потому, что еще живу; и быть может даже надеюсь, что высшую
меру заменят каким-нибудь сроком.

Любым сроком, который для меня будет означать, что
мой жизненный путь не прервется, а моим судьям позволит... Хотя
достойны ли они какого-то снисхождения, обрекая на смерть
невиновного?.. Но я сейчас не об этом...

Так получилось, что я почему-то всегда верил в какую-
то свою исключительность.

Была ли эта вера на чем-то основана? Скорей всего нет.
Но я почему-то верил в свой какой-то иной путь. И мне казалось,
что это не только так, но и не может быть иначе.

Первые сомнения пришли в 18-ть. Тогда учился на
первом курсе института, в который поступил лишь только по
настоянию родителей, да быть может еще от какой-то почти
неуловимой уверенности, что для моей 'миссии' на этой земле
высшее образование будет необходимо.

Когда в 19 я уже оставил институт (с большим трудом заставив себя перейти на второй курс) я уже, наверное, так не думал.

Мне бы, быть может, найти действительно вуз, в котором бы я хотел учиться... Но что-то помешало мне это сделать (институт я все же закончил, но много позже). И это действительно было потом. А тогда?.. Тогда на меня нашла волна каких-то необъяснимых 'исканий себя'...

Что я по-настоящему искал? Что желал я? Сейчас уже понимаю, что это был по-настоящему путь в пустоту. Но вот тогда? Да и можно было бы по настоящему отмотать сейчас 12 лет жизни, чтобы оказаться в том времени... Но согласился бы я?.. Я не знаю, что вынудило бы меня по-настоящему согласиться на это. Быть может стремление как-то изменить судьбу? Заставить себя прожить другую жизнь? Потому что на самом деле, быть может только сейчас я понимаю, что по настоящему-то и не жил все это время. Я лишь только 'подходил' к какому-то варианту жизни, который в итоге так я и не нашел. Потому как, как раз сейчас я понимаю, что все прожитое было напрасно. И по большому счету, все эти 12 лет были стремлением каким-то незадачливым образом завершить эту самую жизнь.

'Как бы так угадать, чтоб не сам, чтобы в спину ножом...'. Наверное, всю свою жизнь я как раз искал повода осуществить эти строки Владимира Высоцкого. Вот только теперь, когда быть может завтра или уже сегодня (в любой момент меня могут вызвать на казнь) готовы исполниться они, -- я оказался не готов к этому. Ибо по-настоящему захотел жить.

Я как-то неожиданно понял, что действительно хочу жить. И быть может, даже знаю как бы я жил. Как бы я жил... Но этого уже не произойдет. Я почему-то даже уверен, что уже ничего в моей жизни не произойдет. Вот только, наверное, глупо умирать, когда не за что. Ведь стоило мне только случайно, даже во сне, в самом жутком и сумасшедшем сне совершить то, в чем меня обвиняют,-- и, наверное, я бы убил сам себя за... совершенное. За совершенное, что не совершал.

Неужели кто-то мог это совершить? Неужели кто-то способен был пойти на такое? Человек ли это? Нет. Не человек... а ведь я человек. Я ведь пока еще человек... Хотя ни у следователей ('кроивших' мое дело), ни у прокурора (готовившего обвинительную речь), ни у судей (зачитывающих приговор),-- не было убежденности в том, что я человек. Да, наверное, у меня бы и у самого не было... Если бы это действительно совершил я...

Мне все время не хотелось жить. Я как-то неожиданно понял, что моя жизнь начинает идти совсем не по тому плану, который (сейчас уже и не помню), но который наверняка все же был у меня.

Был... Хотя именно сейчас все убеждает меня в обратном.

И тогда уже получается, что по-настоящему никакого плана целесообразно, с пользой, использовать свою жизнь - у меня никогда не было.

И, наверное, от того не хотелось жить.

День второй

В итоге, если разобраться: что я мог вынести позитивного из всех тех различных, по сути, форм мракобесия (даже не знаю, как это иначе назвать?), что являла собой тогдашняя моя жизнь?

Загадка. Действительно загадка. Потому что на самом деле получалось, что я ко многому стремился. Но, получается, так ни к чему и не пришел. (Если не считать моего сегодняшнего нахождения здесь).

То есть, иными словами - я словно сознательно запутывал свою жизнь. Пока не запутал ее основательно. Настолько, что уже начинал чураться собственной тени. Меня шатало от простых и нелепых увлечений чем-то фееристичным, до поиска смысла жизни в Боге. Я попутно становился то рьяным последователем религиозных догматов, - то самым отчаянным алхимиком. И начинал поиск основ Бытия уже исключительно в метафизике. А потом возвращался обратно.

Меня носило от одного увлечения к другому. Через какое-то время изучения той или иной философско-религиозной дисциплины - я разуверивался в ней. И догматическое сребролюбие - сменяла почти полнейшая антипатия к ней.

В итоге я могу признаться, что так ни в чем себя и не нашел. Но запутал себя основательно.

И вместо того, чтобы, в конце концов, примкнуть хоть к какому-то течению (которое, так или иначе должно было, вероятно, меня вывести к истине), я пришел к совсем уж, черт знает, к чему. А именно - к отрицанию всего и вся.

Но этого мне показалось мало.

И я уже начал вести полу-маргинальную жизнь. (Запутывая себя, замечу, тем еще больше). И может, в конце

концов, что-то и могло вывести (почему-то какие-то остаточные истоки надежды сохранились во мне и по сей день; особенно когда я вспоминаю о прошлом), но я как-то быстро стал спиваться. И тогда уже именно в Бахусе мне стали являться какие-то полубожественные, полу-мистические откровения. Которые, конечно же, ни к чему меня привести не могли. Но ими стала подменяться моя настоящая жизнь. И я могу сказать, что как минимум несколько лет моей жизни прошла под знаком сего неприятного факта. О котором только потому что он был - я просто и обязан упомянуть. (При, быть может, и сегодняшнем моем протесте).

Что это был за период?

Обнимал он, вероятно, где-то 3-4 года моей жизни. То есть, если учесть что 18-19 лет еще прошли под знаком относительного спокойствия (попросту исключительных метательств и шараханий из стороны в сторону), то значит от 19 - три, четыре года, получается где-то 22 - 23. (Скорей всего 23).

Тогда мое внутреннее состояние как будто пришло к какому-то успокоению.

Заканчивалась моя отсрочка от армии. Я, было, решил продлить ее (ну, то есть, проплатить, чтобы купить и дальше право нести долг армии заочно), но отчего-то подумал, что именно армия может меня вернуть к нормальной жизни. И поэтому период с 23 до 25 прошел под знаком службы в Вооруженных Силах. И это притом, что до армии я уже учился в институте (прошел 2 курса, плюс один у меня уже был - я восстановился -- в прошлом). Но видимо в то время институт еще не дал мне того ума, что пришел после. И фактически сбежав (в том числе и от него, а не только от жизни), я можно сказать, почти не пожалел. Почти,

---

потому что в армии я чуть не устроил самосуд над старослужащими (бывшими, замечу, младше меня), но... В общем, после демобилизации я все же смог закончить прежний вуз (получается, с третьего захода), и... А вот в том-то и дело, что в моем психическом состоянии так ничего и не изменилось. Я сам ловил себя на мысли, что может если бы мне еще в 18-ть показаться какому врачу - психиатру, то может быть именно он бы смог мне помочь в моем поиске смысла жизни. Но как-то получалось, что я неосознанно избегал их. Причем, наверное, до сих пор не могу толком сказать почему?

В общем...

(Чувствую, что я начал запутывать сам себя. Писать сегодня не в состоянии. Только что пришел ответ на мою кассационную жалобу. Приговор оставили в силе).

День третий

В моей жизни все время получалась какая-то путаница. Вопрос: кто был во всем виноват? - для меня даже не стоял. Потому как, если у кого и были сложности с ответом, только не у меня. Я вообще, если вспомнить (а теперь я впервые получил полное право - после вчерашнего известия - превращать мою прошедшую жизнь в воспоминания) всегда относился к жизни с неестественным чувством вины.

Я жил - словно был заранее виноват. Да и жизнь я воспринимал как одну большую вину. Вину как за совершенное мной; так и в большей степени - то, что, быть может, только предусматривалось в будущем. Хотя, какое для меня могло быть будущее? Я всегда с большим опасением относился к нему. Боялся

его. И, наверное, даже то, что произошло сейчас - является в какой-то мере неким следствием как чувства вины, так и, пожалуй, неким производным всей моей жизни.

Другими словами, приговор - был итог (вернее - подведение итогов) жизни. Моей жизни. Но ведь я ее для себя выбрал сам?

Окидывая прошлое, задумываюсь: могло ли выйти как-то иначе? И уже было склоняюсь, что нет, как все же что-то остается во мне, что как будто бы готово произнести иначе. Но вот могло ли реально произойти иначе?

Я родился в семье кадрового военного. Дослужившись до подполковника, отец внезапно скончался от инфаркта. Мать пережила его всего лишь на год - и погибла при невыясненных обстоятельствах на работе, спасая от пожара документацию (она работала бухгалтером в каком-то строительном тресте).

Была у меня сестра, но она умерла еще маленькой. Растила меня бабка (по отцу. Родители мамы погибли еще в войну. Дед - муж бабки - тоже погиб, по-моему, при битве за Сталинград).

Бабка Полина была набожная христианка, староверка. Не знаю, как удалось ей сохранить веру при коммунистах; тем более, что после смерти матери она переехала в нашу городскую квартиру; но я часто помню, что по ночам просыпался от каких-то жутких завываний, и на цыпочках подкрадываясь в кухню, видел, как бабка стояла на коленях перед иконой (которую она привезла из деревни), перед иконой горели свечи, и молилась. Периодически она плакала и тихо завывала. Слышно особо не было. Но я слышал. И мне было жутко.

Школу я закончил с трудом. Учиться не хотелось. Вероятно, я тогда уже толком не знал, что хотел. Но как бы то ни было, мне удалось и поступить, и закончить институт. Хотя, судя по времени окончания - тоже с трудом.

Нигде работать я тоже не хотел. И это несмотря на то, что я рос совсем не ленивым. Быть может даже наоборот. Но вот каким-то странным, наверное.

Хотя спроси меня кто - уж точно и не ответил бы ничего про себя. Себя я не знал. И по большому счету - в разгадке собственной личности, по всей видимости, и заключался мой жизненный путь. Этакие, вечные поиски самого себя. И то что сейчас я оказался здесь - вероятно, в какой-то мере, есть итог (или как я уже упоминал - следствие, результат) моей жизни.

Но вот какой она должна быть на самом деле - я не знал. Да и вряд ли кто знал, кроме меня. Но я не знал. Мой путь был неизведан. Неизведан настолько, что, наверное, должно было пройти много времени, прежде чем я что-то бы по настоящему понял.

Впрочем, уже этого времени нет. Я лишен его. Меня - лишили его. И тогда, быть может, эти мои записи есть некая сумбурная возможность хоть что-то оставить после себя.

Я вообще, всю жизнь хотел что-то оставить после себя. Но оставлял подобное желание как бы 'на потом'. Будучи уверен, что это 'потом' когда-нибудь наступит. Да вот, видимо, не успел.

Суждено ли мне когда-нибудь успеть? Наверное, уже нет. Да и действительно нет. Но хотя мое прошение о помиловании (за те преступления, которые я не совершал) отклонено - во мне все

равно продолжает жить какая-то надежда. Хотя... есть ли в реальности хоть ничтожная доля ее? Не знаю... Наверное, нет.

Тогда на что же я еще надеюсь?..

Этот вопрос иногда не дает мне покоя. При этом я понимаю, что глупо задавать его. Хотя бы потому, что надеяться мне уже не на что. И следует принять все 'как есть'. Но вот что-то все же не дает мне покоя...

В моем сегодняшнем состоянии меня мучают множество мыслей. Они перебивают друг друга. Воспоминания из прошлого наслаиваются одно на другое. И если я что-то вспоминаю, то почти тут же вспоминаю и что-то другое. И уже начиная думать об одном, я нисколько не уверен, что закончу думать об этом же. И при этом, совсем нельзя сказать, что в моей голове царит хаос. В моих мыслях вообще не было никогда никакого хаоса. Просто получилось так, что в какой-то последний момент мне как-то удавалось структурировать мои мысли. И я, вроде как и не ожидая этого, все же приходил хоть к какому-то, но логическому завершению.

Более-менее логическому. Потому что все равно понимаю, что это было настоящее замешательство. Почему? Да потому что такой уж я был. Без какой-либо надежды измениться...

...Судьба. Верил ли я когда-нибудь в судьбу? От бабки я даже не унаследовал веры в Бога. И даже по сей день не знаю: есть ли он? При этом нельзя сказать, что я не задумывался об этом. Конечно же, задумывался. Да вот мысли мои... В один и тот же день я мог и признаться в любви к Богу, и начать проклинать этого самого Бога. При этом понимая, что то, что я его проклинаяю - уже как бы говорило за то, что я в него верю. Но вот что это была за

вера? В истинном понимании значения этого слова. Потому что можно говорить: 'верую' -- и это будет правда. Потому что и любить и ненавидеть Бога означает суть одно - верить в него. И при этом меня нельзя было сравнить с христианским верующим, потому что их 'верую' -- означает любовь к Богу. А у меня же одновременно с этой любовью жила и ненависть. Потому что Бог забрал у меня родителей. Которые, были еще не настолько старыми, чтобы умереть своей смертью. Но их как будто лишили и этого. Так нужна ли мне была вера в такого Бога? Нет! Я проклинал этого Бога. Как проклинал и того божественного мерзавца, кто выдумал весь этот церковно-религиозный бред. И забивал им умы людей.

...Я ненавидел Бога. Хотя если бы действительно он был, то я уже скоро должен предстать перед ним. Что он мне тогда скажет? Да и до меня ли будет ему? В один день и в один и тот же час умирают миллионы христиан. Чтобы выслушать всех - надо собрать их на одну большую равнину. А самому стоять на возвышении. И говорить самому. Как в той же Нагорной проповеди. Но и тогда... Не каждому удавалось и при жизни его (вернее - сына его; вернее: и его и его сына) поговорить с ним. Тогда, что же говорит за то, что это удастся мне?

...Да и что я ему скажу? Желаящих сказать Богу кто он и что представляет из себя - и так наберется толпа. И тогда уже о моей беседе не может быть и речи. Потому как не привык я продвигаться сквозь толпу, раздвигая ее локтями. Я лучше обожду. Когда все закончится. И уйду ни с чем восвоюси.

Но и все же, если что-то все же сможет меня так одурачить (как и миллионы верующих), что я вдруг в последний

момент поверю в него. И буду считать это, конечно же, не каким-то обманом (как считаю доселе), а откровением божьим. И тогда, получается, сможет Он простить грехи мои. И бывшее неверие мое. И примет меня в царствие Божие...

День четвертый

Наверное, загадка: почему я вообще живу? Так ведь скоро эта загадка должна как бы разгадаться сама собой. И уж точно, меня она не будет волновать.

В моей жизни никогда не было ничего закономерного. (Ну, или почти ничего). Все большей частью подчинено какому-то интуитивно - хаотическому движению. И лишь за малым исключением это было действительно так.

Я могу сказать, что жизнь вообще не удалась. Имея в виду ожидаемый меня финал, вполне можно сказать и так. Но было бы излишне обманчиво так-то уж в полной мере верить тому. Потому что главным в моей жизни - была попытка жить. Стремление выйти из цепи закономерностей (в соответствии с которыми существует большинство людей). И я могу сказать, что это мне в какой-то мере действительно удалось. Потому что... Потому что я не мог смириться и как бы изначально подстраиваться под общепринятые установленные нормы и правила. Хотя и, главным образом, это касалось человеческих взаимоотношений. Потому как выйти за рамки навязываемых социумом, я, конечно же, не мог. Боялся. И несмотря на мое, порой, дикое желание подавить в себе этот страх, на самом деле, конечно же, я не мог ничего поделать. И уже это, быть может, в какой-то мере постоянно раздавливало меня изнутри. Мою

психику. Мое самосознание. Превращая меня, в конце концов, в раба собственных иллюзий и веры в то, что это когда-нибудь закончится.

Не закончится! Я знаю, что не закончится. Разве что прекратится насильно. Вместе с моей жизнью. Которая мне, признаться, порядком надоела.

Но вот что самое обидное. Только недавно мне стали открываться те жизненные принципы, к которым я, по сути, всю жизнь и стремился. И если теперь все закончится...

День пятый

Раньше я каким-то образом жил в меньших сомнениях с самим собой.

Быть может, даже этих сомнений и не было вовсе. Мне казалось, что я знаю, каковой должна быть моя жизнь. Ничто почти не омрачало этой моей уверенности. Я был твердо убежден, что все должно быть именно так, как я это делаю. Любые сомнения рассеивались в должной (соответствующей моменту) доле алкоголя. И растопляя неуверенность в вине, я избавлялся от нее. И мне не было так уж больно как сейчас. Как уже несколько лет. С тех пор как я бросил пить.

Это тоже, в своем роде, насилие. Насилие над собой. Откуда такой аскетизм и самобичевание? Быть может из Библии, которую я прочел еще будучи школьником старших классов? Независимо от моего отношения к этому учению (а я, к сожалению, не веря в это так, как верят христиане, в тоже время не являюсь и ярым безбожником), сказанное в Священном писании вошло в мою кровь. Распространилось с ней по телу. И поразило

мои мозги. Поэтому, какие бы мысли не приходили после, они уже были исковерканы этим треклятым учением. Учением, которое я забыть не в силах. Которому я не могу подчиниться. Но и избавиться от которого не могу.

Я проклиная себя. В первую очередь себя. Потому что чем я становился старше, тем больше понимал, что вина за все лежит именно на мне. И по настоящему, наверное, моя трагедия состоит в том, что я не могу ни поверить, ни убедить себя не верить этому.

Это моя боль. Которая уйдет вместе со мной в могилу. Если таковая, конечно же, будет. (Я даже не знаю - хоронят ли смертников?).

У меня не осталось родственников. (Бабка Полина умерла пять лет назад). И по сути, я умираю, не оставив после себя никакого следа. Быть может потому-то я зачем-то пишу эти строчки. Хотя и по настоящему: зачем?

День шестой

Вероятно, ситуация и на самом деле удручающая. Но иной раз мне кажется, что и не о чем писать. В то время как написать хочется о многом. Но вот справедливый вопрос: вправе ли я описывать мою жизнь так, как ее видел я? Или еще верней: каковой она мне казалась?

В то время как я почти уверен, что на самом деле заблуждался. И такой, каковой ее помню я сейчас, на самом деле она не была. То есть я о том, что тогда, в тот какой-нибудь конкретный период моей жизни, она мне казалась очень даже

другой. И тогда получалось, все, о чем бы я не написал - будет самая настоящая ложь. И не больше и не меньше.

Загадка.

Но тогда уже почти таковой же загадкой была вся моя жизнь. И понимание жизни, непременно в этом случае базируется на каких-то ошибочных, а, по сути, ложных восприятиях. И на самом деле ничего из того, что готов поведать я, никогда и не было. А если и было (притом, что это действительно было), то это главным образом есть искаженный взгляд на вещи. Взгляд, который мне уже, по сути, и не принадлежал. Потому как помнил я сейчас лишь искаженную сущность его. Вот ведь как...

Выросши фактически без родителей (а их смерть застала меня в совсем юном возрасте, когда любые впечатления, а тем более воспоминания, кажутся абстракцией) я рисовал в своем воображении их такими, какими они, в принципе, могли быть. И то о чем я поистине жалею, это о том, что в пору жизни моей бабки - не расспросил у нее о них.

Нет. Я конечно же, что-то спрашивал. Но большей частью расспросы мои приходились на тот период, когда сам я еще был слишком мал, чтобы отделять, как говорится, зерна от плевел.

Потому что бабка врала безбожно. А я, как-то интуитивно догадываясь о нереальности историй, которые как 'отче наш' она рассказывала мне, все равно был вынужден верить им. Бессознательно верить. Да и, по большому счету, мне ничего и не оставалось. Хотя бы потому, что почему-то истории эти она рассказывала перед сном. Да еще тогда, когда я уже практически спал. И потому, если начало их я еще слышал, то вот конец... К моменту окончания я уже спал. И видимо это давало старушке все

основания домысливать никогда не совершаемое моими родителями по своему усмотрению. Что она и делала очень даже охотно. И иной раз, бывало, вздрагивая от шума ее голоса (во сне я не всегда узнавал его), я долго вслушивался, пытаюсь присовокупить смысл услышанного хоть к чему-нибудь. И в большинстве случаев мне это не удавалось. И я погружался в сон, впитывая в свое подсознание новую тайну бытия. Разгадку которой оставлял 'на потом'. (Ну а уже этого 'потом', получалось, никогда и не было. Ну... выходило так).

И вот сейчас, когда уже, собственно, и давно уже нет живых бабки Полины (а я сам скоро отправлюсь вслед и за ней и за родителями), какие-то удивительные воспоминания о прошлом заполняют мое сознание. Являясь, главным образом, почему-то во сне.

Насколько можно верить сну? Насколько можно верить разгадкам сна, периодически предпринимаемым различными философами, психоаналитиками, писателями... Помните у Гюго: 'Если бы я знал где скрывается сон, я бы улегся у его порога...'. Многие касались разгадки сновидений. Почти никто из них не пришел к объяснению, удовлетворяющему меня. Да это и невозможно. Потому что, главным образом, я... я может и сам не знаю что хочу. Точнее, сейчас-то я как раз знаю. Не знал раньше. И тогда уже думаю: неужели чтобы понять что-то о своей жизни - нужно было очутиться в том положении, в котором сейчас оказался я. В положении, когда жизнь измеряется секундами до казни. По воле провидения складывающегося в минуты. Что вообще для меня загадка - в часы. И вот уже скоро минут седьмые сутки, когда я нахожусь в камере смертников, ожидая исполнения

приговора. И он может состояться, даже раньше, чем я успею закончить любое из моих последующих предложений.

...Думал, пришли за мной...

Оказалось, всего лишь предложили священника... Но зачем?..

Ведь я на самом деле, так до сих пор и не решил вопрос с собственной верой. По территориальному признаку, вроде как, следует верить в Христа. И не только в Христа, но и принять православие.

Из всей библии (Христос - вне споров) у меня какая-то особая привязанность к апостолу Павлу. (Значит - католицизм?). Но вот немного смущает, что уж слишком быстро он перестал убивать т. н. первых христиан, да стал не только поборником христианства, но и смог выбиться в церковные лидеры (основал в т. ч. ряд церквей, главная из которых церковь в Риме, правопреемницей которого является Ватикан). И смущает меня как раз то, что уж слишком странно человек в зрелом возрасте поменял свои убеждения на прямо противоположные.

С другой стороны, чем-то подкупает и протестантство. Ну уж очень непонятна ненависть Лютера (отца-основателя и реформатора церкви) к евреям. Подкупает иудаизм. Но я не могу до конца принять ряд концептуальных положений Ветхого Завета (Библии евреев). В чем-то нравится Коран. Но отпугивают ряд ортодоксальных положений их веры (хотя я могу признать, что по своей проработанности, быть может, ислам и величайшая из религий). Готов был бы стать буддистом. Но уж слишком далеко это все.

Да и вообще я могу сказать, если бы не те, кто считает своим долгом служить церкви... Именно они-то большей частью и отпугивают. Потому как любую идею, прежде всего, губят т. н. приверженцы и последователи ее. Потому что искажают они ее, зачастую, безбожно. И в большей массе, чтобы истинно что-то осознать, надо обращаться к первоисточкам (которые зачастую утеряны, а большей частью и намеренно искажены).

Зачем мне священник? Если я умру, то уж, наверное, с какой-то своей верой.

Но в кого?..

Удивительно, что меня еще не расстреляли. Иной раз мне хочется биться головой об стену, и умолять, чтобы это сделали побыстрее. Но я понимаю, что кто-то наверняка так уже вел себя до меня. А повторять их путь мне бы не хотелось.

Загадка...

День седьмой

Иногда жизнь кажется удивительной. Но вот я почти никогда не задумывался: насколько я могу себе позволить казаться удивительным? Удивляться жизни, воспринимать это самое удивление сродни некоему, в большей мере даже абстрактному понятию. И вот уже здесь, передо мной начинали возникать те противоречия, из-за которых, думаю, моя жизнь и закончится тем способом, которое уготовило наше правосудие.

Но вот что интересно. Понимая, что невиновен, я каждый раз испытываю очень большие затруднения, когда мне требуется это начинать кому-то доказывать. Я вообще по своей природе не люблю напрашиваться. И потому это в итоге сыграет со мной

злую шутку; и когда потребуется быть настойчивым в отстаивании собственной жизни, я совсем не сделаю этого. Но если это более-менее для меня понятно, то поистине загадочен давно мучивший меня вопрос: не было ли мое желание умереть столь сильным, что оно и явилось следствием некоей материализации мысли?! Ну а почему нет?

Вообще я давно уже понимаю, что моя жизнь загадка. И, наверное, уже с момента первоосмысления (то есть совсем-совсем ранних лет) я искал ответы, стремясь изведать ту тайну, к отгадыванию которой я, в общем-то, и не стремился. Что надо заметить.

И вот еще та ситуация, в которой я оказался, она как бы, быть может, впервые поставила меня перед необходимостью дать ответы на вопросы, которые быть может раньше если и возникали передо мной, то я их не замечал.

Да и до них ли мне было?

Я словно все время оказывался занят каким-то необъяснимым по важности трудом. И на самом деле, страдая, неосознанно (бессознательно) делал все, чтобы эти свои страдания усилить. А ведь может, как было бы просто - разобраться в себе. Понять себя. И не совершать больше поступков, следствием совершения которых - и явилось мое нынешнее пребывание в этих условиях.

И о чем ведь на самом деле думать мне, как не о смысле дарованной мне жизни; не о пройденном мной пути; том пути, на который ступил я тридцать лет назад, и который столь бесславно закончится для меня.

Писал ли я раньше?

Нет.

Имел ли намерение писать?

Наверное, да. Хотя как раз в этом уже кроется причина всего произошедшего со мной. Ибо получалось так, что я словно намеренно запутывал себя самого. Так же как и искал то, что найти не мог уже по смыслу нереальности, или что еще вернее - неоформленности в какую бы то ни было мысль.

Так получалось, что я запутывал сам себя.

Так получалось, что я намеренно искажал дарованную мне действительность.

И в этом самая большая и печаль и боль моя.

Я стремился неизвестно к чему. И тогда, когда уже как вроде бы и достигал эту неуловимую тайну бытия, каждый раз находилось что-то, что отбрасывало меня назад. К тем истокам, которые все время были для меня новыми и по-настоящему неизведанными.

И я не знал, даже точнее - я не верил в какое-то скорое разрешение моих внутренних противоречий. И потому словно намеренно делал все так, чтобы запутать себя невероятно. И в этом (из-за этого) и не должно быть пощады для меня. Не должно...

Уже неделю, как я находился здесь. Еще находясь в пересыльной тюрьме, я узнал (по существующим в подобных местах легендах, не имеющих, скорей всего, какого-либо реального подкрепления правдой и принимаемых на веру как бы априорно), что ожидание в камере смертников может тянуться и месяцами, а может все решиться и за несколько дней. Верно то, что ни какой зек не вдается в эти вопросы настолько, чтобы они

заполняли без остатка его разум. Хотя признаюсь уже на своем примере, ни о чем другом как бы не думаешь.

Об этом, конечно же, известно администрации. И быть может поэтому мне пошли на уступки, разрешив выплескивать (сублимировать) мое внутреннее состояние - на бумагу. И в этом, как ни странно, я могу быть только благодарен 'куму'. Потому как не будь у меня такой возможности (особенно с моей психикой), я бы давно уже 'досрочно' наложил на себя руки. Потому что нет ничего мучительнее одиночества. И этого ежесекундного перегона собственных мыслей. Тогда как перо... перо позволяет хоть на какое-то время избавиться от этого. Хотя, наверное, - окончательного исцеления не происходит. Быть может оттого, что я знаю о том конце, который меня ждет. И это - хочешь - не хочешь, накладывает свой незримый отпечаток на мою жизнь. И на мои мысли, главным образом.

Ну и что тогда вообще весь наш мир? И уже как всегда, я возвращаюсь к одному и тому же вопросу, мучившему лично меня: что есть я? Загадка? Загадка бытия... И тогда уже быть может так и следует понимать (именно в этом ключе) мои невольные искания в течении всей жизни. Всей моей недолгой жизни. (Потому что я вновь и вновь вынужден как бы напоминать самому себе, что в скором времени все должно закончиться).

А вот что тогда наступит? Наступит ли то по-настоящему ожидаемое мной искупление самого себя? Или же ожидаемая мной смерть не есть на самом деле ничто, кроме как обычное исчезновение меня как индивида. И это по-настоящему самое обидное для меня, ибо по всему, хотелось бы мне чего-то совсем иного...

Я смертен. И именно в этом в скором времени мне предстоит убедиться. И как раз именно осознания этого факта я каким-то незадачливым образом все время стремился избежать. Притом что по настоящему, конечно же, избежать сего мне никогда не удавалось. Ну, разве что, если не считать того, что если не думать о чем-то - это есть уже (какое-никакое) избегание проблемы. Страх. Наверное, страх осознания ее. И тогда уже на самом деле...

День восьмой

Вот и прожит еще один день. А ведь я потихоньку начинаю сходить с ума. Но сейчас уже, верно, говорить об этом весьма неблагоприятное занятие. Тогда как, быть может, и был у меня шанс сойти за сумасшедшего. Если бы, например, адвокат мой настоял на судебно-медицинской психиатрической экспертизе (такая экспертиза на самом деле проводилась. Пациент признан вменяемым. Прим. ред.). Но вот что было бы тогда? Помогло бы мне это на самом деле? Ну а если нет - то насколько тогда я правомочен вообще сейчас об этом говорить?..

День девятый.

Этот день не принес никаких новых впечатлений. Все по-прежнему обыденно и серо. И мне с каждым днем все хуже и хуже. И если честно, уже появляются мысли, что не доживу я до казни, умерев раньше...

...Сегодня попросил прийти ко мне священника...

Исповедовался... Все по-прежнему...

Гнетущие мысли все больше обволакивают меня.

Иной раз мне кажется, что и не найти уже успокоения. Как только разрешить противоречия, убив себя. Самостоятельно убив. Мне кажется, я не выдержу, когда это должно произойти официально.

...Почему они медлят?..

На удивление у них неплохая библиотека. Мне достали почти все книги, которые просил я. И даже Кьеркегора, что, признаться, было для меня удивительным. (Наверное так же нужно удивляться наличию Ницше, Фрейда и Шопенгауэра. Зачитываюсь Монтенем и Сенеккой).

У меня почему-то проснулся интерес к философии. Это даже можно скорее сравнить со страстью. С самой настоящей страстью, которая поглощает меня...

...Хочется жить... А мне ведь и действительно хочется жить...

День десятый

Весь прошлый день читал. К записям не прикасался. Должно быть потому и набросился на письмо сегодня. Но почти все что написал, сжег. И теперь как будто начинаю сначала...

День одиннадцатый

Ничего не писал. Хотя мысли были.

Удивительное самоистязание, моральное самоистязание начинается в таких случаях. Да и вообще, если рассматривать нынешнюю необходимость писать эти строчки, то это как раз, по видимому, и есть ничто иное, как насмешка над самим собой.

Особенно тогда, когда действительно все как будто говорит о том, что нужно писать, а я не пишу.

Что это на самом деле? Так ли следует мне относиться ко всему, что неким чудодейственным образом дается свыше. Но и наверняка, уходит туда же. И не может быть никак иначе.

Оглядываясь, на, видимо, прожитую жизнь (странная надежда все же несколько дней не отпускает меня), я все больше начинаю осознавать, что нужно-то было делать все иначе. Чуть ли не с точностью наоборот. Но уже понимание этого, как раз и рождает в душе то чувство беспокойности, которое - если припомнить - было спутником всей моей жизни.

И почти никак иначе. Потому что если только допустить, что что-то могло бы уже пойти по иному, быть может, и совсем не запрограммированному сценарию, и я почти тотчас же должен остановиться. Потому как совсем не знаю - что должно быть дальше.

Что должно последовать за какими-либо моими, пусть и осознанными действиями (а на самом деле лишь казавшимися таковыми), и... и я действительно не знаю.

Ну а что же тогда? Как мне выходить из складывавшейся (порой неосознанно) ситуации? Что предпринимать мне уже в этом случае? Потому что... потому что, что-то все-таки говорит мне, что еще не все потеряно. И какая-то надежда есть. Существует.

Вот, правда, только существование ее совсем недоступно моему пониманию. И получается, вновь и вновь я погружаю себя в бездну. И падаю в нее, без какой-либо надежды спастись.

Мне бы еще пожить... Мне бы повернуть вспять время... Хотя все как бы и говорит о том, что ситуация в которой я оказался сейчас, неминуемо должна была наступить. И меня все так же должны (могли?) обвинить. И приговорить к смерти.

Приговорить за то, чего я никогда не совершал. Приговорить за серию тех убийств, в которых я практически не повинен. Ибо вина моя только в том, что я когда-то знал всех этих людей. Ну и быть может, когда-то ссорился с ними; что-то говорил в сердцах; но и не больше.

И то ведь, за исключением одного - я с ними не виделся уже давно. Но с того, с кем - как оказалось - меня видели последним перед его смертью (хотя, конечно же, я не последний; последний был 'убийца'), и началось - как уверял следователь - разматывание клубка; цепочки преступлений. Преступлений мной никогда бы не совершенных. И я могу считать себя виновным только в том, что когда-то действительно познакомился с этими людьми. Потому что уже понимаю, что лучше было бы мне этого совсем не делать.

Да и вообще, если (случайно) мне была бы дарована жизнь, я тот час же сделался бы отшельником, дабы уж точно никого не видеть. Потому что так получается, что мир зол и несовершенен. Как и точно так же несовершенны люди, населявшие его.

И еще как бы получается, что словно специально поддерживается некое равновесие. Потому как уходят из жизни как раз те, кто, быть может, мог бы помочь другим не совершить тех ошибок, которые ежечасно, ежесекундно, ежедневно совершаются ими.

И это одна из великих загадок мироздания. Потому что на самом деле никто никогда не берется разрешить ее. И все получается так, как будто это кем-то изначально запрограммировано. Положено. Установлено.

Но кем?

Я почти все так же не верю в Бога. Хотя получается, что ни в кого я уже так не верю, как в него. И фактически я уже стою на пути к нему. И даже, быть может, скоро меня доставят к той двери, за которой как раз и будет тот мир, в котором - мне хочется верить - будет все совсем иначе.

Удивительно, но мне кажется, что за незначительным исключением это должен быть не только более справедливый, но и более счастливый мир. Потому что люди, которые ушли из той жизни, они уже почти все как бы мудрее живущих. Быть может потому, что со смертью наступает то изменение личности, тот всплеск мудрости, когда человек вспоминает всю свою жизнь, замечая в ней и все ошибки, что когда-то довелось ему совершить. И осознание этого наверняка как раз и можно сравнить с тем духовным ростом, к каковому стремимся мы, пока еще живущие.

Вот и я... Мне бы раньше сесть за письменный стол, да переосмыслить уже прожитую жизнь. Задуматься о жизни будущей (потому как в понимании прошлого лежит возможность жизни будущей), и быть может, не было бы тогда того, что случилось со мной. И может быть наверняка, не был бы я сегодня здесь.

Но и я в какой-то даже не противлюсь судьбе. Потому что пусть эта казнь не за что-то физически совершенное мной, а за те обиды, которые я когда-то нанес людям. И уже из-за этого, я быть

может и ожидаю этой своей смерти. Потому что, наверное, действительно я виноват. И разве вину поступков не следует уравнивать с виной помыслов?! Ведь уже даже Иисус Христос сказал, что грех совершает не только тот, кто его совершает в реальности, но и даже тот, кто думает о нем. Так что получается, что я действительно виноват. Потому что если кого-то когда-то обидел (а это наверняка было. Пусть и кто-то позабыл это. Но ведь наверняка это тогда - в момент совершения обиды - оставило в душе человека боль), то... То вот за это-то как раз и кара эта.

И пусть меня обвинили в том, что никогда не совершал. Быть может это тоже знак свыше. Потому что иным способом и невозможно было обвинить меня. И наказать меня. А так... А так получается, что я все равно понес наказание. И скоро свершится оно. И не станет меня.

P.S. И тогда наступит искупление?

10.02.06.

Сергей Зелинский.

© С.А.Зелинский. Последнее откровение.

